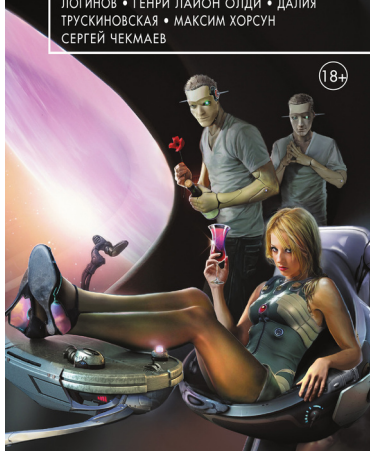

ЛЮБВИ ВСЕ РОБОТЫ ПОКОРНЫ

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА • ЮЛИЯ ЗОНИС • СВЯТОСЛАВ
ЛОГИНОВ • ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ • ДАЛИЯ
ТРУСКИНОВСКАЯ • МАКСИМ ХОРСУН
СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ

(18+)

Ринат Мусин
Вячеслав Бакулин
Валерий Скворцов
Светлана Тулина
Юлия Рыженкова
Юлия Налетова
Наталья Анискова
Далия Мейеровна Трускиновская
Сергей Трищенко
Евгений Шиков
Алла Анатольевна Гореликова
Агата Бариста
Эдуард Шауров
Максим Михайлович Тихомиров
Сергей Игнатъев
Дарья Зарубина
Кристина Каримова
Алекс Громов
Юлия Александровна Зонис
Никита Бражко
Александр Голиков
Миртл Либерман
Константин Кривчиков
Михаил Владимирович Рашевский
Влад Копернин
Александр Васильевич Сивинских
Вадим Валерьевич Вознесенский
Максим Дмитриевич Хорсун
Вадим Соколенко
Олег Мюллер
Марина Маковецкая
Георгий Виниковецкий
Владимир Марышев
Ирина Грановская
Татьяна Андревна Богатырева
Ефим Владимирович Гамаюнов
Ольга Леданика
Антон Пыхачев
Анна Алмазная

Михаил Мери
Николай Возняков
Анита Шухардина
Борис Богданов
Константин Ситников
Надежда Перова
Снежана Тиге
Евгений Юрьевич Лукин
Владимир Борисович Данихнов
Ярослав Кудлач
Игорь Валерьевич Минаков
Сергей Фомичёв
Сергей Владимирович Чекмаев
Генри Лайон Олди
Андрей Валерьевич Скоробогатов
Святослав Владимирович Логинов
Александр Карлович Золотко
Марина Дробкова
Майкл Гелприн
Александр Шишковчук
Александр Александрович Змушко
Валерия Малахова
Радий Владимирович Радутный
Ольга Шатохина
Дэн Шорин
Наталья Загороднева
Гарри Ви
Григорий Константинович Панченко
Любви все роботы покорны (сборник)
Серия «Русская фантастика (Эксмо)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9380419*

*Любви все роботы покорны : [фантастические повести и рассказы] / сост. Г. Панченко: Эксмо;
Москва, 2015
ISBN 978-5-699-78947-4*

Аннотация

Что будет с миром, где покупают любовь и продают мечты? Можно ли одинаково сильно любить двоих? Что будет платой за исполнение желаний – тело, душа? Может быть желанной?

Мрачное и прекрасное, смешное и странное – все смешалось в палитре страстей, пороков и затаенных желаний. Мир многогранен, и не сосчитать вариантов того, что возможно. И эльфийка задорно подмигивает орку. Среброволосая дева целует губы мраморного бога, демон покоряется смертному, и вовсе не бесстрастно наблюдает за утехами людей электронное око робота...

Генри Лайон Олди, Святослав Логинов, Евгений Лукин, Далия Трускиновская, Игорь Минаков, Максим Хорсун и другие в неожиданном и провокационном сборнике русской эротической фантастики!

Содержание

I. Андроиды восьмого дня	7
Далия Трускиновская	7
Евгений Лукин	18
Майк Гелприн, Наталья Анискова	27
Сергей Чекмаев	41
Ринат Мусин	54
Ирина Грановская	59
Никита Бражко	69
Эдуард Шауров	72
Антон Пыхачев	76
Вадим Вознесенский	89
Владимир Марышев	103
Георгий Винниковецкий	108
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Любви все работы покорны (сборник)

© Алмазная А., Анискова Н., Бакулин В., Бариста А., Богатырева Т., Богданов Б., Бражко Н., Ви Г., Винниковецкий Г., Вознесенский В., Возняков Н., Гамаюнов Е., Гелприн М., Голиков А., Гореликова А., Грановская И., Громов А., Данихнов В., Дробкова М., Загороднева Н., Зарубина Д., Змушко А., Золотько А., Зонис Ю., Игнатъев С., Каримова К., Копернин В., Кривчиков К., Кудлач Я., Леданика О., Либерман М., Логинов С., Лукин Е., Маковецкая М., Малахова В., Марышев В., Мери М., Минаков И., Мусин Р., Мюллер О., Налетова Ю., Николаев А., Олди Г.Л., Перова Н., Пыхачев А., Радутный Р., Рашевский М., Рыженкова Ю., Сивинских А., Ситников Ю., Скворцов В., Скоробогатов А., Соколенко В., Тиге С., Тихомиров М., Трищенко С., Трускиновская Д., Тулина С., Фомичев С., Хорсун М., Чекмаев С., Шатохина О., Шауров Э., Шиков Е., Шишковчук А., Шорин Д., Шухардина А., 2015

© Состав и оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

I. Андроиды восьмого дня

***Далия Трускиновская* Тридцать три невесты**

Итак, ребяташки, на чем мы вчера остановились?.. Анализировали маршрут экспедиции Клауса Гердера. Насколько я помню, проанализировали и нашли все восемнадцать ошибок, которые сделал Гердер. Но, с одной стороны, мы их нашли и даже составили список, а с другой – мы забыли задать себе вопрос: а как вообще могло получиться, что опытный капитан Гердер совершил эти ошибки? Даю подсказку: какую из них следует считать первой?

Ох, детки, детки...

Ладно, скажу сам. Первая была – за десять лет до экспедиции, когда Клаус Гердер женился на Мэри Орнано... Чего ржете?! Чистая правда.

Не надо жениться на тоненьких глазастых девочках из релакс-зоны. Это – акулы. Это – паучихи. Знаете, что у некоторых видов пауков самка после страстных объятий откусывает голову самцу? Ну вот, Мэри Орнано откусила голову капитану Гердеру. И дальше он летал уже без головы.

Она стала вить гнездо.

А знаете, что женщине нужно для полноценного гнезда? Не просто дом, мебель, детки, цветочки. Ей нужно, чтобы все соседи померли от зависти.

Вот именно поэтому Гердер хватался за все, где только можно заработать деньги. Когда Институт палеоконтакта получил по завещанию сумасшедшего миллиардера какие-то невероятные миллиарды при условии, что удастся найти наших предков на шестой Альфы Центавра, Гердер из шкуры вон лез, чтобы стать капитаном экспедиции. Ну и стал.

Он подписал контракт, по которому получал гонорар, достаточный, чтобы купить собственную орбитальную станцию. Думаете, Мэри Орнано пришла в восторг? Она изругала Гердера последними словами – мол, плохо торговался. И он ушел в экспедицию, имея в голове одну мысль: где бы еще раздобыть денежек.

Сынок, вытащи-ка в голокуб крейсер «Золото Рейна», поверни его правым боком, теперь дай вид сверху. Человечка, человечка поставь возле люка, чтобы был понятен масштаб!

«Золото Рейна», чтоб вы знали, Институт палеоконтакта не купил, а взял в аренду. Сэкономил! А почему арендная плата была меньше обычной – никто спросить не догадался. Правду обнаружил Гердер, когда знакомился с крейсером.

Собственно, не было большой беды в том, что в грузовых отсеках были сняты кое-где перегородки и устроены такие емкости, вроде цистерн хитрой формы. «Золото Рейна» лет десять назад, когда оно еще называлось «Аривара Нарихира», экологи использовали для перевозки редких животных. Гердеру вообще грузовой отсек был без надобности. Но отстегнуть и оставить в порту приписки, сами понимаете, он не мог.

Вытаскивать эти цистерны и восстанавливать грузовой отсек в девственном виде – не просто сложно, а очень сложно. Подробностей не помню, а помню только, что при установке всей этой дребедени что-то жизненно важное повредили, так что лучше было грузовой отсек лишний раз не трогать. То есть трогать-то можно, но ремонт обойдется больше кадастровой стоимости всего «Золота Рейна». Вот почему арендная плата была процентов на пятнадцать ниже нормальной.

Так вот, взяв на борт команду шарлатанов в количестве десяти человек и команду ветеранов разведкорпуса в количестве двадцати человек, чтобы охранять шарлатанов и бить их по рукам, если полезут куда-то не туда, Гердер стартовал и взял курс на первый портал, откуда мог прыгнуть приблизительно в сторону Альфы Центавра. Тогда уже научились отслеживать эти блуждающие порталы, но куда крейсер вывалится после прыжка, Гердер понятия не имел.

А теперь – немного про ветеранов разведкорпуса. Если человеку осточертели говорящие вулканы, живущие в стратосфере крылатые лягушки, хроноклазмы планетарного масштаба и растения, способные всосать в себя и переварить грузового робота, то он может уйти на пенсию в сорок лет. Многие так и делают. Но, посидев дома с полгода, они начинают тосковать и нанимаются на не слишком сложную работу. Так, чтобы задницей к дивану совсем не прирасти.

Когда Гердер вызвал меня на связь, мы с Гробусом мастерили перегонный куб. Кто такой Гробус? Хм... Почитайте в учебнике главу о конфликте с Амангельдой. Там есть эпизод, когда разведкорпус высаживается на спину тамошнего плавучего чудовища, вроде огромной черепахи. Так вот – сумасшедший, который прыгал по голове этой черепахи, чтобы заставить ее двигаться в нужном направлении, и был Гробус.

Мы уточнили условия, подумали и согласились. Работа предстояла несложная, суточные нам обещали приличные, а до того времени, когда нас обоих пригласили преподавать в высшем училище разведкорпуса, еще оставалось лет пятнадцать. Земных лет, ребяташки. Это больше, чем вам кажется.

Мы еще думали – брать ли с собой перегонный куб. И решили – брать, в полете доработаем, и будут у нас тихие мужские радости...

Повторите вопрос, курсант! Ах, в учебнике нет фамилии «Гробус»! Естественно, нет. Когда вы натворите в космосе столько, чтобы попасть в учебники, там под вашей физиономией будет подписано «Родриго Перфильев», а не «Засранец Род»... Ну, хорош бы я был, если бы не знал, как вас прозвали после того печального случая в аэродинамической трубе!

Очень давно профессор Виленский проспорил свою голову. Ему пришлось обриться наголо и вытатуировать на черепе карту звездного неба – без подробностей, главным образом зодиак, в двести пятьдесят шесть цветов. А как из Глобуса он стал Гробусом – объяснять, я считаю, незачем. Ну да, профессор Виленский, кто же еще...

Так вот, мы прибыли на борт с четырьмя большими сумками багажа, разместились в каютах, познакомились с шарлатанами и взялись за свой перегонный куб, потому что других дел пока не предвиделось. Да, еще мы, ветераны, составили график дежурств в капитанской рубке. Это было необходимо – дежурить там попарно. Господа из Института палеоконтакта оказались склочниками и интриганками. Они повадились бегать к Гердеру, чтобы клязничать и ныть. Когда он пытался выставить их из рубки, они закатывали истерики.

Ну, вроде вводная получилась очень подробная. Стало быть, действующие лица этой трагедии – Клаус Гердер, штурман Бванга Нгуенга, врач Ван Ду Фу и мы с Гробусом.

Пять человек, находившихся в рубке, когда нас вызвал на связь незнакомый борт.

Мы вышли из прокола в очень удачном месте – почти в кубе пересечения трасс, где можно было напороться на наших союзников по Амангельдийскому конфликту – сами посмотрите в учебнике, на что они похожи, все пять рас. Но там же выскакивали из проколов и совершенно непредсказуемые сюрпризы.

Неопознанный борт как раз и был таким сюрпризом. Но мы имели туманное представление о порте его приписки. Когда мы приняли его позывные, Бванга сразу задал нужную программу транслятеру.

– Двигатель «Шестиногий хвостатый», – так буквально перевел транслятер обращение. – Просит помощи за материальную компенсацию.

Гердер насторожился.

– Предлагает за единицу груза эквивалент эталонной унции фербеллина. Доставка...

Тут транслейтер назвал точные координаты, которые к вам, ребяташки, не имеют ни малейшего отношения.

– Для этого нам придется сделать приличный крюк, – ответил Гердер, но по его лицу мы поняли: согласен на какой угодно крюк, только перед нами неловко. Унция фербеллина – это вообще-то годовое жалованье капитана дальних трасс.

– Нам известно, – согласился транслейтер. – Это оплачивается.

– Но... но... у нас проблемы с грузовым отсеком, – совсем уж жалобно бормочет Гердер. – Мы бы охотно помогли, но грузовой отсек...

– Мы просканировали ваше судно, – отвечает транслейтер. – У вас есть подходящее помещение для нашего груза. У других такого нет. Ваша атмосфера – наша атмосфера. Поэтому обращаемся. Дело выгодное. Аванс хороший. Груз не беспокойный. Тихий, мирный груз. Шуметь не будет.

– Он живой? – спрашивает озадаченный Гердер.

– Живой весьма. Совершенно разумный... – тут транслейтер делает очень выразительную паузу. – Насколько это вообще возможно.

– Не хочу рисковать, – заявляет Гердер. Но в голосе звучит мольба: уговорите меня, уговорите меня!

– Груз может подписать конвенцию. Весь. Любым способом. Может всю дорогу спать. Это опционально.

– Спать? – тут Гердер задумался. – А много этого груза?

– Примерно восемьдесят земных центнеров. Вместе с кормом и гигиеной.

– Хм...

Сами понимаете, ребяташки, для такого крейсера, как «Золото Рейна», это, это... ну, как для вас – коробка с китайским завтраком.

Гердер стал торговаться и выторговал и себе, и нам, Гробусу и мне то есть, повышенную ставку. Отдельно оговорили вознаграждение штурману и врачу – только потому, что они случайно оказались в рубке во время переговоров!

Потом транслейтер отключился, а мы устроили военный совет.

Встал вопрос: что делать с нашими шарлатанами, да и с нами заодно? Мы с Гробусом посоветовали уложить шарлатанов в анабиозные ванны, потому что знать правду им незачем. Они и так бегали к Гердеру ябедничать друг на дружку, а что будет, если крейсер изменит маршрут? Они же, когда вернутся в свой Институт палеоконтакта, первым делом донесут обо всем начальству. Оставалось восемнадцать ветеранов.

А у нас, если вы помните, был при себе недоделанный перегонный куб.

– Все очень просто, – говорит Гробус. – Мы доводим конструкцию до совершенства и пускаем в оборот каждый день литров по сорок отличного спиртного. Что такое разведкорпус – я знаю. Если ребят поить регулярно, они не заметят, даже когда мы возьмем на борт филиакрийского осьминога, а он, дай ему филиакрийские демоны здоровья, может поковырять в зубах Эйфелевой башней.

– А закуска? – спрашивает умный Ван Ду Фу.

Закуска рационом не была предусмотрена. Вообще наше питание больше всего подходило для детского госпиталя – одни витамины, да клетчатка, да последние достижения диетологии. Кстати, ребяташки, имеет смысл брать с собой в рейс соленые огурцы в штатной емкости для петриола, она гибкая, ее легко к брюху примотать и пронести на борт. Правда, отмывать придется долго, и все равно у огурцов будет какой-то загадочный привкус, и не каждый желудок согласится с этим привкусом, но такая закуска все же лучше тюбика с перловой кашей.

Мы вспомнили, как однажды перепрограммировали кулинарный автомат – и как раз с этой же целью. Бванга обещал поколдовать, чтобы на выходе было что-то вроде копченых соевых сосисок. В общем, к часу погрузки мы запугали наших шарлатанов метеоритным дождем, показав им запись этой беды из штурманской энциклопедии Бванги. Пока мы распахивали их по ваннам, всюду трудился перегонный куб. Гердер пригласил ветеранов отметить день рождения, и к моменту стыковки мы имели восемнадцать блаженных тел без малейших признаков разума.

Так вот, люк... Сынок,ними-ка с голограммочки наружную стенку. Да, вот именно сюда поочередно пришли четыре катера нашего нанимателя. Первым делом мы выгрузили то, что транслейтер назвал «гигиеной». Это были большие мешки, в которых колыхалась, как потом обнаружилось, густая жидкая грязь. Мы с Гробусом на карах доставили их в грузовой отсек и при помощи порталных кранов разложили по цистернам. Вот, вот, видите – это опоры порталных кранов...

Затем явилось лицо, сопровождающее груз...

Ну, лицо – это слишком красиво сказано. Первые две экспедиции, побывавшие на Тауринде, поверили датчикам, показавшим состав атмосферы, фактически идентичный земной. Но он там бывает таким примерно полгода. Потом начинает цвести эта проклятая лилия Меркуса, и тот, кто подышал ее пылью, разбухает, как на дрожжах. Человек изнутри становится этой самой лилией, будь она неладна! Нескольких парней удалось спасти, остальные укоренились и потом цвели, как ненормальные, даже в скафандре было страшно подойти.

Так вот, вылезло сопровождающее лицо, формально – человекообразное, но с физиономией воооттакущей, мало чуть поменьше аварийного люка в ремонтном катере. Красота у него была такая: все то же, что на человеческой роже, только растянутое вширь на полметра. Ну и рот, соответственно, как у хищной лягушки. Весило это лицо примерно полтора кила и было одето в парадную мантию из красных и бурых листьев. Да, и еще – оно было покрыто мелкой лиловой чешуей. А на груди висел транслейтер. Живописное, доложу я вам, чудище.

Мы с Гробусом переглянулись, а во взгляде вопрос, один на двоих: когда перегонный куб выдаст следующую порцию?!

Все бы ничего, но запах гнилого болота...

– Доктор Кырдык, – представилось чудище. Тут мы с Гробусом еле устояли на ногах.

Кырдык объяснил Гердеру, что сопровождает груз, а груз – тридцать три девственницы той же самой породы. И, чтобы у нас не осталось вопросов, описал ситуацию.

Эти человекообразные, называющие себя мырриями, были довольно умелыми трассовиками и колонизировали несколько крупных астероидов на трассах, ведущих к подходящим для них звездным системам. Естественно, обживали эти астероиды чешуйчатые мужчины. И, когда все там было обустроено, они запросили свое начальство на предмет невест.

Невестой космического строителя может быть только девственница, это – главное. Выйти замуж за такого героя – большая честь. Был объявлен конкурс и собран первый девственный десант. Кырдык строго сказал, что мы не должны облизываться на этих невест – не для нас они себя хранят. Мы поклялись, что будем мужественно сдерживать свои страстные порывы.

На самом деле у нас с Гробусом был один страстный порыв на двоих: лечь в анабиозную ванну, да поскорее! Чтобы не видеть эту процессию...

После того как Гердер подписал контракт с феноменальной неустойкой (особо оговаривалась неприкосновенность девственниц) и отправил его в нотариальную контору ближайшей мыррийской колонии, Кырдык и наш Ван Ду Фу развели красавиц по цистернам. Обнаружилось полное соответствие – они прекрасно разместились по трое в каждой, поверх

мешков, потом мешки продырявили – и наступило для них мыррианское счастье. Из грязи торчали только ноздри.

– Для красоты и любовного призыва, – объяснил доктор Кырдык. – Целебный состав, который улучшает кожу и придает ей изумительный аромат.

– И что, они всю дорогу будут так сидеть? – спросил Гердер.

– Мы обещали, что с ними не будет проблем, – ответил Кырдык. – Они тихие и благовоспитанные, как положено девственницам.

Н-ну... тихими я бы их не назвал... Они перекликались, испуская трели и свист. Если закрыть глаза – кажется, будто ты в джунглях Амазонки.

Кырдык занял огромное корыто, в котором прежние арендаторы «Золота Рейна» устроили грядку с укропом и петрушкой, мы выдали ему несколько ведер воды, и наше безумное судно взяло курс на жениховский астероид.

– Сколько такая невеста может весить? – спросил Гробус, когда мы шли к своей каюте. – Не меньше двух центнеров?

– Кило сто семьдесят, пожалуй, – ответил я. И, как оказалось, ошибся. У мырриек было принято при первом знакомстве раздувать шейные и брюшные мешки, чтобы казаться больше и привлекательнее. Мы, с их точки зрения, были совсем негодными самцами, и они раздулись из чистой вежливости.

Потом мы занялись кубом и, честно говоря, злоупотребили его продукцией.

Пока мы расслаблялись после потрясения, незаметно уснули и проспали часов пять, «Золото Рейна» вышло к неожиданному portalу. Приборы показали, что нырять можно. Бванга пытался отговорить Гердера, потому что в логиях он такого блуждающего портала не нашел. Но Гердер попросил его сделать расчеты и понял, что этак мы гораздо скорее попадем к нужному астероиду. Они поссорились, потом помирились, и «Золото Рейна» вошло в портал.

Нас разбудил гудок тревоги.

Для человека, который выпил больше, чем мог, но меньше, чем хотел, такие сигналы – смерть. Но мы с Гробусом встали, кое-как утвердились на ногах и пошли в рубку. Там собрались Гердер, Бванга, Ван Ду Фу и Кырдык. Одно то, что Кырдык в рубке, было дурным знаком – выходит, положение опасное.

– Нас атакуют, – сказал Бванга. – Этот проклятый портал оказался синкрессионно ориентированным по пяти позициям!

– Ага, – ответили мы.

– Делайте что хотите, но разбудите ветеранов, – приказал Гердер.

– Невозможно, капитан! – доложил Гробус.

– Если они в таком состоянии припрутся в рубку, вас это не обрадует, – добавил я. – А кто хоть атакует?

Транслейтер исправно переводил нашу беседу Кырдыку. Это были довольно тихие трели и скрипы. Вдруг Кырдык заорал – и мы чуть не оглохли. Это было хуже, чем ревун на Ганимеде-Втором, который должен покрыть двести километров.

– Я говорил! Я предупреждал! Я требовал конвой! Им жалко унции фербеллина! – взывал Кырдык. И мы поняли, что не только Институт палеоконтакта хорошо сэкономил, арендовав «Золото Рейна», но и мыррийское начальство – наняв Гердера для перевозки девственниц.

Так вот, ребяташки, атаквали нас мыррийские пираты. Им, понимаете ли, тоже хотелось девственниц. Они умели рассчитывать эту здешнюю синкрессионность, а Бванга – нет. Вот они нас и подстерегли.

От них пришел ультиматум – мы должны передать им девственниц и проваливать хоть в преисподнюю.

– Да что такого в этих девственницах?! Почему из-за них такая суета? – удивились мы с Гробусом.

Кырдык объяснил. Оказывается, первый мужчина оставляет в девственнице что-то вроде ментального маяка. После чего она сорок два цикла может принимать только его, первого, – пока маячок не погаснет. Это значит, что верность мыррийской супруги гарантирована почище вклада в «Сириус-банке». Мы спросили, сколько длится цикл, но ответ был увязан с оборотами двух дневных светил и четырех ночных, так что мы ни хрена не поняли.

– А они за невест уже заплатили! – взывал Кырдык. – Это же бешеные деньги! Мое бюро разорится!

– И тут деньги... – пробормотал Гробус. – Что же делать?..

– Им нужны именно жены? – уточнил я. – Пиратам нужны жены?

– Да! – рявкнул Кырдык. – Взять в жены девственницу – это же великая удача!

– Это у вас такая редкость? – спросил Гробус.

– У нас вообще женщин мало рождается, – признался Кырдык. – А есть еще такие, которые не хотят выходить замуж. Они ищут докторов и что-то такое делают со своим циклом. А потом меняют мужчин! Представляете – они сами, по своей воле, сходятся и расходятся с мужчинами! Куда катится мир?!

– Как мы можем оборонять судно? – поинтересовался тогда Гробус у Гердера.

– Никак, – признался Гердер.

Институт палеоконтакта мог арендовать судно с полным боекомплектом. Но всех сбила с толку экономия. А «Золото Рейна» хоть и числится крейсером, но ни одного разрядника даже не имеет. Вот такая беда.

– Они не станут нас расстреливать, – сказал Бванга. – Им нужны девственницы, а не космическая пыль. Значит, бросят на нас десант с резаками. Если они просканировали нас, то знают, как отрезать рубку от грузового отсека. После чего судно станет жестяной, не способной выполнить даже торможение. Я складываю с себя полномочия и уйду.

– Куда? – спросил Ван Ду Фу.

– К предкам.

Бванга недавно вернулся к вере своего народа, вставил в нос два кольца и вывешивал поверх комбеза ожерелье из фальшивых клыков леопарда. Его понятие о чести было, на наш взгляд, чересчур уж строгим. Он взял деньги за работу, но не смог ее выполнить из-за форс-мажорных обстоятельств – ну, случается! Это не повод перерезать себе плотку осколком ритуального каменного ножа.

Мы с Гробусом переглянулись. Терять штурмана мы совершенно не желали. И, опять же, нас посетила одна мудрая мысль на двоих: куб! Нужно было заманить Бвангу в нашу каюту и напоить до поросячьего визга. А пока он будет отлеживаться, мы что-нибудь придумаем.

Или мы не ветераны???

– Капитан, если мы хотим сохранить судно и продолжить экспедицию, придется впустить пиратов, – сказал Гробус. – Тихо, тихо, про девственность я знаю! Но лучше заплатить неустойку, чем остаться на мертвом судне хрен знает в каких космических гребнях. Возьмите себя в руки, капитан! В конце концов, это наше судно, и мы знаем его особенности, а пираты – нет.

– Можно приготовить им ловушку, – добавил я. – Главное – потянуть время, чтобы успеть подготовить ловушку. Да что вы, в самом деле, капитан! У вас есть два трезвых ветерана разведкорпуса! Гробус, беги, принеси нашу продукцию, хотя бы грамм триста. И емкости не забудь!

Конечно, он притащил больше. Мы разлили продукцию, причем самая большая порция досталась Гердеру, и Гробус произнес любимый тост разведки:

– Ну, за успех нашего безнадежного дела!

Доктор Кырдык не очень понял смысл ритуала, но честно выпил свои двадцать пять грамм – больше ему наливать мы не рискнули, черт его разберет, этот мыррийский метаболизм.

– А теперь я пошел к предкам, – вдруг сказал Бванга.

– Гробус, беги за продукцией, – шепнул я. – Друг мой Бванга, мы все уважаем твое решение и не станем тебе мешать. Это честное решение настоящего мужчины, это твой выбор, предки будут тобой довольны... Господин Ван, что по этому поводу говорил Конфуций?

Наш судовой врач, естественно, конфуцианец и всегда охотно рассказывает истории из древней китайской жизни. К тому же он не дурак! Он понял мой замысел и открыл рот...

– Во времена династии Чжоу, в царствование славного императора Чэнь-вана... – торжественно начал он, и я вздохнул с облегчением: Бванга не станет перебивать старика, иначе ему достанется от предков, а Ван Ду Фу наверняка подкинет ему ценных идей, как следует этих самых предков ублажать.

– Пришел ультиматум от пиратов, – похоронным голосом сообщил Гердер. – Или мы выводим к ним девственниц, или они идут в атаку.

– Куда выводим? В открытый космос, что ли? – удивился я. – Капитан, скажите им, чтобы еще раз просканировали судно. Если они найдут катер, в который можно поместить тридцать три здоровенные туши, то я этот катер съем! И даже без кетчупа!

Вообще-то он нашей посудине полагался. Но его еще экологи куда-то подевали, а вместо него притащили катеришко на четыре персоны, и как им удалось, возвращая судно, обвести вокруг пальца его хозяев, – не спрашивайте, не знаю, могу только подозревать.

Да и этот, на четыре персоны, мне большого доверия не внушал. Мы с капитаном поспорили о его недостатках, но каждый остался при своем мнении.

Прибежал Гробус, принес продукцию, мы отвлекли Ван Ду Фу от культа почитания предков при династии Мин и героическим усилием влили в Бвангу примерно пол-литра. Эту проблему, стало быть, решили.

Оставались девственницы.

– Капитан, а что, если их лишить девственности? – спросил я. – Тогда они уже не нужны пиратам, их жизни ничто не угрожает, и...

– Ты сам этим займешься?

– Н-ну-у-у-у... По-моему, ответственность за такой акт должен взять на себя старший по званию, – предположил я.

– Неизвестно, может ли земной мужчина проделать это с мыррийской девушкой, – заметил Гробус. – Доктор Кырдык! Что вы об этом думаете?

Доктора не было!

Он исчез вместе с транслейтером.

Вот тут-то мы и охнули. Ведь он слышал все, что мы наговорили про маленький катер. Ситуация сложилась такая, что впоследствии, когда мыррийское начальство начнет разбираться, немало шишек рухнет на докторскую голову – или что там у них растет вместо шишек? Кырдык связался с каким-то подозрительным судном, он на свой страх и риск загрузил туда мыррийское сокровище – тридцать три девственницы, а насколько строгое там законодательство – мы могли только предполагать. В архивах разведкорпуса есть доклады о всяких карательных мерах, и я не удивлюсь, если доктору грозило лишение чешуи особо извращенным способом.

Он мог податься к пиратам и предупредить их о нашем плане устроить ловушку...

И у нас не было времени устраивать походный вытрезвитель для тех восемнадцати ветеранов, которых мы сами же и напоили!

– Так-так-так... – забормотал Гробус. – Камеры слежения!

Они в транспортном отсеке имелись. Но что с них пользы? Если Кырдык там, то мы просто не успеем ему помешать. Катер имеет автономное управление, и знающий человек легко может отключить централизованное. Кырдык, конечно, не человек, но настолько его лягушачьих мозгов хватит.

– Тем хуже для него, – решил Гердер. – В конце концов, за девственность отвечает он. А мы отвечаем за груз. Итак, к моменту, когда в люк вползет первый пиратский катер, девственницы должны быть лишены девственности. Вперед!

– Я буду контролировать процесс, – сразу заявил Ван Ду Фу. – Мне семьдесят четыре года, я и с одной-то не справлюсь. Но могу помогать советами.

– Тридцать три на троих – это одиннадцать, – посчитал Гробус.

– На двоих, – поправил Гердер.

– Это почему же?

– А я осуществляю общее руководство.

– По шестнадцать с половиной, что ли? – осведомился я. И, поскольку это было невозможно, мы с Гробусом яростно заспорили, кому – шестнадцать, а кому – семнадцать. В процессе мы на несколько минут забыли, что речь не о земных, а о мыррийских девицах. Вспомнили – и сразу заткнулись.

А Гердер в это время уже вел переговоры с пиратами и объяснял им, что на подготовку транспортного отсека потребуется именно час. При этом он осторожно пытался выяснить, вступил ли с пиратами в контакт доктор Кырдык. Он еще не покинул «Золото Рейна», но, возможно, уже приближался к маленькому катеру.

– Час... – прошептал Гробус. – Шестьдесят на шестнадцать...

– Три минуты сорок пять секунд.

– Черт возьми, ведь еще нужно их уговорить!

– погоди... Вот что! Нужно их вытащить из цистерн и уговаривать всех сразу!

– Уговаривать будешь ты!

– Нет, ты!

Мы сцепились и стали припоминать, кто, кого, когда и где уговаривал. Оказалось, что ни Гробус, ни я отродясь не имели дела с девственницами. Да и откуда бы им взяться в Дальнем Космосе на трассах?

А эти в придачу еще и чешуйчатые...

– Вы контракт подписывали? – строго спросил Гердер. – Пункт про форс-мажорные обстоятельства помните? Идите и решайте проблему!

– Транслейтер хоть дайте, капитан...

Он чуть ли не пинками загнал нас в грузовой отсек. Мы брели туда, как на эшафот. Ван Ду Фу успокаивал, как умел. Но и врачу было здорово не по себе. Кто их, мыррийских девиц, разберет – может, у них устройство какое-нибудь для землянина ядовитое, а времени на анализы нет?

Тридцать три невесты бодрствовали, перекликались нежными трелями и пересвистывались. Транслейтер доложил – предвкушают блаженство.

– Будет им блаженство... – проворчал Гробус. – Господин Ван, может, вы их попытаете уговорить? Вы человек умный, Конфуция читали... Капитан, дайте доктору транслейтер!

Ван Ду Фу собрался с духом и заговорил:

– Когда во времена династии Тан китайская медицина сделала огромный шаг вперед и появились трактаты об искусстве спальных покоев...

Тридцать три головы разом высунулись из цистерн. Мы с Гробусом охнули.

– Их же еще помыть надо!.. – простонал Гробус.

– И вытереть насухо!

– Влипли...

Мы не представляли себе, как будем обнимать этих девиц. По мыррийским понятиям, они были красавицы, а по нашим – горе и беда...

Однако другого способа спастись мы не видели. Да и этот выглядел как-то сомнительно – пираты, узнав такую новость, могут изувечить «Золото Рейна» всерьез и надолго.

– На сохранившихся раскрашенных гравюрах эпохи Мин мы видим любовную игру мужчины и четырех женщин, – вещал Ван Ду Фу, совершенно позабыв о цели своего доклада. Девственницы слушали, приоткрыв рты.

– Доктор, переходите к проблеме... – прошипел Гробус. – Время же идет!

Но наш китаец так увлекся воспоминаниями об эпохе Мин, что Гердер силой отнял у него транслятер.

Речь капитана была такая, что короче некуда: он приказал нашему грузу немедленно подготовиться к страстным объятиям. После чего мы дружно закрыли уши.

Оказалось, девственниц этих голыми руками не возьмешь. Они, сердито скрежеща, полезли из цистерн и пошли на нас, по пути вооружаясь всем, что под руку подвернется.

Мы успели выскочить из грузового отсека, вытащить Ван Ду Фу и включить аварийные замки.

– Вот теперь все точно погибло! – сказал Гробус. – Они устроят драку с пиратами, и ценный груз будет попорчен.

– Зато мы остались живы, – пробормотал я. Когда эти девицы шли на нас, растопырив здоровенные ручищи, я как-то сразу вообразил их страстные объятия и позавидовал тому пауку, которому самочка откусывает голову.

– Ненадолго, – утешил Гробус. – Эти сволочи от злости покалечат судно, и будем мы болтаться в вакууме, теряя кислород...

Смерть от удушья представилась нам во всей своей мерзости.

– А, может, девочки их отправят на тот свет?

– Девочки безоружны.

– Так дадим им оружие!

Естественно, у нас имелись штатные стволы – антиметеоритная пушка и тому подобные штуки. Но что может натворить антиметеоритная пушка в грузовом отсеке – понимают даже малые дети. Вся надежда была на нештатные стволы, которые всеми правдами и неправдами протащили на борт ветераны.

Мы с Гробусом переглянулись – и понеслись по каютам.

Добыча была жалкой – всего-навсего охотничий арбалет. Ветераны умеют прятать оружие – по себе знаю. А времени на правильный обыск у нас не было.

– Они швартуются к транспортному отсеку, – мрачно сказал Гердер. – Придется впустить. Вот, смотрите...

Экранчик его коммуникатора показал пиратов, которые на всякий случай прихватили с собой два плазменных резака.

– Я открываю люк, – Гердер вздохнул. – И иду переписывать завещание.

Мы с Гробусом могли уйти на катере. Но восемнадцать пьяных соратников? Что любопытно, про шарлатанов мы тогда напрочь забыли.

Гердер был в таком состоянии, что мы действительно за него испугались. Он брел, не разбирая дороги, почему-то в сторону судового кухонного комплекса. И тыкал пальцем в голографический экран коммуникатора. Очевидно, переделывал завещание.

– О филакрийские демоны! Он же идет к утилизатору! – сообразил Гробус.

Это были бы прекрасные похороны – рухнуть в бак утилизатора и вернуться к боевым товарищам в виде котлет по-венериански.

Мы побежали следом, Ван Ду Фу вырвался на повороте вперед. Он-то и споткнулся о доктора Кырдыка.

Доктор лежал на железном полу и спал.

Мы стали его трясти, и он просвистел такое, что целомудренный транслейтер отказался переводить.

– Что это с ним? – удивился китаец. – Дайте-ка я его обследую.

Ван Ду Фу умеет ставить точный диагноз по пульсу, по оттенкам цвета радужки, по ауре и, кажется, по электропроводимости ушных раковин. Он опустился на колени, попробовал и так и сяк, наконец объявил:

– Тяжелое отравление, господа.

– Но что он мог съесть? Он же все время был с нами! – удивился Гробус.

– Не съесть, а выпить! – заорал я. – Он же пил за успех нашего безнадежного дела!

– Но он только пригубил!

– Как видишь, этого достаточно.

– Ура! У нас есть оружие!

Оставался один вопрос: как заставить пиратов выпить хоть столовую ложку нашего продукта.

– Они откажутся. Они сразу заподозрят неладное, – сказал Гердер.

– Тогда надо напоить девчонок! – воскликнул Гробус. – Пьяная девственница... ну, вы понимаете!.. Мы хотя бы судно спасем! И наших!

– Кырдык – здоровый дядька, и то от капельки продукта скопытился, – сказал я. – А девочки-то весят меньше. Как бы мы их на тот свет не отправили.

– Они вошли в грузовой отсек, – замогильным голосом сообщил Гердер.

Мы разом повернулись к экрану.

Понять, что пираты с девственницами говорят друг другу, мы, конечно, не смогли, транслейтеру такой галдеж не по зубам. Но вскоре стало ясно – они разделились на парочки. И тут такое началось!..

Кому сказать – не поверят.

Я видел брачные танцы стимфалийских псевдокроликов. Так эти чем-то напоминали...

– Ну, хоть груз останется цел, – заметил Гробус. – И корабль...

– Не останется. Пираты заберут девчонок, – возразил Гердер. – Не мешайте, я займусь завещанием.

– А красиво, – глядя на экран, мечтательно произнес Гробус. – Даже художественно. Нет, правда, наводит на эротические размышления...

– Давно же ты не обнимал подружку, если лягушачий балет наводит тебя на размышления...

Доктор Кырдык пришел в себя и сел.

– Где я и кто я? – спросил он.

Мы с Гробусом посмотрели на него сверху вниз, как взрослые на неразумного младенца. А как еще смотреть на здорового дядьку, окосевшего от крошечного стаканчика продукта?

– Девственницы! – вдруг заорал он.

Скрывать правду не было смысла.

– Вот твои девственницы, – мы показали ему экран.

– Надо что-то делать! Надо что-то делать! – завопил Кырдык. – У нас всего пять эталонных периодов! Через пять периодов начнется!

Он схватился за голову и застонал. Мы не поняли, это отчаяние или похмелье.

– Ну что же, хоть посмотрим, как это делают братья по разуму, – философски заметил Гробус. – Может, чему-нибудь научимся.

– Если ты будешь вертеться перед подругой, хлопая себя по бокам и прыгая, вряд ли придется применить новые знания в полном объеме. К тому же, посмотри, у них совсем другое устройство...

– Даже непонятно, как они это пустят в ход...

– Сейчас увидим...

– Сделайте что-нибудь, сделайте что-нибудь! – причитал Кырдык.

– Мы можем только выпить за здоровье новобрачных! – рявкнул я.

– За мной! – вдруг крикнул Гробус и что было духу припустил по коридору.

Я догнал его у входа в нашу каюту.

– Ты с ума сошел? – спросил я.

– Пары продукта! Где канистра из-под капусты?

– Точно!

Продукта было немало – и того, что выдал за последнее время перегонный куб, и припасенного впрок. С этим страшным оружием мы понеслись к грузовому отсеку и через вентиляционный люк распылили его над пиратами и девственницами.

Мы успели!

Им оказалось достаточно подышать парами качественного продукта, чтобы сперва рухнуть друг другу в объятия, а потом, не завершив начатого процесса, свалиться на пол.

Теперь нашей главной задачей было – раздобыть нужное количество тросов, чтобы связать всю компанию – тридцать три девственницы и восемнадцать пиратов.

Где мы взяли эти тросы?

А вот подумайте, ребяташки. Посмотрите на внутренности «Золота Рейна» и сами сообразите, откуда мы их отцепили.

Вот почему судно оказалось там, где ему выныривать не полагалось, вот почему оно подкралось к шестой Альфы Центавра с какой-то непонятной стороны, вот откуда взялся список ошибок, который мы сегодня так старательно анализировали.

Правда, Гердер пытался нас надуть при окончательном расчете, а делать этого не следовало. Старый хитрый Ван Ду Фу, как выяснилось, сохранил запись брачных танцев в грузовом отсеке и пригрозил передать ее мыррийским властям.

А доктор Кырдык, наоборот, оказался очень благодарной рептилией. Он нам подарил по две унции фербеллина.

Правда, нам с Гробусом пришлось несколько лет скрываться от восемнадцати ветеранов, очень обиженных на наш обман, но это уже совсем другая история. И никакой эротики в ней, к счастью, нет.

Евгений Лукин

В Стране Заходящего Солнца

По мнению японских специалистов, чрезмерное увлечение работой не менее вредно, чем наркомания. В Японии убеждены, что «трудооголиков» следует лечить и перевоспитывать.
(Из газет)

- В наркологию? – не поверил Руслан. – Как это в наркологию? За что?
- Не за что, а почему, – ворчливо поправил его майор, проглядывая вчерашний протокол. – Лечиться пора... И скажи спасибо, что в наркологию, а не к судье. Припаял бы он тебе сейчас пятнадцать суток принудительного отдыха... А так ты, считай, сутками отделался... Ого! – подивился он, приподнимая брови. – Еще и сопротивление при задержании оказал?..
- Да не оказывал я!
- Как это не оказывал? «Совершил попытку отнять изъятое оружие правонарушения...»
- Было?
- Ну, было, но...
- Поехали, – сказал майор и, сложив протоколы в папку, поднялся из-за стола.

* * *

В подержанный японский микроавтобус загрузили пятерых: четверо попались вчера по той же самой статье, что и Руслан, пятого, как ни странно, взяли за пьянку. Этот сразу отсел поглубже в уголок и с ухмылкой стал разглядывать остальных.

– Довыдывались, чижики? – осведомился он не без ехидства. И, не получив ответа, продолжал самодовольно: – А мне вот все побоку!.. В наркологию? Давай в наркологию... Напужали ежа... голым профилем! Взять с меня нечего, а укол-то, он денежек стоит!..

– Примолкни, а? – хмуро попросил Руслан. – Без тебя тошно...

Плечо после вчерашнего удара резиновой палкой ныло до сих пор. Алкаш открыл было рот, но, взглянув на мрачные лица товарищей по несчастью, счел за лучшее не куражиться и последовал совету Руслана. А тот, кряхтя, запустил пятерню за ворот рубашки и принялся разминать ушиб...

– Дубинкой, что ли? – скорее с любопытством, нежели с сочувствием осведомились справа.

– Ну!.. – процедил он.

Майор все не показывался. Шофер в гражданском придремал, уронив руки на руль, а голову – на руки. Дверца открыта, документы вернули – бери и смывайся! Только ведь некуда смыться-то... Адрес теперь в ментовке известен, если что – домой нагрянут...

– Так тебя, значит, не в конторе загребли? – сообразил наконец сосед справа. – Посреди улицы, что ли?.. А как это ты умудрился?

– Как-как! – сердито сказал Руслан. – В ночном киоске гвоздодер купил... А рядом доска валяется, гвоздь из нее торчит... Ну, я распаковал гвоздодер да опробовал...

Спросивший негромко присвистнул.

– То есть «с особым цинизмом»... – с видом знатока перевел он услышанное на язык протокола. – Да еще, наверно, сопротивление доведет, раз палкой звезданули...

– Уже довели... – Руслан вздохнул и отвернулся.

– А нас с корешем прямо в фирме взяли, тепленькими... – небрежно растягивая слова, сообщил, как похвастался, все тот же сосед, надо полагать, попадавший в такую переделку

не впервые. – Рабочий день кончился давно, а мы сидим пашем... Вдруг – трах-тарарах!.. Дверь с петель снесли, врываются в намордниках, с автоматами... «Встать! Лицом к стене! Руки за голову! Проверка!..» К-козлы... «Да мы ж, – говорю, – не за тем остались! Мы ж эти... из сексуальных меньшинств!..» А какое там – «из сексуальных»! Компьютеры врублены, на столе – документы...

К концу рассказа он все же скис и, вяло махнув рукой, прервал дозволенные речи.

– А меня вот жена сдала, – помявшись, решил поддержать разговор мужичок с морщинистым пожамканным личиком. Подумал – и добавил в сердцах: – Сука... Из-за комода с ней погрызлись. На хрен, говорю, покупать – сам сделаю! А она мне, слышь: сделаешь – заложу... Сделал вон уже, говорит, одно убоище – взглянуть страшно... Ну ладно! Вот пускай хоть наволочку еще одну сошьет! Простыню одну пускай попробует подрубить!.. Гадом буду, пойду в ментовку и стукну!

– За домашнее хозяйство не привлекают, – напомнил сквозь зубы Руслан.

– Тем более баб...

– Ни черта себе законодательство!.. – не преминул съязвить приунывший сосед справа. – Это, наверное, только у нас в России так заведено: раз баба – значит, всегда права...

Пострадавший из-за супруги морщинистый мужичок выругался вполголоса, но тут наконец рядом с машиной объявился майор. Осунувшийся, озабоченный, он уселся на переднее сиденье и, захлопнув дверцу, положил папку на колени.

– Хорош спать! – бросил он встрепенувшемуся водителю. – Погнали...

После мерзкого, тускло освещенного клоповника, где нар было куда меньше, чем задержанных, весенний денек сиял особенно приветливо. Машина проскочила мимо ряда ярко окрашенных круглосуточных киосков, за стеклами которых соблазнительно мерцали столярные и слесарные инструменты. Раньше ларьков было пять. Теперь – три. Второй и четвертый куда-то делись, и теперь на их месте остались лишь два квадрата долбленого асфальта. Давят, давят ларечников... Скоро, глядишь, и стамеску негде будет купить... На красный свет остановились неподалеку от стройки. Там за невысоким бетонным забором вовсю кланялись два новеньких итальянских крана и блестели щеголеватые каски оливково-смуглых рабочих. Тоже, видать, откуда-нибудь из Италии. По найму...

– Господин майор! – жалобно и почему-то с украинским прононсом обратился к начальству неугомонный нарушитель, что сидел справа от Руслана. – Ну шо ж это дееся! На глазах пашуть, а вы смотрите!..

Майор хмуро покосился в окошко, посопел.

– Это иностранцы, – буркнул он. – Им можно...

– Та я вроде тоже... – с надеждой усилив акцент, намекнул задержанный.

– А вот не фиг по российскому паспорту жить!.. – огрызнулся майор. – Иностранец... блин!

Машина свернула в извилистый пыльный переулок и вскоре затормозила возле облупленного угла пятиэтажки, стены которой когда-то давным-давно были выкрашены в тоскливый желтовато-серый цвет, ставший со временем еще более серым, тоскливым и желтоватым. С торца здания имелось снабженное навесом ветхое деревянное крылечко, ведущее к распахнутой двери. Чуть ниже таблички с надписью «Наркология» не без особого цинизма было процарапано: «Нам секса не надо – работу давай!»

Врачиха, как выяснилось, еще не прибыла, и задержанным велели подождать в предбаннике, увешанном душераздирающими плакатами. На одном из них изможденный трудоголик с безумными, как у героев Достоевского, глазами наносил страшный удар топором по розовому сердечку с двумя ангелочками внутри – женой и сыном. Страшная молниевидная трещина разваливала сердечко надвое.

– А не знаешь, чья сегодня смена? Пряповой или этой... постарше?.. – отрывисто осведомился у Руслана встрепанный нарушитель, до сей поры не проронивший ни слова.

– Без понятия, – со вздохом отозвался тот. – Я тут вообще впервые...

– Лучше, если постарше, – понизив голос, доверительно сообщил встрепанный. – А Пряпова – зверь. Вконец уже затыкала... процедурами своими...

Руслан неопределенно повел ноющим после вчерашнего плечом и перешел к следующему плакату. На нем был изображен горбатый уродец, опирающийся на пару костылей, в левом из которых Руслан, присмотревшись, вскоре узнал молоток, в правом – коловорот. Внизу красовалось глумливое изречение:

«Работай, работай, работай:
ты будешь с уродским горбом!

(Александр Блок)».

Третий плакат был особенно мерзок. Рыжая, младенчески розовая девица стояла в бесстыдно-игривой позе и с улыбкой сожаления смотрела на согнувшегося над письменным столом хилого очкарика, впившего взор в грудку служебных бумаг. «И это все, что ты можешь?» – прочел Руслан в голубеньком облачке, клубящемся возле ядовито изогнутых уст красотки.

* * *

Наркологиня Пряпова оказалась холеной, слегка уже увядшей стервой с брезгливо поджатым, тронутым вишневой помадой ртом. Переодевшись, вышла в белом халате на голое тело и равнодушно оглядела доставленных.

– Ну, это старые знакомые... – безошибочно отсеяла она спутников Руслана. – А вот с вами мы еще не встречались... Часто вкалываете?

– Н-ну... как все... – несколько замялся он. – Дома, перед едой, для аппетита... А так я вообще-то лентяй... Для меня шуруп ввернуть или там полку повесить...

– А вот это я слышу каждый день... – невозмутимо заметила она, присаживаясь за стол. Майор любезно пододвинул ей протокол, касающийся вчерашних подвигов Руслана. – Кроме заядлых трудоголиков, к вашему сведению, никто себя лентяем не считает... Ну а конкретно? Вот вы купили вчера гвоздодер. В двенадцатом часу ночи. Зачем?

– Так гвоздь же из пола вылез! – вскричал Руслан. – Два раза ногу об него сшиб! Хотите – разуюсь?..

– А чем вам помешал тот гвоздь, который вы выдернули из доски прямо у киоска? В присутствии свидетелей. При детях...

Руслан смешался окончательно.

– Не видел я, что там дети... – буркнул он.

– То есть контролировать себя вы уже не можете... – с удовлетворением подвела итог нарколог Пряпова. – Женаты?

– Разведен...

– Ну, вот видите! Значит, и жена не выдержала... Как ей с вами жить? Дома все время грохот, опилки... В постели ей от вас никаких радостей! Потому что устаете, работаете до упаду... Выматываете и себя, и окружающих...

– Да мы с ней развелись, когда еще закон о трудоголиках не вышел...

Наркологиню Пряпову это не смутило ничуть.

– Дело не в законе, – холодно обронила она, – а в невозможности обстановки, которую вы создали... Вы бы хоть себя пожалели! Вы же худой, как скелет!

– Я – худой? – возмутился Руслан. – Простите, но мои семьдесят три килограмма всегда при мне!

Майор и врачаха переглянулись с утомленным видом.

– Что ж, пойдёте проверимся... – Она встала.

Провожаемый сочувственными взглядами прочих трудоголиков Руслан был препровожден в крохотный процедурный кабинетик с кушеткой, затянутой зеленой клеенкой. Первым делом зверь-наркологиня измерила жертве давление и нашла его повышенным.

– Вот видите...

– Да оно у меня всегда такое! И потом я ж ночь не спал!

– Бессонница? – хищно спросила она.

– Да нет! Нар не хватило...

– Хорошо. Раздевайтесь. Нет, рубашку можно не снимать.

Она скинула халат и, подстелив простынку, возлегла. Руслан покорно разулся, снял брюки, трусы и, наскоро приведя себя в состояние относительной готовности, принял протянутый пакетик с презервативом. А то еще, не дай бог, импотентом объявит...

– Так... – озабоченно хмурясь, командовала она. – Глубже... Еще глубже...

«Интересно, чем эта тумбочка облицована? – механически двигая тазом, думал Руслан. – Неужели натуральный шпон? Или нет... Наверное, все-таки пластик. Уж больно узор ровный... Колька говорит, он такую машинку себе смастерил: заряжаешь в нее полено и начинаешь крутить... А резец плавающий... Ну и разматываешь заготовку, как рулон...»

– Достаточно, – сухо сказала наркологиня, сменяя фронтальную позицию на коленно-локтевую. – У вас что, всегда такая задержка оргазма?

Захваченный врасплох Руслан не нашелся, что ответить, но тут дверь в процедурную приоткрылась.

– Ольга Петровна, можно я карточки возьму? – спросил вежливый девичий голос с едва уловимой картавинкой.

– Леночка, вы же видите, у меня пациент!.. – не оборачиваясь, раздраженно ответила наркологиня. – Подождите минуту... А вы продолжайте, продолжайте, чего остановились?

«Минуту? – Руслан ударился в панику. – То есть у меня всего минута...»

Он плотно зажмурился, чтобы не видеть холеного гладкого крупяного наркологини, и наддал, отчаянно пытаясь представить себе что-нибудь и впрямь соблазнительное. Однако успехом это не увенчалось.

– Достаточно, – объявила Пряпова. – Одевайтесь.

И пока смущенный и расстроенный Руслан освобождался от презерватива, наркологиня надела халат и, присев к столу, принялась заполнять какую-то карточку.

– Лечиться будем... – с прискорбием сообщила она. – Довели вы себя... Ваше счастье, что болезнь не слишком запущена. А то еще полгода – и, учтите, импотенция была бы вам обеспечена...

* * *

– Следующий... – буркнул Руслан, в унынии покидая процедурную.

За то время, пока наркологиня проверяла, насколько он подорвал здоровье чрезмерными нагрузками, народ в приемной успел отчасти смениться.

Майор с алкашом, которому все было побоку, куда-то отбыли. Зато возникла рыхлая зареванная женщина лет сорока. Время от времени она ударяла жирным кулачком в сгорбленную повинную спину одного из трудоголиков и, плача, величала ударяемого то варваром, то иродом. Не иначе – жена... Картавая черноглазая блондинка Леночка выписала Руслану счет, просмотрев который, он опешил.

– Да нет у меня с собой таких денег!

И это было чистой правдой. Мелочь ему наутро вернули до копеечки, а вот купюра покрупнее пропала. В описи изъятого при обыске о ней также не было ни слова...

– Принесете потом, – успокоила Леночка. – Все равно вам завтра в девять утра на повторную процедуру... А не явитесь – отправим в клинику с милицией...

* * *

Дома Руслан кое-как принял душ и, добравшись до дивана, сразу провалился в сон. Проснулся часам к двум – от голода. Смастерил пару многоэтажных бутербродов и включил телевизор. На экране, как по заказу, возникла атлетического сложения тетя в белом халатике. Руслан чуть не подавился.

– А что мы можем? – запальчиво вопрошала она. – Что мы можем?..

Отъявленный трудоголик, самостройщик, пробу ставить негде, а в клинику его не отправишь, пока нет заявления от соседей или от родственников!..

Руслан приглушенно чертыхнулся и перескочил на другую программу. Там хрустели челюсти и расплескивались витрины. Положительный герой добивал отрицательного. Руслан потосковал с минуты и вновь потянулся к пульта.

Картина сменилась. На экране зашевелился розовый клубок обнаженных тел.

– Трахни меня в задницу, милый... – равнодушно прогнусил переводчик.

Н-да, лучше уж вернуться на первый канал, что вскоре Руслан и сделал.

Мелькнуло серьезное личико ведущей, а затем глазам предстало насупленное, гладко выбритое рыло какого-то государственного мужа.

– Нет... – покряхтывая, заговорил гладко выбритый. – Здесь я с вами решительно не согласен... Трудоголики наносят обществу гораздо больший вред, чем наркоманы. Если наркоманы даже в какой-то степени положительно влияют на товарооборот, то трудоголики в прямом смысле подрывают экономику страны... В мировом сообществе государств давно уже сложилась система разделения обязанностей. Мы разрешаем Западу добывать наше сырье, а Запад предоставляет нам товары и кредиты... Если же мы начнем еще что-то производить сами, хотя бы даже для внутреннего рынка, то равновесие неминуемо нарушится...

– То есть выходит, что борьба в основном ведется со злоупотреблениями именно в области производительного труда? – сосредоточенно наморщив лобик, перебила ведущая. – Но ведь трудоголики встречаются и среди бизнесменов, и среди служащих... Даже среди преступников...

– С медицинской точки зрения – да... – вынужден был признать гладко выбритый. – С медицинской точки зрения все они наносят одинаково непоправимый вред своему здоровью... Но я повторяю: речь идет еще и о здоровье социума в целом. Простите, но как-то даже нелепо сравнивать общественно полезный бизнес и самую черную созидаловку!..

– Однако созидалы, как их называют, тоже приносят определенную прибыль, разве не так?.. – не отставала въедливая ведущая. – В конце концов они покупают инструменты, материалы...

– Это мнимая прибыль! – вскинулся гладко выбритый. – Алкоголик, допустим, купил бутылку – выпил. А этот купит молоток и тут же сколотит десяток табуреток. Причем семь из них – на продажу...

Руслан прожевал последний кусок бутерброда и собрался уже погасить ящик вовсе, но тут в дверь позвонили. Сердце екнуло. Слава богу, что хоть тайник с инструментами не раскрыл... Руслан оставил телевизор включенным и пошел открывать.

На пороге стоял друг и учитель Колька. Смотрел он, как всегда, исподлобья и вообще вид имел самый угрюмый. Светлый ношенный костюм, в руке – банка «Холстена». Впрочем,

Руслан готов был поспорить, что в банке этой содержится отнюдь не пиво, а, скажем, нитрокрапка или что-нибудь в этом роде. Хотя с виду банка целенькая, невскрытая... И запаха не чувствуется...

– Привет, – насупившись, бросил Колька. – Мне тут шепнули: замели тебя вчера... Правда, что ли?

– Правда... – со вздохом отвечал Руслан. – Заходи, чайку попьем...

Гость ругнулся шепотом и, покручивая головой, переступил порог. Пока он разувался, Руслан заглянул на кухню, поставил чайник. Затем оба проследовали в комнату, где взхлеб бормотал телевизор.

– Вот вы говорите: наносится ущерб, – продолжала вредничать ведущая. – А так ли уж он велик?.. Ну, процент, ну, от силы, полтора процента... И потом, разве могут изделия, производимые психически неуравновешенными людьми, одиночками, конкурировать с продукцией известнейших западных фирм?..

– А вы представляете, сколько это будет в денежном выражении – полтора процента? – осерчал гладко выбритый. – Это очень много! Это недопустимо много!.. Что же касается конкуренции... – Рыло насупилось. – Тут еще вот какой нюанс... Часто самопальную продукцию покупают не за качество и не за красоту, а как бы в пику закону... Процветает тайная торговля так называемыми трудофильмами, откровенно смакующими процесс работы... Пиратски тиражируются и, что самое печальное, пользуются спросом запрещенные минздравом старые ленты тоталитарных времен...

– Туши агитку! – хмуро скомандовал Колька. – И давай рассказывай. Как ты влетел-то?

Руслан послушно выключил телевизор и стал рассказывать.

Колька слушал и свирепо гримасничал.

– Короче! – прервал он, уперев крепкий указательный палец в грудь хозяину. – Ты в наркологии что-нибудь подписывал? Ну, бумагу там какую-нибудь...

– Да нет, – печально отозвался Руслан. – Вот только счет дали... Надо зайти оплатить... Мне тут завтра в девять процедуру назначили...

– И не вздумай даже! – взвыл Колька, выхватывая у него из рук заполненный Леночкой бланк. – Не ходи и не плати! Совсем с ума стряхнулся?.. Заплатишь разок – они ж потом с тебя не слезут, так и будут деньги тянуть...

– А если не явлюсь – в клинику положат... – сдавленно сообщил Руслан.

Устрашающе сопя, Колька изучал документ. Наконец фыркнул и пренебрежительно швырнул бумагу на стол.

– А вот заклепку им в скважину! – торжествующе объявил он. – Деньги – только через суд, понял?.. И запомни: без твоего согласия никто тебя на лечение не отправит... Ты знаешь вообще, что там за лечение? Сунут в палату на месяц – и лежи сачкуй. Ни лекарств, ничего... Та же камера, короче... А сдерут – как за гостиницу...

Он поставил банку на стол и хищно оглядел углы, явно проверяя, не завалилась ли где оставленная по оплошности стружка или какая другая улика.

– И гвоздодер изъяли... – в полном расстройстве пожаловался Руслан. – Главное, хороший гвоздодер... Теперь, наверное, уничтожат... придурки!..

– Ага, уничтожат! – сатанински всохотнул Колька. – Как это ты гвоздодер уничтожишь? Либо налево толкнут, либо сами будут пользоваться...

– Менты?!

– А что ты думаешь? У них там, в подвале, и столярка, и слесарка, и все, что хочешь... Нас гоняют, а сами... Да бесполезно с этим бороться! Ну не может русский человек что-нибудь своими руками не смастерить!.. У меня вон друг один в ментовке служит. Зашел к нему однажды в отделение, а тут как раз мужика задержали – с трехлитровой банкой

олифы... Ну, понятное дело, штрафнули, а мент, слышь, берет олифу и у всех на глазах выливает в раковину. Мужик чуть не заплакал...

– Скоты!.. – Руслан скрипнул зубами.

– Ты слушай дальше!.. – заорал Колька. – Остались мы с ним вдвоем, ну, с ментом этим... Открывает он дверки под раковиной, а там вместо трубы ведро стоит, ты понял? Он в ведро, оказывается, олифу слил! А ты говоришь: гвоздодер... Кстати, о гвоздодере, – спохватился он вдруг. – С соседями у тебя как? Тихо-мирно?

– А при чем тут соседи?

Колька сочувственно покосился на Руслана, прищипнул зубом, покачал головой.

– Да-а... Учить тебя еще и учить... А ну-ка показывай, где инструмент держишь!

– А чай?

– Да бог с ним, с чаем...

Пожав плечами, Руслан провел Кольку в коридорчик и там не без тайной гордости предъявил фальшивую заднюю стенку кладовки, за которой скрывался инструментарий.

– Угу... – одобрительно промычал Колька, оглаживая кусачки, тисочки и прочее. – А вот молоток – на фиг! И на будущее: никаких гвоздей!.. Только шурупы! Буравчик – штука бесшумная, отвертка – тоже... Вот попомни мои слова: будешь молотком гроыхать – обязательно найдется какая-нибудь сука по соседству и звякнет в наркологию... по телефону доверия! Знаешь, как у них фискальная служба поставлена? А ты теперь на учете...

– Здра-авствуйте!.. – возмутился Руслан. – А скажем, полку вешать на стену? Все равно ведь шлямбуром придется или дрелью...

– Шлямбур тоже забудь! Дрелью – сколько угодно, но не электрической, понял? Берешь обычную ручную дрель – и потихоньку, чтобы ни одна зараза не услышала... Ладно. Тащи посуду...

* * *

– Так-то вот, Русланчик, – прихлебывая крепкий горячий чай, вещал друг и учитель Колька. На его выпуклом широком лбу быстро проступал пот. – Держи теперь ухо остро... Вот послушай, что со мной позавчера было.

Только-только утром глаза продрал – звонок в дверь... Открываю. А там – два пацана в форме. Ни слова не говоря, лезут на антресоли и достают сумку с этой моей машинкой... Ну, ты понял, о чем я, да?..

Руслан ошеломленно кивнул.

– Настучал, короче, кто-то... – пояснил Колька, хотя все было ясно и так. – Снимают сумку, ставят на стол, открывают... «Откуда взяли?» Ну я им и говорю... – Колька с удовольствием сделал паузу и подлил себе заварки погуще. – «Иду, – говорю, – вчера вечером по набережной, а впереди мужичок с этой вот сумкой крадется... И что-то показался он мне подозрительным... А я в добровольной дружине состою, в охране досуга граждан, вот, пожалуйста, удостоверение...»

– Правда, что ли, состоишь? – всполошился Руслан.

– А как же! – с достоинством сказал Колька. – Кстати, и тебе советую вступить... «Свистнул, – говорю, – в свисток, а мужичок сумку бросил – и бежать... Ну, я в нее заглянул, а там этот вот инструмент. Явно незаконный... В милицию нести – поздно, ночь на дворе... Хотел с утра к вам пойти, а тут вы и сами явились...»

– Ловко! – с искренним восхищением вымолвил Руслан.

– А? – победно вскричал Колька. – Понял, в чем суть? Купил – есть статья! Сам сделал – есть статья! А отнял – нет такой статьи! Ну нету!.. Они на меня смотрят – и молчат. Прибалдели, короче... Потом головами, знаешь, так покрутили... Ну, ты, дескать, мужик, даешь!

Я говорю: «Не-е, ребят!.. Другого ничего не будет, другого вы тут ничего не услышите... Вот что сказал – то и пишите...» – Тут Колька покряхтел, похмурился. – Правда, пришлось им, конечно, еще на лапу дать... – с неохотой признался он. Потом бросил на хозяина быстрый взгляд исподлобья и вдруг приказал: – А ну-ка, лапы на стол!

Руслан заморгал, но подчинился.

– Пемзой, пемзой по утрам оттирай, – ворчливо заметил друг и учитель Колька, разглядывая и ощупывая правую ладонь хозяина. – А потом – кремом...

Тебя ж за одни мозоли возьмут! Вот посмотри у меня... – И он предъявил ухоженные мягкие руки, глядя на которые нельзя было даже и подумать, что их владелец – один из самых закоренелых и неисправимых трудоголиков района.

* * *

Проводив друга и учителя, Руслан накинуд дверную цепочку и медленно отер ладонью внезапно вспыхнувшее лицо. Нахлынуло нестерпимое желание: рвануть дверь кладовки, раскрыть тайник... Нет, так не пойдет... Все должно быть нежно и красиво... С бьющимся сердцем он прошел на кухню, где вымыл обе чайные чашки и, опрокинув их на решетку сушильного шкафа, вернулся в прихожую.

Широкая гладильная доска на трубчатых ножках, в течение минуты освобожденная от матерчатой крышки и прикрепленная двумя болтами к панели, обернулась ложем небольшого ладного верстака. Невольно задрожавшими пальцами Руслан раскутал извлеченную из кладовки мешковину – и сердце сжалось сладостно и болезненно... Впервые он увидел ее валяющейся посреди тротуара в самом неприглядном виде, и все же это было – как удар ножом в сердце. Он еще не знал, зачем она ему нужна, где пригодится, да и пригодится ли вообще, эта полуметровая дощечка шириной с ладонь, но уже тогда, при первой встрече, стало вдруг ясно до боли, что другой такой нет, что пройти мимо и не поднять ее с земли – выше его сил...

И вот теперь, уложив ее на верстачок, он любовно огладил шероховатую серую поверхность. Потом ухватил шерхебель, помедлил еще немного и, наконец, не выдержав, с наслаждением снял первую длинную стружку.

Обнажилась соблазнительная сияющая ложбинка. Торопливо, порывисто он раздел шерхебелем верхнюю сторону, затем отложил грубый инструмент и с трепетом взял рубанок...

Пьянея от страсти, плавно и размашисто он вновь и вновь вторгался в роскошную, упругую и в то же время податливую древесину. Стыдливо кудрявились ее нежные завитки, то пряча, то вновь обнажая самые сокровенные места. Лепеча, шепелявя и всхлипывая, она подставляла сильным мужским ласкам звонкую бледно-розовую плоть, и Руслан уже задыхался слегка, чувствуя, что еще несколько мгновений – и они оба сольются в сладостном чудном экстазе...

* * *

Однако слиться им так и не пришлось. В дверь позвонили вновь, причем нехороший это был звонок – резкий, долгий, властный. Захваченный врасплох Руслан замер у верстака. Не открывать! Только не открывать! Все ушли.

Никого нет дома... Звонок повторился, а затем, к ужасу Руслана, звякнув натянувшейся цепочкой, дверь приотворилась. Кретин! Знал же, знал, что язычок замка иногда заедает – и даже не проверил! Тихонько застонав, он скинул цепочку совсем. Терять уже было нечего. Переступивший порог майор (тот самый, что отвозил задержанных в наркологию) с непри-

язнью оглядел выющиеся повсюду стружки, верстак, рубанок в упавшей плетью руке хозяина.

Потом прикрыл за собой дверь и сунул Руслану какой-то продолговатый сверток.

– На, держи!

На всякий случай Руслан попятился.

– Что это?..

– Гвоздодер, – не размыкая зубов, пояснил милиционер. – Значит, так... Вчера тебя никто не задерживал. И в наркологии ты сегодня не был. Понял?

– П-понял... – машинально повторил Руслан, но тут же запнулся. – Т-то есть как это – не был?..

Майор злобно крякнул и еще раз оглядел раскиданные в изобилии улики.

– Объясняю, – процедил он. – Проверка из прокуратуры. Выявляют трудоголиков среди сотрудников МВД. Установка была – не больше пятнадцати задержаний в сутки. А ты у нас шестнадцатый получаешься... Короче, строгай дальше, но чтобы про вчерашнее – никому ни слова!..

Майк Гелприн, Наталья Анискова

Мой человек со звезд

Теряя скорость, самолет прокатился по взлетно-посадочной, заложил под конец крутой поворот и вырулил к ангару.

Полковник Келли встречал меня у трапа. Мы обменялись рукопожатием.

– Ну как там? – Голос у полковника едва ощутимо дрогнул.

Я пожал плечами. Ненавижу общие вопросы. «Как там»? Да никак. Ни там, в столице готовой сгинуть в ядерной войне южной страны. Ни там, в столице страны северной, которая сгинет на пять минут раньше или позже. Ни здесь, на крошечном клочке земли, разделяющем эти страны. На перешейке, где в тщетных попытках уберечь местную цивилизацию обретаются горстка землян-миротворцев.

– На Землю радировали? – обреченно спросил я.

– Да, конечно. Ваши доклады отправили экстренной связью. Все четыре.

– И что?

– Как обычно. – Полковник криво усмехнулся. – Просят соблюдать осторожность и проявлять толерантность. Напоминают о политике невмешательства. Все то же самое.

Подкатил шикарный лимузин, подарок посольству от господина Плайна Второго, президента Саулии. В президенты Плайна выбрали лет пятнадцать назад самым демократическим за всю историю Саулии голосованием, а потом забыли переизбрать.

Мы покинули крошечный аэропорт, пронеслись мимо космодрома, миновали казармы. Когда достигли, наконец, жилой зоны, полковник спросил:

– Сколько осталось, по-вашему?

Я не сразу понял, о чем он. Я в этот момент думал совершенно о другом. Думал о Лайле. О ее точеных, распахнутых в стороны ножках, о тонком, почти неуловимом аромате, исходящем от нее, о руках с тонкими пальцами, еще так недавно обнимавших меня, о черных влажных глазах. О том, как она впускала меня в себя, в себя всю, и выгибалась так, чтобы позволить проникнуть глубже.

– Сколько осталось? – повторил полковник.

– Что вы сказали? – вернулся я к действительности. – Ах, да. Не знаю. Год. Полгода. Месяц. Может быть, и того меньше.

– Глупо, – сказал полковник. – Мы могли бы спасти их. Хорошо, пусть не всех, пусть только южан, эта северная сволочь того не заслуживает. Прimitивный десант, хватило бы пяти линейных крейсеров. Элементарный блицкриг, считай, учебный, с минимальными потерями. С нашей стороны, я имею в виду, им бы, разумеется, досталось изрядно. Три-четыре превентивных удара с орбит по ракетным базам. Пара упреждающих по аэродромам. Заняло бы от силы неделю.

– Считайте, я этого не слышал, – сказал я.

– Да бросьте, полпред. «Не слышал», – сказал полковник, как сплюнул. – Что вы сделаете? Доложите о моем вольнодумстве? Валяйте. Меня выпрут в отставку. Полагаете, я хоть на минуту пожалею об этом? Хоть на секунду, полагаете, пожалею? Проклятье! Да лучше гнить где-нибудь в медвежьем углу, чем сидеть здесь на пороховой бочке и ждать, когда на голову свалится носитель средней дальности.

Он опустил голову и замолчал. Он знал, что я согласен. И я знал, что он знает. Только говорить об этом было нельзя. Ему, командиру миротворческих войск, нельзя. А мне, полномочному представителю Земли, ее послу при обоих правительствах, миротворцу номер один, – тем паче.

* * *

Двое суток я добросовестно пробездельничал. На третьи выбрался на свет божий. Шел мелкий косой дождь, задувал промозглый ветер с океана, местное солнце надежно обложило тучами. Я поднял воротник плаща, нахлобучил на глаза шляпу и отправился в полпредство.

В кабинете было пусто. Джордан, мой зам и помощник, он же по совместительству секретарь и личный пилот, отсутствовал. Я уселся за стол и перебрал бумаги. Директивы с Земли, поступающие в астрономических количествах, не читая, отправил в поглотитель. Бегло пролистал местные сводки, заботливо распечатанные Джорданом. Отправил их вслед за директивами и подключился к сети.

В личной почте меня ждало письмо от Лайлы. Я невольно покраснел, прочитав его. Лайла не привыкла стеснять себя условностями. На прекрасном литературном саулийском она подробно излагала, что испытывала, когда мы были вместе. И выражала желание повторить это как можно скорее.

«Как можно скорее» означало через полтора местных месяца. Столько я провел при кабинете президента Саулии, столько же мне теперь предстояло пробыть в Нарсии при дворе ее диктатора.

* * *

Его совершенство gross-маршал Борс, единоличный и абсолютный диктатор Нарсии, назначил аудиенцию через два часа после моего прибытия. Здесь все делали быстро, в этой военизированной, превращенной в дисциплинарный лагерь стране. Быстро отдавали приказы и немедленно их выполняли. Быстро принимали решения и споро их воплощали. Быстро жили. И умирали тоже быстро.

Аудиенц-зал был полон народу неопределенного статуса. Глядя на замершего по стойке «смирно» индивида в стандартном сером мундире, серых же брюках и тупоносых шнурованных ботинках, можно было принять его за человека государственного. Можно было и за придворного. А можно – за душегуба из диктаторской личной охраны, умельца дел заплечных и дел палаческих.

Я увидел Эрту, когда пересек аудиенц-зал по мудреной, предписанной этикетом ломаной линии и остановился в пяти шагах от трона. Эрта стояла позади него, в компании четырех нарсийских красавиц. Она тоже была в сером, как и прочие, но ее грубое мешковатое сукно не уродовало и даже не портило. Длинные светлые волосы оттеняли строгое лицо с холодными серыми глазами и тонкими губами в струнку.

Впрочем, я знал, как эти глаза умеют меняться и завлакиваться, а губы – раскрываться и становиться чувственными и сладкими.

Я отвесил ритуальный поклон и принялся по-нарсийски зачитывать рутинное приветствие. Его совершенство внимал с плохо скрываемым нетерпением. И едва я добрался до заверений президента Земли в уважении и добрых намерениях, gross-маршал резко поднялся и вскинул руку.

– Довольно, – сказал он. – Мы здесь не любим церемоний и предпочитаем обходиться без них. У меня есть предложение к вашему президенту, конкретное и прямое. Я передам его вам с глазу на глаз. А теперь, господа!.. – повысил голос диктатор.

Десятки пар каблучков разом щелкнули, затянутые в серое нарсийцы замерли.

– А теперь оставьте нас одних.

* * *

У входа в аудиенц-зал нас досматривают со всем усердием – еще бы, пять самых красивых женщин страны. Символы нации. Мясо идеальной формы. Стоя за тронем, мы олицетворяем чистоту, строгость, благородство... Ха! Один только отбор Прекрасных нарсиек – образец благородства и строгости. У Брегис лошадиные ступни, но она генеральская дочь. Задница Урсы едва втискивается в форменные платья – но Урса любовница обер-канцлера. Сутулая Кора – сестра крупного торговца лесом. Дарин – племянница начальника охраны, и это важнее, чем жидкие волосы. Удивительное дело, но я не родственница и не любовница. И отбор в число Прекрасных прошла на общих основаниях.

Отбор этот гросс-маршал впервые объявил десять лет назад. Видимо, в столице свежие и красивые девки закончились. Помню, мать сказала мне, двенадцатилетней: «Лицо, фигура и девственность, Эрта. Ты должна сохранить их. Это твой шанс выбраться из провинции, попасть ко двору...»

Что ж, лицо сохранить оказалось довольно просто. Фигуру – чуть сложнее. Гимнастика, плавание и силовые единоборства: по четыре-пять часов в сутки. С девственностью пришлось труднее всего. И потому, что не было отбоя от желающих меня ее лишить. И потому, что к совершеннолетию я уже с ума сходила от неудовлетворенных желаний. Представляла перед сном, как меня раздевает или касается мужик, и промокала в момент. Вытягивалась в струну, сжимала ноги и твердила себе: «Девственность, Эрта».

В результате ко двору я попала. Оказалось, что полуказарма-полузверинец не в лучшую сторону отличается от стылого маленького домика на задворках империи. Впрочем, Нарсия давно уже не империя. Двадцать лет назад генералу Борсу удался военный переворот. Свержением и казнью императора этот плюгавый подонок не ограничился. Добрую половину знати он перебил, оставшихся в живых дворян раскидал по тюрьмам. Бывших соратников велел расстрелять, недовольных и несогласных – вздернуть, так что вскоре страна превратилась в военный лагерь.

Генерал Борс возвел себя в гросс-маршалы и переименовал из превосходительства в совершенство. Ну а вешал и расстреливал он в новом звании не хуже, чем в прежнем.

В провинциях теперь вместо губернаторов заправляли генералы, в школах ввели воинские дисциплины, срок службы увеличили с трех лет до пяти. И лишь при дворе порядки соответствовали прежним, исконным: интриги, распутство, предательство, доносы и обыски.

Дворец, доставшийся в наследство от покойного императора, его совершенство живо перекроил в казарму. Вместо балов в нем теперь проводились офицерские вечеринки. Вместо придворных расхаживали гвардейцы. Вместо пикантных сплетен тревил сальные анекдоты, а вместо куртуазных бесед отдавали рапорты...

Досмотр все не заканчивался. Двое охранников по очереди водили сканерами поверх платья каждой из нас. Затем «для верности» руками – тоже по очереди. Кора захихикала, когда один из мордоворотов провел ей пальцами по бедрам и ладонью огладил лобок. Я едва удержалась, чтобы не врезать коленом сопящему у ног лейтенанту.

Наконец, нас пропустили в аудиенц-зал и расставили, словно игровые фишки, на положенном месте – за тронем. Урса и Дарин принялись шептаться, как провели ночь – обе участвовали в попойке, устроенной обер-канцлером. Чистота, строгость, благородство... Я покосилась на девиц и фыркнула. Обе заткнулись.

Аудиенц-зал понемногу заполнялся людьми: прибыли напыщенные чиновники, юркие секретари-письмоводители, за ними появились личные охранники гросс-маршала. Заменявший церемониймейстера дежурный майор проорал «Смирно!».

Заткнулись все. В зале стало тише, чем в склепе. И вот в этой тишине едва слышно открылась задрапированная шелковой портьерой дверь, через мгновение раздались шаги диктатора. Приблизившись к трону, гросс-маршал скользнул по нам липким взглядом. Глаза у Борса темные и непроницаемые, словно затянуты паутиной. Пора бы привыкнуть за два года, но я с трудом уняла дрожь отвращения.

Диктатор уселся на трон, и заменившие имперских герольдов армейские горнисты протрубили ритуальное приветствие. Второй слева, сучий сын, умудрился при этом сфальшивить.

А потом... Так не бывает, но секунды растянулись в часы. Под ложечкой засосало... Наконец распахнулась тяжелая резная дверь, и в аудиенц-зал вошел посланник. Мой Леон. Мой человек со звезд. Кровь в висках застучала. Я держалась ровно, как подобает Прекрасной, однако глаза против воли обращались туда, к шагавшему по церемониальной дорожке мужчине. Против воли стало горячо и влажно внизу... Леон остановился напротив трона и, щелкнув каблуками, начал зачитывать приветствие. Поймав его взгляд, я подобралась.

Гросс-маршал внезапно поднялся и на полуслове оборвал посланника. Затем скомандовал всем убираться. Офицеры, чиновники, письмоводители потянулись к дверям.

Выйдя, я свернула в полутемный коридор, ведущий к бывшим фрейлинским спальням, ныне жилому корпусу для женского состава. Путь по длинному коридору с множеством ответвлений и стенных ниш я выучила наизусть. Скорее! Нужно переодеться и причесаться. Как назло, на туфле ослаб ремешок, я присела на скамью в одной из ниш – подтянуть его. И едва нагнулась, из коридора донеслись голоса. Я прислушалась: Дарин и Кора занимались любимым делом – сводили сплетни.

– А он хорошенький, этот посланник! – пропищала Дарин.

Я едва не рассмеялась. Как можно называть Леона хорошеньким, будто он обычный нарсиец.

– И сразу видно – не дурак погулять, – отозвалась Кора.

– А надутая стерва Эрта смотрит на него, как на свой кусок мяса. Наверное, думает, что он ее любит, – хихикнула Дарин.

– Точно. Надеется, что посланник заберет ее с собой на звезды. Ты заметила, как эта выжига смотрит на нас с тех пор, как он появился в Нарсии?

Бешенство поднялось изнутри и охватило меня мгновенно. Я вылетела из ниши в коридор. Крюком справа засветила Коре под челюсть и добавила ногой в живот, когда та свалилась. Поймала Дарин за космы, рванула, выдрала клочок и на прощание наградила обеих коллег пинками под тощие задницы.

Через пять минут я была в своей келье. Принять ванну, высушить волосы – на все про все полчаса. Теперь нарядиться. Не в серую мышастую ветошь, а в белое платье из гладкой шерсти. И к черту трусики. Напоследок я посмотрелась в зеркало. На миг замерла. Прекрасная собралась бежать на свидание, задрал подол – как дворцовая шлюха...

Леон, казалось, стоял за дверью и сжал меня в объятиях сразу, едва отворил на мой стук. – Эрта...

Голова закружилась. Я прижималась к Леону, срывала с него рубашку, исподнее, дергала пряжку ремня, чувствуя, как теряется воля, разум, ничего не остается от меня. Разлетается осколками вселенная, и исчезает, пропадает в ней все, кроме жесткого стола под спиной, рук Леона на моих распахнутых бедрах и его врывающегося в меня горячего естества...

* * *

– Присаживайтесь, господин посол, – диктатор кивнул на массивное, с витыми позолоченными ручками кресло. – Давайте, я обойдусь без предисловий. У меня к вам предложение.

Он походил на гусеницу. Мелкую, тощую и дряблую гусеницу с вытаращенными стрекозиными глазами. Мутными, ко всему.

– Слушаю вас.

– Это предложение касается вас лично. Оно не имеет ничего общего с представительством вашей расы.

– Вы считаете землян людьми другой расы? – удивленно спросил я.

– Конечно. Наши геномы несовместимы, вам это известно не хуже, чем мне. Так же, как геном людей Нарсии несовместим с этим южным сбродом. Хорошо, пусть будет «практически несовместим».

«Практически» означало, что дети от смешанных браков рождались нежизнеспособными. Вернее, могли бы родиться, потому что смешанных браков на этой несчастной планете не было вот уже пять веков. Ненависть к южной расе нарсиец впитывал с молоком матери. А затем на протяжении всей его жизни государство заботилось, чтобы ненависть не ослабела. В Саулии образ нарсийца с кривым ножом в руке преследовал граждан в кошмарных снах от рождения и до смерти.

– Давайте оставим ксенофобию в покое, – предложил я. – Слушаю вас.

– Как вам будет угодно. Война неизбежна, посланник, вы это знаете так же, как и я. На этой земле нет места двум расам, на ней должна жить только одна. Сильнейшая.

Я скрестил на груди руки. Что ж, у Борса были предшественники. Я мог бы прочесть ему краткую лекцию по истории Третьего рейха. И заодно о том, чем она закончилась. Польза, правда, от этого экскурса была бы близка к нулю.

– Сейчас у нас идеальная ситуация, – продолжил его совершенство. – Мы можем избавиться от южной швали и при этом уцелеть. Откладывать нельзя, через какой-нибудь десяток лет технологии разовьются настолько, что война будет означать гибель цивилизации и гибель планеты в целом.

– А идея разоружения, – спросил я насмешливо, – вам в голову не приходила?

Диктатор улыбнулся и стал похож уже не на гусеницу, а на мелкую ядовитую змею.

– Эта идея для слабаков, – сказал он. – У меня предложение. Вы снимаете кордон. Всего на сутки. Пропускаете нарсийские войска на юг. После чего положение на перешейке станет критическим, и вам ничего не останется, как убраться. Что ваши люди и проделают. Все, кроме вас лично. Вы – остаетесь и становитесь вторым лицом в империи после меня. Я позабочусь инсценировать вашу гибель, для своего начальства вы будете считаться мертвецом. Ну как? Согласны?

Я ошалело смотрел на него. «Ну и сволочь», – билась в висках единственная мысль, вытесняя все остальные. Потрясающая, абсолютная сволочь.

– Вы не в своем уме, – сказал я наконец.

– В своем, в своем, – благодушно улыбнулся диктатор. – Вы ведь, по сути, чиновник, господин посол. Так, никто – мелкая сошка, винтик. Я предлагаю вам неограниченное богатство и власть. Любые капризы, любые желания, любые женщины – все, что пожелаете.

Я с трудом унял злость.

– И что же будет, если я не соглашусь? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал бесстрастно.

– Вы не догадываетесь?

– Допустим, нет.

– Тогда мне придется взять грех на душу и рискнуть. Я уничтожу вас. Смету ваш кордон с перешейка и утоплю в море.

– Вы не осмелитесь, – бросил я. – За нас отомстят раньше, чем вы успеете порадоваться, что нас больше нет.

– Ну-ну, – диктатор поднялся. – Не осмелюсь, говорите? Возможно, вы правы. А возможно, и нет. Какое дело расе Земли до вас и горстки ваших людишек, посланник? Вы, конечно, превосходите нас в технологиях. Но вот захотят ли из-за вас со мной связываться? Думаю – нет. Тем более что я извинюсь. Выражу, так сказать, соболезнования. Пойду на уступки.

– Вы ошибаетесь, – сказал я. – Из-за меня как такового ничего, конечно же, не затеют. Затеют по другой причине. Из принципа.

– Что ж, – Борс прошагал к двери, распахнул ее. – Не смею задерживать, господин посланник. Рекомендую вам подумать. Время есть. Скажем, месяц. Или даже два. Устроит вас два месяца? Погостите у нас, поразвлекайтесь. Оцените нарсийское гостеприимство. Не каждый может похвастаться, что в постели у него символ нации.

* * *

Ночь вытянулась в струну и рассеялась в пепельно-белесое утро. Сладковатый запах цветов смешался с туманом и вполз в раскрытое окно. Я проснулась ни свет ни заря, лежала и прислушивалась. Внизу позвякивала посудой кухарка. На улице просигналил автомобиль молочника. Я прислушивалась к новому дню и к радости, нарастающей медленными аккордами где-то внутри. Неделя... Осталась всего лишь неделя, а потом прилетает Леон.

– Леон, – его имя так вкусно перекачивается между языком и небом. Его кожа чуть солоновата, а пот и семя пьянят, как вино. Его запах...

В соседней спальне слышались шаги мужа. Я зарылась лицом в подушку – притворилась на всякий случай спящей. Дверь отворилась.

– Лайла, жду тебя в столовой. Не проспи завтрак.

Я поморщилась и не стала отвечать. Странная у супруга блажь – я должна завтракать вместе с ним. Можно подумать, без меня у него испортится аппетит...

Когда я спустилась, Лойд уже сидел на обычном месте во главе стола. При виде меня он нахмурился.

– Лайла, что это за непотребно короткое платье?

– Домашнее, дорогой.

– В нем же нельзя ни присесть, ни наклониться...

В столовую вплыла горничная с подносом, и Лойд умолк.

Я посмотрела на часы, висящие на стене напротив. Еще сорок минут его присутствия. Лойд развернул газету и принялся изучать новости.

– Оборонительная мощь растет... Угрозы Нарсии – фикция... Саулия готова к вторжению северян, – зачитал заголовки муж и свернул газету. – Сказки все это, – убежденно заявил он. – Не будет никакого вторжения. А если будет – мы мигом с ними управимся.

Лойд, пусть и заведовал департаментом образования, о войне поговорить любил. И сейчас завелся:

– ...С нашим климатом, с нашими ресурсами, с такой армией... Растопчем этот северный сброд в три дня, пискнуть не успеют.

Я кивала время от времени. На ум пришел недельной давности разговор у жены министра здравоохранения. Сидевший в роскошной гостиной военный совершенно не вязался

с изысканной обстановкой. Грубоватый колонель напоминал медведя, забавы ради усаженного на диванчик. Кто-то из гостей поинтересовался, что тот думает о войне.

– Нас размажут в кровавую кашу, – отозвался колонель. – Парады и мундиры не заменят техники. Мы отстаем, черт побери, они обогнали нас на поколение. Эти идиоты в министерствах, у которых на плечах задницы, думают, что ничего не случится. Что можно и дальше бить баклуши, потому что нас больше и мы богаче. Дудки! У нарсийцев тотальная мобилизация и ядерные боеголовки, а у нас никудышная система ПВО и тотальная болтовня.

Мужчины загомонили возмущенно: «А как же армия? А оборонная программа? А что же в газетах...»

– Газеты, разумеется, врут. Как обычно.

– Вы ошибаетесь, колонель, – встрял министр. – В правительстве знают, что делают. Миротворцы не допустят войны.

– Миротворцы, – насмешливо повторил колонель. – Пришельцы из других миров. Да что им за дело до нас. Попомните мои слова, господа, – нас ждет война. Экспансия, к которой мы не готовы.

Нет! Не может такого быть! Колонель ничего не знает о миротворцах. Они защитят нас. Они могут...

– А-а... к-когда?.. – спросила, заикаясь, хозяйка.

– В любой момент. Когда вздумается северянам – тогда и...

Я вспомнила этот разговор двухнедельной давности, и по спине в который раз пробежал холодок. Скорее бы приехал Леон! Рядом с ним можно просто сидеть, касаясь локтем и коленом, и почти ни о чем не думать, и не решать почти ничего. Разве что выбирать платье, которое ему особенно захочется снять...

Из раздумий меня выдернул звук отодвигаемого стула.

– Так, пора идти. – Лойд встал из-за стола. Проходя мимо, тронул пальцем за плечо. – До вечера, Лайла.

– До вечера. – Я наклонилась над тарелкой и закусил губу. С недавних пор, прикасаясь к мужу, я чувствовала себя шлюхой.

Написав письмо Леону, я спустилась в подвал – в мастерскую. Прохлада, привычные запахи глины, воска и мастики будоражили и успокаивали одновременно. Нужно закончить подарок для Леона. Смешивая раствор, разминая пальцами податливую глину, я вспоминала... Как сладко раздеваться перед ним, касаться спины напряженными сосками, скользить руками ниже, еще ниже, еще... Как сладко вставать на колени и пить его до стона, до крика, до последней капли... Как сладко раскрываться навстречу ему, будто сочный плод...

Я застыла, кусая губы, чтобы не закричать.

* * *

Приникнув к иллюминатору, я рассеянно оглядывал унылый нарсийский пейзаж. Самолет набирал высоту, северная столица с предместьями осталась позади, и сейчас под нами была лишь однообразная, куца и стылая пустыня. Она занимала большую часть страны, переходя в горные кряжи на севере и обрываясь в океаны с запада и востока. А на юге, на узкой горловине разделяющего материки перешейка, стояли мы. Миротворцы, пытающиеся не позволить дерзким, нищим и жестоким истребить изнеженных, богатых и благодушных.

Я откинулся в кресле и закрыл глаза. Перед ними стояла Эрта. Так же, как стояла она на пороге, когда я уходил. Растерянная, плачущая – я не думал, что она умеет плакать вообще.

Как не думал тогда, в самый первый раз с ней, что ослепительная красавица, символ северной нации, окажется девственницей.

Поначалу я считал, что Эрту его совершенство под меня подложил. Считал до тех пор, пока однажды ночью, обнимая меня, она не шепнула: «Как же я все здесь ненавижу, милый. И как же мне повезло, что есть ты». А когда я вскинулся и вопросительно уставился на нее, обвела глазами комнату, задерживая взгляд на вентиляционных отдушинах под потолком. В этот момент я поверил. Не знаю почему – шестым, может быть, седьмым чувством осознал, что она говорит искренне.

В прошлый мой приезд в Нарсию мы пробыли вместе полтора месяца. В этот – полтора дня.

– Ты вернешься? – спросила она тихо.

– Да, – соврал я. – И быстрее, чем ты думаешь.

Вернуться означало дать ответ Борсу. А точнее, попросту его послать. И посмотреть, что из этого выйдет. Посмотреть можно было и издалека. Потому что вблизи означало бы, реши он рискнуть, немедленную мою ликвидацию.

* * *

Полковник, заложив руки за спину, в задумчивости расхаживал по кабинету. И молчал. Я, ссутулившись в кресле, ждал и молчал тоже.

– Так и сказал: «...уничтожу вас. Смету ваш кордон с перешейка и утоплю в море»? – прервал наконец молчание полковник.

– Так и сказал.

– Понятно. Хорошая провокация.

– Вы находите?

– Нахожу. Борс сейчас выжидает и смотрит, как мыотреагируем. Если не предпримем ответных мер, он может рискнуть. Сделает вывод, что мы слабы. Совершенно, кстати, справедливый.

– Какие ответные меры вы имеете в виду?

– Ну, например, – смерил меня взглядом исподлобья полковник, – мы могли бы провести боевые учения. Во время которых одна ракета улетит на север. Случайно. Скажем, по моей халатности. И приземлится в нарсийской столице. И все – не будет никакого Борса.

– Вместе со столицей?

– Ну, не со всей. Пострадает только центр. По сравнению с количеством жертв в возможной войне это сущие пустяки.

– Есть еще варианты? – саркастически спросил я.

– Есть. Основной, – сарказма полковник не принял. – Если вдруг у южного недоумка случится озарение и он на него согласится.

Южным недоумком был господин президент Плайн Второй. А основным вариантом – гипотетическое согласие Саулии на размещение на своей территории поселенцев-землян. В количестве, достаточном, чтобы вместе с ними разместить военные базы и тем самым обеспечить безопасность поселенцев, а заодно и страны. Господину президенту Плайну Второму предлагали этот вариант неоднократно. Он с изысканной южной вежливостью неизменно отказывал. Меры опасности господин президент не осознавал. Как, впрочем, и остальные его соотечественники.

– Что ж. – Я поднялся. – Послезавтра я буду уже в Саулии. Могу передать господину президенту, что вы его полагаете недоумком.

– Да-да, – рассеянно проговорил полковник. – Передайте ему, пожалуйста.

* * *

На этот раз в иллюминаторе виднелась не пустыня, а цветущие сады и возделанные поля. Саулия была настолько же богата и плодородна, насколько скудна и бесплодна Нарсия.

Через несколько часов я увижу Лайлу. Одухотворенную, деликатную, чувственную Лайлу. В ее объятиях удастся забыть о северной красавице. Необразованной, вспыльчивой и бесцеремонной. И тоже чувственной. Не удастся, понял я миг спустя. Не удастся забыть. Пора уже перестать прятать голову под крыло и разобраться в себе.

Следующие десять минут ушли на извлечение головы из-под крыла и разбирательство. Две женщины. Разные во всем, кроме, пожалуй, ненасытности в постели и отсутствия в ней всех и всяческих преград. Черт возьми, я никогда не думал, что могу любить двух одновременно.

Стоп, сказал я себе. Что-то нехорошо, неправильно в последней фразе. Только что же? На юге я сплю с южанкой; с северянкой – на севере. Нормальная практика для кочевника, не жить же анахоретом. Только вот... Глагол, понял я. Неосознанно я употребил глагол «любить». Которому во фразе не место. Или...

* * *

Лайлу я увидел еще с трапа, она стояла в толпе встречающих. Тоненькая, миниатюрная, по плечо одутловатому плешивому верзиле, неизвестно за какие заслуги назначенному в министры. И неизвестно за какие выбранному ею в мужа.

Потом были шикарный лимузин, цветы, поклонны, рукопожатия и церемонные речи. Во время которых я неотступно думал о Лайле и после которых наконец остался один на один с президентом.

– Три дня назад, – сказал я, глядя ему в глаза, – я получил ультиматум. Не буду вдаваться в подробности. Результатом отказа может быть война, препятствовать которой нам не удастся. Возможно, мы будем вынуждены покинуть перешеек или вообще оставить вашу планету.

– Мне будет крайне не хватать вашего общества, господин посол, – с печалью в голосе проговорил президент.

Я едва удержался от гневной отповеди. Он даже не понимал, что война будет означать для него самого, не говоря о своих согражданах.

– Если начнется война, Саулия будет уничтожена, – жестко сказал я. – Население истреблено. Возможно, в первые же несколько дней.

– При всем к вам уважении, господин посол, – сокрушенно покачал головой Плайн Второй, – вы ошибаетесь. Вам, впрочем, простительно, вы ведь не местный. Давайте я объясню. Саулийцев в десять раз больше, чем северян, на каждого их солдата придется десять наших граждан. Это во-первых. Во-вторых, территория Саулии в шесть раз больше. И, в-третьих, у нас гораздо более развитая промышленность. Им никогда не одолеть нас, господин посол.

– Как же вы не поймете! – сказал я с досадой. – От вашей хваленной армии ничего не останется после первого же массированного удара. От вашей промышленности – тоже. Вы производите автомобили, а Нарсия – танки. Вы – пассажирские аэробусы, а они – бомбардировщики. Вы – атомные электростанции, а они – баллистические ракеты средней дальности.

– Ракеты у нас тоже есть. – Благодушная улыбка сошла у президента с лица. Мои слова явно взяли его за живое.

– У вас недостаточно ракет. И никудышная система противовоздушной обороны. Но это не самое главное. Они будут первыми, понимаете? Первыми нанесут ядерный удар. В худшем случае вы успеете ответить. В лучшем – нет.

– Почему в лучшем? – озадаченно спросил президент.

– Потому что если не успеете, уничтожена будет только Саулия. А если успеете, то обе страны. И тогда уцелевшие откатятся в развитии на сотни лет назад. Только их, уцелевших, будет не много.

– Вы рисуете слишком мрачную картину. – Благодушная улыбка появилась вновь. – Позвольте сказать напрямик. Мы никогда не согласимся на иммиграцию поселенцев из вашего мира, господин посол. Саулия – независимая страна, была таковой всегда и будет вечно. Северяне множество раз воевали с нами. Восемнадцать конфликтов за последние пять веков. И ни разу не преуспели. Мы их не боимся.

– Ядерной бомбардировки, значит, не боитесь тоже?

– Они не рискнут на ядерную. Им прекрасно известно, что у нас есть чем ответить.

Я поднялся. Он просто не понимал. Не хотел понимать. Разговор был бессмыслен.

– Его совершенство диктатор Борс, – предпринял я последнюю попытку, – несколько отличается от своих предшественников. Он – очень рискованный человек. Когда речь идет о нем, рассуждения «они не рискнут» не работают.

– Что ж, – пожал плечами Плайн Второй. – Вам виднее, вы знакомы с этим мерзавцем лично. Не смею задерживать вас, господин посол.

* * *

Апельсин солнца лениво катился по голубому шелку неба. В Саулии сиеста. Я смотрела на спящего Леона и таяла от нежности. Затем поднялась, нашла на полу шпильки и собрала волосы. Наклонилась над Леоном и долго-долго вдыхала его сон.

– Лайла... – открыл глаза Леон.

– М-м-м?... – Я провела носом по его плечу.

– До чего приятно просыпаться в такой компании.

– Только просыпаться? – Я шутливо нахмурилась. – А засыпать?..

– Виноват. Оговорился.

Мы расхохотались. Отсмеявшись, Леон поднялся с постели.

– Я проверю почту, милая.

– Хорошо.

Леон прилетел в Саулию неделю назад. Полдня он провел за церемониями и у президента. За те несколько часов, до сиесты, я успела известить от нетерпения. А потом шмыгнула к нему в комнату. Снова я чувствовала себя кусочком податливой мягкой глины, с которой мой скульптор может делать что угодно. Снова я кричала во весь голос, чувствуя Леона внутри, и стискивала потайные мышцы, чтобы стать уже, теснее для него. Снова была счастливейшей из женщин.

Президент не очень-то утруждал Леона, и все дни были наши, только на двоих. Касания, стоны, влажные пальцы, нежность, облака нежности, озера нежности, океаны... Прогулка на кораблике по проливу, фруктовая роща, ресторанчики Стеклянного квартала, где живут музыканты и художники...

Леон выключил компьютер, откинулся на спинку кресла и зажмурился. Я встревожилась.

– Что-то случилось?

Леон отнял руки от лица и посмотрел на меня внимательно.

– Собирайся, Лайла. Я увожу тебя. Завтра.

* * *

Директива с Земли предписывала эвакуировать воинский контингент в течение трех недель. Там наконец додумались оценить обстановку и признали ее слишком опасной. К нашему прибытию подготовка к эвакуации шла уже полным ходом.

– Что за девица? – скользнув по Лайле небрежным взглядом, осведомился полковник.

– Моя жена.

Полковник закашлялся.

– Она в курсе.

– Тогда попросите оставить нас вдвоем.

– Поскучай без меня немного, милая, – сказал я Лайле. – Я попрошу Джордана, он покажет тебе, как мы тут живем.

– Смелый вы человек, – сказал полковник, когда мы остались одни. – Отчаянный. Воистину рыцарский поступок.

Отвечать я не стал. «Рыцарский» в переводе с эзопова языка на разговорный означало «глупый». Или даже идиотский. Женщина другой расы, как сказал бы его совершенство. С несовместимым геномом. Деликатная, одухотворенная, нежная, смотрящая на меня как на полубога. Что я с ней теперь буду делать?.. Я ведь даже не могу сказать, что люблю ее.

К чертям! Я ее вытащил. Рыцарский, глупый, идиотский – этот поступок был правильным. Может быть, самым правильным за всю мою жизнь.

– Не жалко остальных? – глядя в сторону, спросил полковник.

– А вам? – парировал я.

– Мне – да. Когда пришла директива с Земли, я отдал команду на запуск.

– Что?! – спросил я ошеломленно. – На какой запуск?

– На запуск ракеты, естественно. За минуту до старта я приказ отменил.

– Вас судили бы, – пробормотал я растерянно. – Вас бы приговорили за это к расстрелу.

– На расстрел я согласился бы с радостью, – криво усмехнулся полковник. – Не в нем дело, полпред. Мне, знаете ли, пришлось в голову, что я не вправе умертвить полмиллиона человек. Даже если их смерть спасет полмиллиарда.

С минуту мы молчали.

– У нас есть две недели, – прервал наконец паузу полковник. – Вернее, у вас. За это время можно было бы сделать многое.

– Что вы имеете в виду?

– Вы не поняли? Извольте, я растолкую. Две недели достаточно, чтобы убрать эту сволочь, его северное совершенство.

– В каком смысле? – спросил я оторопело.

– Удавить. Пристрелить или зарезать вряд ли удастся, там же, по вашим словам, обыскивают. У вас есть человек, который вполне может это проделать по вашей просьбе. Вернее, которая. Она, я слышал, в неплохой физической форме.

Я поперхнулся. Джордан. Исполнительный, дружелюбный, услужливый сукин сын. Постукивающий на меня в свободное от дружелюбия и услужливости время.

– Вы считаете, я готов послать Эрту на смерть? Даже если предположить, что она согласится?

– Нет, – проговорил полковник медленно. – Не считаю. Увы. Свой рыцарский поступок вы уже совершили.

* * *

– Отпусти-и-и! – визжала Брегис. Я придавила паршивку к полу коленом и удерживала за руки.

– Объясняю для идиотов. Нечего трепать мое имя вместе с именем посланника. Ты поняла? – Я сильнее прижала коленом.

– Поняла, – выдохнула в ответ Брегис.

Началось с того, что Брегис обронила в коридоре: «Бедная Эрта».

– Так ей, сучке, и надо, – возразила Дарин. – Посланник удрал, а ее с собой забрать забыл. Зато как задавалась...

Я услышала эти слова, стоя за дверью своей комнаты, утром, перед выходом в аудиенц-зал. Из комнаты я не вышла – вылетела – и начала с Дарин. Сшибла ее с ног подсечкой и приложила мордой об пол. Потом взялась за Брегис.

После отъезда Леона я места себе не находила. Когда мы расставались две недели назад, я подумала, что вижу его в последний раз. И теперь бесилась, колотила товарок, собачилась с охраной. А ночами вспоминала и вытягивалась в струну, сжав ноги и стараясь не застонать...

Я отпустила Брегис, отвесила пинка Дарин и пошла в аудиенц-зал. Уже стоя за тронем, я чувствовала, как сердце колотится, и успокоиться не могла.

А потом... Горнисты протрубили положенное приветствие, распахнулась дверь, и я чуть не закричала от радости...

– Эрта!

Леон все-таки прилетел. И целовал меня сейчас, ласкал поверх промокших трусиков и под ними так, что стены вокруг танцевали...

Потом осколки вселенной вернулись на свои места. Леон приподнялся, опираясь на локоть, и разглядывал меня, как будто впервые видел. Я смутилась.

– Что-то не так?

– Нет, Эрта. Все так... Скажи... завтра у Борса будет аудиенция? – напряженно спросил Леон.

– Конечно, будет.

– И ты присутствуешь?

– Само собой.

Странно. Он никогда меня об этом не спрашивал...

– Ты будешь стоять за тронем, как всегда?

– Нет, буду сидеть на коленях у Борса!

Да что же такое? Зачем спрашивать очевидные вещи? Я приподнялась и взглянула на Леона. И наткнулась на такой взгляд... Будто он сам себя готов убить.

Утром я открыла глаза в положенное время – на рассвете. Леон сидел за столом и постукивал запечатанным конвертом по столешнице. Удивительно – я всегда просыпалась первой.

– Доброе утро, Эрта. – Леон обернулся, и я испугалась: за ночь он как будто лет на десять постарел. Складки у рта стали резче, кожа на скулах натянулась...

– Ты спал?

– Немного. – Леон поморщился, будто у него болел зуб. – Одевайся. И как можно быстрее.

Я торопливо одевалась и гадала – что происходит. Что-то странное и тревожное, я всей кожей чувствовала. Пальцы не слушались, и застегнуть платье не получилось – мелкие пуговицы ускользали из рук. Я подошла к Леону и повернулась спиной.

– Застегни.

Леон взял меня за плечи, развернул к себе, посмотрел внимательно.

– Сейчас за тобой придет Джордан.

– Зачем?!

Джорданом звали дюжего детину с гладко зализанными волосами, который двух слов на нарсийском связать не мог и состоял при посланнике, словно дуэнья при молодежи.

– Вот этот конверт, – кивнул Леон на стол, – надо вручить полковнику Келли. Это командир миротворческих войск. Внутри – важная и срочная информация. Мне нужно задержаться здесь, в Нарсии, иначе я доставил бы его сам. – Леон взял меня за подбородок и заглянул в глаза. – Эрта, прошу тебя, сделай, как я говорю.

Растерянная, я кивнула.

Затем был посольский лимузин, аэродром и миниатюрный, похожий на головастика самолет.

Я сидела в салоне этого недоношенного самолета и пыталась сообразить. Леон выпрашивал у меня очевидные вещи. Тщательно выпрашивал, пытливо, и глядел при этом так, словно от моего ответа зависело что-то очень важное. От того, буду ли я, как обычно, стоять за троном.

Значит, зависело, поняла я. Трон, восседающий на нем диктатор, и я сзади, в пяти шагах. Леон хотел просить меня о чем-то, но так и не попросил. О чем-то, что было необыкновенно, отчаянно важным. А вместо этого попросил другое. Убраться из столицы с дурацким конвертом. Можно подумать, что его не мог передать этот напыщенный индюк Джордан. Я улетела, а Леон остался. Значит...

До меня внезапно дошло. Сразу, в один миг я поняла, что именно это значит.

Я вскочила, прыжком покрыла расстояние до пилотской кабины и заколотила в дверь.

– Разворачивай! – орала я, надрывая глотку. – Разворачива-а-а-ай!

Дверь распахнулась. Джордан стоял в проеме и моргал, вылупившись на меня.

– Назад! – Я схватила его за грудки. – Разворачивай самолет, гадина, сука, сволочь!

Он дернулся, высвободился от захвата и залепетал что-то на своем диковинном языке. Затем отпихнул меня и попятился обратно в кабину.

Я рванулась к нему. Срубила его ребром ладони. Саданула локтем в висок и метнулась вовнутрь.

На пульте перемигивались разноцветные лампочки. Управляемый автопилотом самолетик как ни в чем не бывало уносил меня прочь.

Я отчаянно заколотила по клавишам, рванула на себя вычурной формы рычаг, врезала кулаком по панели. Проклятье, я понятия не имела, как все это работает!

Я не видела, как сзади подобрался очухавшийся Джордан. Удар в затылок бросил меня грудью на приборы и вышиб сознание.

* * *

– Что ж, признаюсь, вы удивили меня, – озадаченно протянул Борс. – Но я рад, рад. Итак, вы согласны?

– Каковы гарантии, что вы выполните свое обещание, если я соглашусь? Вы обещали, что я стану вторым человеком в стране после вас.

Я сидел в том же кресле с витыми позолоченными ручками, диктатор расхаживал по залу. До него было десять шагов. Оттолкнуться, три прыжка, максимум четыре. Успею ли? Я забыл, когда в последний раз дрался. Наверное, в детстве. А сейчас предстоит не драться. Сейчас надо убить. Свернуть ему шею. И уложиться при этом в пять секунд, больше мне не дадут, охрана прямо за дверью.

Эрта сделала бы это наверняка. Сделала бы из любви ко мне. Ей хватило бы и секунды. А в следующую секунду ее бы не стало. А я – я наслаждался бы жизнью с Лайлой. С одухотворенной, нежной, изысканной...

– Гарантии у вас будут, – проскрипел Борс. – Должность наместника Саулии вас устроит? Для начала.

Я подобрался. Боже, как не хочется умирать. Сколько же у меня шансов его прикончить... Двадцать процентов? Тридцать, пятьдесят? И ни одного шанса выжить, независимо от исхода дела. Ни единого.

– Устроит, – сказал я. – Только вот что...

– Да. Что же?

Я, оттолкнувшись от пола, бросился на него.

* * *

Я часто думаю, что давно должна была умереть. Было время, что я очень хотела умереть. Отчаянно хотела – жить было незачем.

И было время, когда я боялась, что умру. Я выжила только потому, что была она. Та, что вытащила меня, вытянула из отчаяния и тоски. Моя названная сестра Эрта.

* * *

Вчера приходил полковник Келли. Он славный старик, и всякий раз приносит Леону гостинцы. Полковник вышел в отставку одиннадцать лет назад, после того, как...

Я до сих пор прихожу в бешенство, когда думаю о том, что случилось одиннадцать лет назад. О том, что моя страна сгорела в огне. Потому что человек, которого я любила, не сумел мной пожертвовать. Он предпочел пожертвовать собой, и жертва эта оказалась напрасной. Он не был рожден, чтобы убивать. И чтобы любить – не был. Он не сумел убить, мой человек со звезд. Так же, как не сумел дать мне счастье и не сумел дать его Лайле.

Мы с Лайлой живем в его доме, на планете с названием Земля, откуда он родом. Дом достался нам по завещанию. Оно было в том конверте, который я отвезла полковнику.

Я хотела убить Лайлу. Сначала, когда узнала, кем она ему была. Потом, когда узнала, что она носит ребенка. Того, которого должна была носить я.

А потом, когда нянчилась с ней, высохшей от жестокого токсикоза, когда сутками просиживала у ее постели в больнице и думала, что не уследила, не уберегла – хотела убить себя.

Я больше не хочу убивать. У меня растет сын. Ее сын – наш общий с ней ребенок. Родившийся, несмотря на несовместимость геномов – вопреки всему.

– Мама Эрта, – говорит Леон и смотрит на меня такими же глазами, какие были у него. У моего человека со звезд.

Сергей Чекмаев СтандАрт

Посвящается памяти Андрея Николаева

Не открывая глаз, Борис пошарил рукой по постели. Пусто. Очень хорошо. Значит, оставив спящего хозяина, гости ушли и никого не забыли. А ведь могли, кстати. Или, что еще хуже, очередная энтузиастка, возмнившая себя музой, могла остаться по собственной инициативе, чтобы «бескорыстным служением Художнику внести свой скромный вклад в умирающее искусство». Как-то одна такая затаилась среди неоконченных скульптур, заснула, а Бориса чуть инфаркт не хватил, когда в предрассветном сумраке одна из фигур зашевелилась.

«Отчего так получается, – подумал он с тоской. – Вроде уже настроился работать, но стоит заявиться очередной компании абсолютно тебе неинтересных, ненужных и совершенно пустячных людей, как ты с радостью все бросаешь и присоединяешься к общему веселью».

В студии стоял космический холод – на ночь Борис открыл окна, чтобы избавиться от дыма, запаха объедков и перегара. Дым за ночь выветрился, но отвратительный застарелый табачный запах остался. И тут уж могло помочь только одно – освежить его первой за день сигаретой.

Зазвонил телефон. Говорить ни с кем не хотелось, но это мог оказаться заказчик, и Борис взял трубку.

– Да?

– Привет. Это Ирина.

– А, привет.

– Мы направили к тебе очередную претендентку.

– О, черт...

– Что-то не так?

– Я же просил предупреждать заранее, – вздохнул Борис.

– Ну, извини, так получилось. А что, не вовремя? У тебя там кто-то есть?

– Слава богу, никого. Легенда стандартная?

– Да. Погоди, сейчас взгляну. А, вот: претендентка на «Мисс Россия», блондинка, зовут Елена, знакома с тобой около месяца. Предполагается, что у тебя заказ на скульптуру в стиле «ню» и ты упросил ее позировать. Матрица ментальности стандартная, тип два с небольшими вариантами. Возможный коэффициент интеллектуальности – девяносто. Два-три дня тебе хватит?

– Господи, как я устал, ты бы знала.

– Не разменивайся по мелочам, – усмехнулась Ирина, – или ты все музу ищешь?

– Уже не ищу. Выродились музы. Общая дегенерация и деградация, стандартизация красоты и полный упадок нравственности...

– Боже, как тебя скрутило. Ну-ну, не отчаивайся. Кстати, часикам к трем жди еще одну. Выставим на «Мисс Европа». Зовут Инга, коэффициент...

– Знаешь что, дорогая...

– Знаю, знаю. Вечером жду отчет. Пока.

Борис посидел на кровати, собираясь с силами. Надо бы хоть немного прибраться. Он принес мусорное ведро, покидал в него бутылки и, стараясь ничего не рассыпать, завернул в газеты остатки еды. Так, теперь создать рабочую обстановку. Он заварил кофе в тер-

мосе, задрапировал подиум, установил свет и огляделся, проверяя, все ли на месте. Глина или пластилин? Пусть будет глина.

Когда Борису предложили эту работу, он, помнится, возгордился необычайно. Еще бы! – признание как ценителя и знатока, как хранителя классических традиций и эталона прекрасного. «Доллз инкорпорейтед», якобы модельное агентство пачками клонирует красоток, вживляет память, выставляет на очередную «мисс», а потом собирает призы и рекламные контракты. Схема чрезвычайно проста – как это раньше никто не додумался! А он только оценивает внешние данные. Экзаменатор, консультант, тестировщик...

В дверь настойчиво позвонили. Ну, знаток и хранитель, пора за работу.

– Доброе утро, любимый. – У девушки было миленькое личико с пухлыми губками и широко распахнутыми васильковыми глазами. – Извини, я немного задержалась.

Чмокнув Бориса в щеку, Елена прошла в студию. Он вытер помаду и поплелся следом.

– Вау! Новый музыкальный центр! Очень красиво.

Борис вспомнил, что давно не давал «Доллз» описание своей студии. Хотя Ирина недавно приходила сюда, могла бы и освежить программу ложной памяти.

– Угу, я его вместо будильника использую.

– Фи, как это обыденно. – Елена сморщила носик. – Я люблю праздник, ты же знаешь. Заведи что-нибудь красивое. – Она прошла за ширму и зашуршала там одеждой.

Борис послушно поймал музыкальную программу. Под зауспокойную мелодию кто-то сообщал слушателям о своей несчастной судьбе.

– А почему так холодно? – спросила Лена из-за ширмы.

– В холоде ты лучше сохраняешься, – хмуро пробормотал Борис.

– Что? Не слышу! Ты хочешь, чтобы я заболела?

– Ни в коем случае. Я тебе калорифер поставлю.

Он включил обогреватель и стал разминать глину, смачивая ее водой. Лена показалась из-за ширмы, закутанная в махровую простыню. Взойдя на подиум, огляделась, вздохнула мученически.

– Что мне делать?

– Сейчас подумаем.

– А ты не мог заранее решить, что будешь лепить?

Рассказать, что помешала очередная компания? Нет, лучше не надо. Не дай бог, упреки, не приведи господь, слезы. Или того хуже – скандал.

– Мне нужно поймать движение, – заявил Борис, – я не могу представить все в голове. Так, – потер он ладони, – ты не могла бы повернуться, поднять руки? Нет, простыню, пожалуйста, сними.

– Это обязательно?

«Ты с ними построже», – напутствовала его Ирина.

– Опять? – спросил Борис. – Мы же договорились. Я не в состоянии лепить обнаженную натуру с одетой женщины.

– Ты хоть понимаешь, что мне не по себе?

– В постели ты не такая стеснительная.

– Это совсем другое. – Она, похоже, не удивилась. Значит, Ирина ввела в память интим. – Ты ведь меня рассматривать будешь!

– О, черт. – Борис с маху шмякнул кусок глины о фанеру. – Я же скульптор! Это все равно что врач. Ты ведь не стесняешься на приеме у врача?

– Ну, хорошо, хорошо. Я сделаю, как ты хочешь. Но мне это непросто, так и знай! Скажи, ты меня любишь?

– Да.

– И я тебя тоже.

Она скорбно вздохнула и опустила руки. Простыня скользнула по бедрам и сложилась у ног пушистым сугробом. Приподняв голову и чуть отведя назад плечи, Лена устремила глаза вдаль. Кроткая покорность судьбе и готовность вытерпеть ради любви любые испытания отразились на ее лице. На щеки взошел румянец, чуть задрожали полные губы.

– Ты этого хотел? – спросила она звонким голосом.

Борис почувствовал себя Торквемадой на допросе обвиненной в колдовстве девицы.

– Почти, – буркнул он, – расслабься, пожалуйста. И не надо такой жертвенности.

– Какой ты нудный, Стойков.

– Представь, что ты просто стоишь... в очереди, что ли. Или ждешь автобус.

Обходя подиум по кругу, он разглядывал ее тело, оценивая с точки зрения формы. Пожалуй, все безукоризненно.

«Даже слишком, – подумал Борис. – Тонкая талия, высокая девичья грудь с темными шишечками сосков, в меру широкие бедра, упругие ягодицы. Девичество, переходящее в женственность. Я бы предпочел какой-нибудь маленький изъян, присущую только ей индивидуальность. Говорил ведь Ирине, что стандарт стандартом, но нельзя наделять всех идеальной фигурой. Так нет же, штампуют своих «мисс», как лепешки для пиццы».

Лена, поворачивая голову, следила за его реакцией.

– Что ты там рассматриваешь? Целлюлит? – забеспокоилась она, пытаясь заглянуть себе через плечо. – Не может быть!

– Все в порядке. Подними руки.

Позабыв о маске смущенной девушки, она с видимым удовольствием подняла руки и, заложив их за голову, немного прогнулась, справедливо полагая, что грудь от этого только выиграет.

– Так хорошо?

– Угу.

Чего-то явно не хватало. Ущербность какая-то в ней ощущалась. И фигура божественная, и личико симпатичное... не омраченное интеллектом... Кукла – она кукла и есть. Настроение испортилось.

«Дам отрицательный отзыв, а она займет призовое место, и что тогда?» – спросил себя Борис. И сам же ответил: «Опять лишат меня премии, вот что. Ну и черт с ними. Художник не продается, во всяком случае не за те гроши, которые платит «Доллз».

Он вернулся к куску фанеры, снова намочил руки и принялся сосредоточенно, боясь упустить возникшее состояние, разминать глину. Сегодня мы не будем ваять очередную «Радость бытия». Сегодня мы постараемся передать миру нашу «Печаль». Нет, «Усталость»! Да, точно. Но это будет моя усталость. Не пресыщенность, не отвращение, а просто «Усталость». Моя вселенская, непреходящая, всеобъемлющая...

– Мне долго так стоять?

– Присядь, пожалуйста. Можешь представить, что ты устала?

– После любви?

– Нет. Просто устала. От работы, от жизни. Подумай о чем-нибудь грустном. Опusti плечи и наклони голову.

– Но тогда не будет видно лицо.

– Мне сейчас главное – передать форму.

– Ну, хорошо.

Лена присела на подиум и, пригорюнившись, опустила голову. Некоторое время Борис сосредоточенно работал, поглядывая на нее. Постепенно под пальцами возникала фигурка женщины со склоненной головой. Волосы полускрыли лицо, светлой волной легли на плечи и грудь. Она как бы прислушивалась к себе, перебирая, словно бусинки на нитке, прошед-

шие годы. Раздумывала о том, что в жизни не удалось, многое ли еще предстоит... Борис убрал стекой лишний материал и замер на мгновение. Конечно, в идеале надо, чтобы модель не изображала усталость, а действительно чувствовала изнеможение, но это – когда перейдем к деталям. Надо будет заставить ее позировать вечером, а лучше ночью! Под утро, когда больше не хочется ласк, когда любовь становится пресна, как черствый хлеб, когда ни одной мысли в голове и хочется только спать, спать...

Неожиданно Лена всхлипнула.

– Что, что такое? – забеспокоился Борис.

– Ты же сам предложил подумать о чем-нибудь грустном. – Она всхлипнула снова, на этот раз громче.

– Ну, не до такой же степени, чтобы расплакаться.

– Все, все, я больше не буду. – Она вытерла ладонью глаза и шмыгнула носом. – А ты правда меня любишь?

– Конечно, – преувеличенно бодро ответил Борис.

– Но мы до сих пор не купили кольца.

– Какие кольца?

– Ну, если мы помолвлены, то совершенно необходимо купить кольца.

«Господи Боже, – ужаснулся Борис, – это еще что? По легенде, я просто попросил ее позировать. А собственно, чему я удивляюсь? Практически все непрофессиональные натурщицы считают, что позирование в обнаженном виде – лишь прелюдия к близким отношениям. А близкие отношения полагают чуть ли не началом совместной жизни. Да, наверное, мы были близки. Ты это помнишь, дорогая, я – нет. У тебя память имплантированная, у меня – природная, своя, настоящая. Но если каждую близость считать помолвкой... Впрочем, – вспомнил он, – помолвка еще ни к чему не обязывает».

Борис прикинул финансовые возможности. Недавно две работы ушли в частную коллекцию. Слава богу, мода на домашнюю скульптуру возвращается. А «Доллз», конечно, деньги вернет.

– Ах, кольца... безусловно, кольца надо купить.

– Ты – чудо. – Лена вскочила и, подбежав, прильнула к нему. – Как я тебя люблю! Заканчивай быстрее и пойдем. Я знаю отличный магазин.

Подняв руки, чтобы не испачкать ее, Борис закрыл глаза и вздохнул:

«Никогда не мог отказать красивой женщине, а бабы это чувствуют и выют из меня веревки... Ладно, когда натуральные, а то ведь клон, «барби», чебурашка. Не могу я сказать: дорогая, мы просто добрые знакомые. Ты – модель, я – художник, давай ограничимся этим».

Он почувствовал, как ее горячее тело все сильнее прижимается к нему, опустил взгляд на приникшую к груди светлую голову и попытался высвободиться. Не удалось. Держали его крепко.

Кольца под стеклом, играя всеми гранями камней, бросали радужные блики на лицо склонившейся к ним Елены. Актинии, подумал Борис, настоящие актинии. Притаились в полутьме моря и ждут жертву, завлекая ее переливами красок. Продавщица, интимным шепотом представляя товар, выкладывала коробочки, в которых на черном бархате уютно покоились бесполезные побрякушки.

– Важно, чтобы украшение сочеталось с цветом глаз, подчеркивая их безупречностью формы, но не затеняя природным блеском оправленного в металл камня. Вам, несомненно, нужно носить только золото! Лучше, конечно, платину с золотыми инкрустациями. Современный дизайн предполагает использование в таких украшениях исключительно бриллиантов.

– Вот это колечко. – Как бы в задумчивости, Лена надела на палец массивное кольцо с камнем размером в половину кирпича. – Как тебе, любимый?

Борис сразу понял, что вернуть кольцо теперь можно только вместе с пальцем.

– Хм... – Он прокашлялся. – Мне кажется, по знаку Зодиака...

– Бриллиант и платина, – холодно прервала его продавщица, – не говоря уже о золоте, подходят всем знакам Зодиака. С этим кольцом изумительно сочетаются вот эти серьги, кулон и браслет, – обратилась она к Лене. – Для свадебного гарнитура...

– У нас только помолвка, – твердо заявил Борис.

Расплачиваясь в кассе, он позлорадствовал, что эта консультация обойдется «Доллз» в круглую сумму.

– Надеемся еще не раз увидеть вас в нашем магазине, – сладко пропела продавщица, провожая Елену до дверей.

«Только без меня», – подумал Борис.

На улице, отставив руку с кольцом в сторону, Лена полюбовалась игрой камня.

– Как я люблю дорогие подарки. Скажи, мы ведь будем сюда заходить, милый?

– Каждый день.

– Ах, как я тебя люблю. Однако мне пора. Я тебе позвоню. – Она чмокнула его в щеку.

Борис смотрел, как она уходит. Вся такая воздушная, легкая, как перышко, беззаботная, как стрекоза в начале лета. Один из образцов современной женщины. Впрочем, только ли современной? Беспечность, беззаботность, неумение или нежелание заглянуть в завтра, предвидеть хоть какие-то последствия... Всегда так было. Что сейчас, что десять, двадцать, наверное, и сто лет назад. Жванецкий писал, что женщины бывают двух типов: прелесть, какие глупенькие, и ужас, какие дуры. А в дополнение рядом должен быть кретин, который превозносит женщину только за то, что у нее от природы смазливая мордашка, ноги от подмышек и чрезмерно развитые молочные железы.

Борис посмотрел на часы и огляделся в поисках такси. Скоро его ждет встреча еще с одной ипостасью современницы.

– Какого черта я должна тебя ждать? – Эффектная брюнетка, покусывая темно-красные губы, уставилась на него прищуренными глазами.

– М-м... видишь ли, дорогая. – Борис повернулся к водителю такси, чтобы расплатиться. – Я...

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

Водитель сочувственно покачал головой.

– Какая горячая встреча. Держись, парень.

– Что там бормочет этот болван? – Инга шагнула поближе к машине.

– Ничего, ничего, дорогая, он просто отсчитывал сдачу. – Борис поспешил захлопнуть дверцу. – Извини, заказчик задержал.

– Мне плевать, кто тебя задержал, я спрашиваю: почему я должна тебя ждать? – Вздернув подбородок, она надменно посмотрела на него. Классически правильное породистое лицо, глаза сверкают сдерживаемым бешенством.

«Ну, я попал», – подумал Борис. Он попытался взять Ингу под руку, но она вырвалась и повернулась к нему аристократичным профилем.

– Дорогая, не будем привлекать внимания. Давай продолжим работу. Я, конечно, виноват, ну, прости...

Продолжая рассыпаться в извинениях, Борис увлек девушку в подъезд.

– Ты хоть понимаешь, что я в любой момент в состоянии найти более достойного мужчину? Мне просто жаль тебя, ты же пропадешь со своим убогим талантишком, кстати, весьма сомнительным. Если бы ты знал, сколько у меня предложений от весьма солидных людей.

– Да, конечно, – согласился Борис, – я все это понимаю. Спасибо тебе.

– Я хоть сейчас могу...

Можешь, конечно, можешь. И как только ты его найдешь, мужика, способного оплатить твои, судя по всему, немаленькие запросы, – только я тебя и видел. Он предоставит тебе свой кошелек, а ты – свое безупречное холеное тело.

– ...черт с тобой, но чтобы это было в последний раз.

– Обещаю, дорогая, больше этого не повторится. Позволь, я тебе покажу. – Борис провёл ее в студию. – Вот это черновой, так сказать, вариант. Предполагаемое название скульптуры «Печаль», а может, «Усталость».

Он снял мокрую тряпку с фигурки и отступил чуть в сторону. Скептически скривив губы, Инга повертела лист фанеры, потом искоса взглянула на него.

– С кого ты это лепил?

– М-м... собственно, это обобщенный образ. Плод раздумий...

– Какой-то усохший плод, – брезгливо сказала Инга. – Должна тебя разочаровать – печаль я изобразить не смогу.

– Ну, не печаль, так усталость. От жизни, от работы. Представь: после рабочего дня ты пришла домой, добиралась общественным транспортом, дети визжат, а голова так и раскалывается...

– Этого я представить не могу, – категорически заявила Инга, – я что, похожа на кого-то, кто стоит в очередях и ездит в общественном транспорте? А детей сейчас вообще никто не рожает, если, конечно, голова есть. Фигуру портить! Вполне приличного ребенка можно взять в приюте.

Отвернувшись, она прошла по студии, покачивая бедрами, и взглянула на Бориса через плечо, проверяя впечатление.

– Милый мой, тебе нужна какая-нибудь секретарша или продавщица. Усталость я, пожалуй, смогу изобразить. Но для этого тебе придется постараться. Разбирай постель, я пойду в душ.

– Э-э...

– Ты что-то хочешь сказать?

– Нет, – ответил Борис, проклиная свою мягкотелость.

Забросив руки за голову, он лежал, бездумно глядя в потолок. Инга вышла из ванной в шелковой ночнушке. Решительно прошагав к постели, она деловито сняла рубашку и, откинув одеяло, улеглась рядом.

– Люби меня быстрее десять тысяч раз, – заявила она.

– Но... на это уйдет порядочно времени, – неуверенно пробормотал Борис, скользя взглядом по ее безупречному телу.

– Ты куда-то спешишь?

– Да, в общем, никуда.

– Так в чем дело? Имей в виду, Стойков: таких, как я, больше нет!

– Похоже, что так.

– И чтобы теперь никаких девок! Может, у тебя и сейчас кто-то есть? – Она нависла над ним, пытливо вглядываясь в глаза.

– Никого, – твердо ответил Борис.

– То-то, – сказала Инга, сильной рукой привлекая его к себе, – тебе больше никто не нужен, понял?

– Угу, – задуманно ответил он, уткнувшись носом в ложбинку между полных грудей.

Через два часа, машинально поглаживая глиняную фигурку трясущимися от усталости пальцами, Борис мечтал, когда же Инга уйдет. Расположившись на подиуме с комфортом, она прихлебывала кофе, лениво затягивалась сигаретой и откровенно скучала. Иногда она зевала, не утруждая себя извинениями.

– Все, мой дорогой, хватит, – наконец сказала она, – продолжим завтра. Покажи-ка мне, что ты там наваял.

Борис поднес ей глиняную фигурку.

– У меня что, такая грудь? А соски? Вот, сравни. – Она выгнулась. – Давай, не стесняйся.

– Э-э... понимаешь, художник...

– Про неоднозначный взгляд творца будешь заливать публике и критикам. Исправишь, понял? А сейчас проводи меня.

Пока она одевалась, Борис прошел на кухню, позвонил в «Доллз» и договорился о встрече с Ириной. Только он успел отключиться, как на кухню заглянула Инга.

– С кем ты говорил?

– С заказчиком. Торопит, представляешь?

Отправив Бориса метаться в поисках такси, Инга присела за столик летнего кафе и заказала мороженое с ликером. Как назло, возле Стойкова тормозили «Жигули» или «Москвичи». Справедливо полагая, что Инга поедет только в иномарке, он терпеливо поднимал руку, едва заведя приличную иностранную тачку. Трое молодых людей за соседним столиком, не стесняясь в выражениях, обсуждали последний матч сборной.

– Долго мне еще сидеть в этом хлеву? – брезгливо оглянувшись на них, громко спросила Инга.

– Сейчас, дорогая, одну минуту.

– Не нравится – не сиди, – посоветовал один из парней.

– Тебя не спросили, дебил слюнявый, – подкрашивая губы, сказала Инга, – Стойков, ты что, не слышишь, как меня оскорбляют?

«Только скандала не хватало», – подумал Борис. Парни были явно на взводе, и настроение у них быстро менялось в худшую сторону.

– Слышь, мужик, утихомирь свою подругу. Че она на людей кидается?

– Все нормально, ребята, все нормально – Борис попытался остановить вскочившую на ноги Ингу.

– Я на людей кидаюсь? – Она схватила со стола вазочку и выплеснула недоеденное мороженое в лицо ближайшему парню.

Тот отпрянул назад, опрокидывая стул, и бросился на нее. Борис оттолкнул Ингу в сторону, обернулся и еще успел увидеть летящий в лицо кулак...

По лицу текло что-то мокрое, прохладное. Стойков открыл глаза и увидел над собой лицо Инги. Он лежал на асфальте, а она поливала его минеральной водой. Рядом официант поднимал опрокинутые стулья. Парней и след простыл.

– Ну, очухался? – Инга отставила бутылку в сторону. – Что ты за мужик, с одного удара вырубился!

Борис попытался сесть, ощупал лицо. Бровь была рассечена, по виску текла кровь. На затылке проросла здоровенная шишка.

– На, утрись, – протянула ему бумажную салфетку Инга, – я уже опаздываю, – сказала она, деловито посмотрев на часы, – завтра позвоню.

Только сейчас Борис увидел возле тротуара вишневый «Ауди». Инга села в машину и, прежде чем захлопнуть дверцу, укоризненно посмотрела на него.

– Мне даже машину пришлось самой ловить! Кстати, расплатиться не забудь, – кивнула в она сторону официанта.

– Ликер, мороженое, вазочку разбили, стул поломали... – забубнил тот.

Борис посмотрел вслед отъехавшей иномарке и полез в карман за деньгами.

Рабочий день в «Доллз» уже закончился, но Ирина предупредила охрану, что ждет посетителя, и Бориса проводили в кабинет. Они знали друг друга со школы, но отношения были чисто дружеские. Возможно, если бы они виделись чаще, все было бы по-другому. Борис никогда не смотрел на нее как на женщину, а Ирине, видимо, претил его образ жизни. Она сделала неплохую карьеру в «Доллз инкорпорейтед», и местом консультанта Борис был обязан только ей.

Увидев разбитую бровь, Ирина всплеснула руками.

– Что случилось?

Голос у нее был мягкий, лицо усталое, и Борису вдруг показалось, что они давно женаты и просто обсуждают семейные проблемы. «Как ей удалось сохранить такую фигурку», – подумал он.

– А-а. – Стойков плюхнулся в кресло. – Несчастный случай на производстве. Кофе угостишь?

– Конечно. – Ирина прошла к маленькому столику в углу, сразу потянуло знакомым ароматом. – Сейчас будет. Личный рецепт. Секретарша такие помои варит. – Она махнула рукой. – Ну, так что скажешь?

Борис потрогал бровь и поморщился – ранка покрылась спекшейся корочкой.

– Давай промоем, – предложила Ирина.

– Обойдусь. Значит, так: с точки зрения анатомии у твоих «барби» все прекрасно. Просто не к чему придраться, даже обидно. Стандарт. Ну, интеллект я судить не берусь, хотя, если честно, одна – дура набитая, а другая просто стерва, каких мало. Надеюсь, ты их научишь, как отвечать на конкурсе, чтобы понравиться жюри.

– Жюри обычно нравится нечто другое, – вздохнула Ирина. – Ты меня понимаешь?

– Понимаю, понимаю, – пробурчал он. – В этом смысле тоже все в порядке. По крайней мере, с одной. А, да что там, – разозлился он вдруг, – если надо будет – лягут под любого.

Борис вскочил и пробежался по кабинету.

– С кого вы сняли личностную ментограмму, это же кошмар! Они видят цель и прут напролом, как бульдозер! Где многомерность восприятия мира, где чувственность и тайна? Где, я вас спрашиваю? Меркантильность и похоть...

Тихий смех заставил его остановиться и замолчать. Ирина закрыла лицо руками и, не пытаясь сдерживаться, смеялась от души.

– Извини. – Она вытерла слезинку. – Извини, пожалуйста.

– Не понимаю, что я сказал смешного, – сердито заявил Борис.

– Ну, как же, как же... ой, я не могу. Бедный Стойков... Раньше, бывало, подаришь цветы, стихи считаешь, и женщина твоя, а теперь...

Она отсмеялась, поправила каштановые волосы и стала серьезной.

– Да, дорогой мой, современные женщины узнали себе цену.

– Надо сказать, она несколько завышена, – пробормотал Борис. – А ты? Тоже знаешь свою стоимость?

Ирина погрустнела, подперла кулачком щеку и посмотрела на него.

– Нет, к сожалению. Я – пережиток, мне достаточно цветов. Только не дарит никто.

Инга позвонила на следующий день около двух и заявила, что позировать она сегодня не в настроении, поэтому Стойков может пригласить ее на обед. Не уловив связь, Борис, тем не менее, согласился. Инга предложила модный ресторан, предупредила, что ждать не будет, и повесила трубку.

«Ладно, сегодня отмучаемся, а завтра все, – решил Борис. – Завтра вас, девушки, поведут другие. Не знаю, кто это будет, да и не мои это проблемы. Я свою работу сделал. Ну, почти сделал. Последний штрих – красиво расстаться! Тоже, между прочим, искусство».

Повязывая галстук, он подмигнул себе в зеркало. Опухоль на брови опала, и тонкий шрам был почти не виден.

К ресторану он подъехал загодя. Швейцар, весь в лампадах и позументах, приглашающе приоткрыл дверь, но Борис сказал, что ждет даму, и стал прогуливаться вдоль огромных зеркальных окон. Посетители ресторана угадывались за стеклами дымчатыми силуэтами.

– Борис! Как я рада тебя встретить. Я звонила, звонила, а тебя нет и нет... ах, как я люблю красивые рестораны!

«Пропал, – подумал Борис. – Откуда тебя только принесло, радость моя?»

– Елена! – Он раскинул руки. – Я ждал-ждал твоего звонка и вот решил пообедать.

– Пойдем вместе. Я тоже проголодалась. А здесь есть устрицы? Я обожаю устрицы и шампанское!

– У нас есть все, – провозгласил швейцар, широко распахивая двери и одобрительно кивая. Мол, такую женщину стоило дожидаться.

Нервно улыбаясь, Борис подхватил Елену под локоток, спеша исчезнуть с улицы.

– Стойков, – лязгнувший металлом голос заставил его втянуть голову в плечи, – мне показалось, что мы обедаем вдвоем! Кто это?

– Это? Дорогая, видишь ли...

– Расплатись с водителем, – скомандовала Инга, выбираясь из «Мерседеса», – так кто это?

– Милый, мы будем есть устриц или нет? – воззвала от дверей Елена.

Инга смерила ее презрительным взглядом.

– Я не знаю, где ты собираешься есть устриц, милочка, а мы с Борисом идем обедать.

– Видишь ли, Елена, кхм... – у Стойкова внезапно запершило в горле, – мы должны расстаться.

– Как расстаться? Совсем? Как ты можешь? – На глазах Елены немедленно возникли слезы. – Я отдала тебе все: свое тело, свою душу...

– Про отдачу тела поподробней, пожалуйста, – заинтересовалась Инга.

– ...ты только берешь, ничего не отдавая! Ты подлец и мерзавец! Я дрожала на холоде у тебя в студии...

– Не одна ты, милочка, вертела перед ним голой задницей, – продолжала комментировать Инга.

– А теперь ты уходишь с этой циничной стервой. – Лена простерла руки к небесам. – Господи, за что посылаешь мне муки такие?

Даже закатывая истерику, она не забывала думать, как выглядит со стороны. «Перед зеркалом упражнялась, что ли», – подумал Борис, наблюдая, как она расчетливо потряхивает головкой, заставляя волосы в продуманном порядке рассыпаться на порозовевших щеках.

– Ты что, жениться на ней обещал? – небрежно поинтересовалась Инга.

– Да ничего я не обещал...

– ...обманом завлек меня в свою постель! О-о, теперь я понимаю: через нее прошли сотни женщин, которых ты бросил, надругавшись над самым святым!

– Сотни женщин, – пробормотала Инга, – однако, аппетиты у тебя.

– Да не слушай ты ее!

– Он и тебя бросит, кошелка крашенная, – на секунду выйдя из образа, сказала Лена и, внезапно упав на колени, поползла по асфальту, простирая руки. – Я не могу без тебя, любимый. Я покончу с собой!

Вокруг стал собираться народ. Расписной швейцар подошел поближе, готовясь пресечь скандал. Жалостливая бабка ткнула Бориса клюкой между лопаток:

– Что натворил, засранец! А? Чего молчишь? А если у ней ребенок будет?

Борис затравленно огляделся. Публики все прибывало. Женщины в толпе смотрели явно осуждающе. Мужчины кривились в усмешке.

– Да какой ребенок, что вы, в самом деле, с ума посходили! – отбиваясь от подбиравшейся к нему Лены, оправдывался Борис.

– А если будет ребенок. – Лена стала хватать его за руки. – Наш малыш? Ты выбросишь нас с младенцем на улицу?

– Так ты что, и ее трахал, и меня одновременно? – приподняв бровь, спросила Инга.

– Дамы, дамы, поспокойней. – Швейцар поднял руку. – Что вы...

– Отвали, попугай облезлый, – отрезала Инга.

– Видишь ли, в чем дело... – забормотал Борис. – Не одновременно... как бы тебе объяснить...

– А не надо объяснять, – сказала Инга и, развернувшись, врезала ему сумкой по голове.

Удар металлического замочка пришелся по незажившей брови. Из глаз посыпались искры, Борис потерял равновесие и сел на асфальт.

– Пойдем-ка отсюда, хранитель традиций. – Кто-то поднял его и повел через толпу, придерживая под руку.

В голове шумело, голоса доносились, словно сквозь набитую в уши вату.

– ...извращенец, – с завистью сказал мужской голос.

– ...нет, алиментщика поймали! Обоих обрюхатил, – уверенно возразили ему.

– ...молодец, парень, не растерялся!

Встряхнувшись, Борис посмотрел на провожатого.

– Ух, как она тебя, – приподняла ему голову за подбородок Ирина, – потерпи немного.

– Откуда ты появилась, избавительница?

Он оглянулся. Возле ресторана, вцепившись друг другу в волосы, схватились будущие «мисс Россия» и «мисс Европа». Швейцар, уже без фуражки и с оторванным позументом, призывал охрану.

Вздыхая, Ирина погрузила Бориса в машину, достала из аптечки перекись водорода и, смочив ватку, передала ему. Стойков протер бровь, зашипел от боли и попытался открыть глаз.

– Эх ты, Казанова, – с досадой сказала Ирина, – донжуан недоделанный. – Она взглянула в зеркало заднего вида и открыла дверцу. – Зачем тебе сразу две?

– Случайно встретились.

– Ну, и как тебе современные эмансипированные женщины? Ладно, посиди здесь, мне позвонить надо.

Выйдя из машины, она достала телефон.

– Это я. Все, подбирайте обоих, пока милиция не приехала.

Борис, привалившись головой к стеклу, бездумно смотрел вперед. Ирина уселась за руль, завела двигатель.

– Куда тебя отвезти?

– Не знаю, – промямлил он. – В студию... А если они туда придут?

– Ладно, поехали. Отлежишься у меня, а там видно будет.

Добрались быстро. Консьержка покосилась на гостя с заплывшим глазом, но промолчала. В квартире Ирина подтолкнула его к ванной.

– Иди, умойся.

Борис посмотрел в зеркало. Из-под набрякшего века виднелся глаз в красных прожилках, но кровь идти перестала. Он умылся холодной водой и прошел в комнату. Плюхнувшись на диван, обхватил голову руками.

– Почему я такой идиот, а? Почему у меня все не как у людей? Тридцатник миновал – и ни жены, ни семьи...

– На, выпей, – подала ему бокал с коньяком Ирина и присела рядом.

– Я понимаю, что вы выбрали усредненный тип ментальности, но неужели нынче все бабы такие? Существа, ведомые гормональным хаосом, остановившиеся в процессе эволюции на уровне каменного века! Кого-то ищешь, надеешься, а в итоге убеждаешься, что все одинаковые. С ничтожными вариациями. Все одно и то же: деньги, ревность, истерики... Сплошные инстинкты, единственный, который отсутствует – материнский. Никаких мыслей, кроме как урвать еще, еще! Или сидишь под каблуком, или успевай только бабки отстегивать. Или интеллект ниже плинтуса, или давят своим превосходством... Ну, скажи, Ир, все такие?

Она взъерошила ему волосы, он поднял лицо и прижался к ее ладони подбитым глазом. Ладонь была прохладная, и боль сразу отступила.

– Что тебе сказать... Мне кажется, не все, – усмехнулась она.

– Думаешь? – усомнился Борис.

– Уверена, что не все. Кстати, ты, видно, забыл: и мне – тридцать, и тоже ни мужа, ни семьи. А для женщины тридцать лет, это не то, что для мужчины.

– Ах, оставь... ты вообще не женщина...

– Спасибо. – Он почувствовал, как Ирина сжала коготками его ухо.

– Нет, я не в том смысле, – смешался Борис, – ты добрая, мягкая, понимающая. Ты и друг, и женщина. Где такие водятся, а?

– Совсем близко. – Ирина притянула его голову, и он ощутил ее мягкие, теплые губы.

Они любили друг друга нежно, осторожно, словно боясь обидеть или спугнуть зарождающееся чувство. После близости с Ингой, которая командовала в постели, как сержант на плацу, Борис ощутил себя на тихой глади теплого ласкового моря. И когда мягкая волна накрыла его с головой, он погрузился в нее спокойно и доверчиво.

Наверное, он задремал, потому что почувствовал, как на горле смыкаются холодные скользкие руки. Он знал эти руки, он сам их создал, и вот теперь они душили его. Вытолкнув из пересохшей глотки сдавленный крик, он вырвался из пелены дурмана...

Он лежал один на смятых простынях, в окно светило заходящее солнце. Борис вспомнил, где он, что произошло, и умиротворенно откинулся на подушки. Открылась дверь, и в комнату вошла женщина. Его женщина. Та, которую он так долго искал.

«Она все время была рядом, где были мои глаза, черт возьми», – подумал он.

Женщина была в пушистом купальном халате, она вытирала мокрые волосы и улыбалась. Борис прикрыл глаза и стал наблюдать за ней. Женщина присела перед зеркалом, включила фен. Стойков залюбовался ее плавными движениями, ее грацией и впервые за долгие годы почувствовал себя счастливым.

Ирина быстро наложила косметику, ловко орудуя изящными кисточками и карандашами. Затем она прошла к шкафчику, выбрала одежду и, сняв халат, бросила его на спинку стула. Солнце, отразившись в зеркале, позолотило ее фигуру, выделив на загорелом теле белые полосы.

– Я буду тебя ваять, – не выдержал Борис, – я буду ваять тебя одну всю свою жизнь!

– Ой, – оглянулась Ирина и, прикрывшись руками, спряталась за дверцу шкафчика, – нехорошо подглядывать, – сказала она, поспешно надевая ажурное белье.

– Хорошо, – не согласился Борис, – очень хорошо! Я создам цикл скульптурных портретов. Я назову его просто: «Женщина»!

– Вот так просто: «Женщина»? – улыбнулась она.

– Да!

– Или «Очередная женщина»?

– «Женщина» с тремя восклицательными знаками! Или «Моя Женщина», или «Единственная Женщина». Но женщина – с большой буквы! И я каждый день буду дарить тебе цветы и читать стихи! А куда ты собираешься? – вдруг забеспокоился он.

– Дорогой мой, мне надо и в конторе показаться. Не все гении от природы, кому-то надо и работать.

Борис помолчал. Потом встал и начал одеваться.

– Я с тобой.

– Зачем? – повернулась к нему Ирина.

– Я не могу с тобой расстаться.

– А ты не хочешь устроиться к нам на постоянную работу?

– Если возьмете. Только не консультантом. – Он запрыгал на одной ноге, натягивая брюки. – Может, в этом что-то есть: нормальный рабочий день, фиксированная зарплата.

– А-а, надоела богемная жизнь.

– Ух, как надоела, – подтвердил Борис.

При появлении Ирины из-за столика секретарши поднялась симпатичная девушка.

– Вам звонили из отдела проводки изделий. Просили передать, что все в порядке, дальше изделия поведут по легенде «бизнесмен» и «банкир».

– Хорошо. Сделай кофе. – Ирина открыла дверь, пропуская гостя. – Заходи.

– Какой у тебя удобный диван. – Борис уселся, раскинув руки. – Я только сейчас заметил. Иди ко мне.

– Ты с ума сошел. Секретарша может войти.

– Симпатичная девочка, – небрежно заметил Борис, – тоже «барби»?

– Нет, натуральная.

– Интересное лицо. Необычное и такое свежее.

Ирина промолчала, устранившись за столом.

– Как тебе место начальника дизайнерской группы? – спросила она.

– Пойдет. Может, удастся вложить в ваши «изделия» чуточку человечности.

– Если только с точки зрения анатомии. Матрицу ментальности утвердили на совете директоров, и менять ее никто не будет.

В дверь постучали, вошла секретарша с подносом, расставила на столе чашки и, опустив глаза, вышла из кабинета. Стойков, прищурившись, проводил ее взглядом.

– М-м... кофе неплохой, зря ты на нее жаловалась.

– Она для тебя постаралась, – улыбнулась Ирина. – Не хочешь познакомиться с работой?

– Можно.

– Очень хорошо. Сейчас я вызову кого-нибудь из дизайнеров, они тебе все объяснят.

Генеральный директор «Доллз» привстал при ее появлении.

– Прошу вас, присаживайтесь. Итак, все в порядке?

– Да, с понедельника он приступает к работе, – ответила Ирина, удобно располагаясь в кресле, – надеюсь, вы понимаете, мне нелегко было его уговорить. Творческая личность, полная непредсказуемость поступков. Кажется, мне полагается повышение оклада?

– Видите ли, – помялся директор, – я, конечно, помню нашу договоренность, но финансовые трудности...

– Которые меня не интересуют.

– Ну-у, если только за счет младшего персонала, – нерешительно протянул директор.

– Мне плевать, за чей счет, – сказала Ирина, поднимаясь и направляясь к двери. – И еще: мне нужна новая секретарша. Либо пожилая, либо тусклая серая мышка.

– Позвольте, а эту куда?

Она остановилась у двери, медленно обернулась и, сузив глаза, посмотрела на директора.

– Уволить на хер!

– А формулировка? – опешил генеральный директор.

– Кофе варить не умеет. – Захлопнув дверь, Ирина постояла, кривя губы. – Господи, с кем приходится работать! Одни дебилы кругом.

По дороге домой Ирина слушала, как Борис строит планы дальнейшей жизни, поддакивая и кивая в нужных местах.

«Много ли мужикам надо, – думала она. – Погладить, приласкать иногда. Заглянуть в глаза и сказать: боже, какой ты умный. Все! Лепи из них, ваяй, что пожелаешь! И зачем тебе знать, дорогой, что матрицу ментальности, внедренную в «Ингу» и «Елену», сняли с меня. Сняли, разделили поровну между каждой куклой и пустили их в мир. Живите, девочки, вы стандартные».

Стойков глядел на ее нежное прекрасное лицо и счастливо улыбался.

Ринат Мусин

Русская медведица

У ее соперницы – желто-зеленые глаза. Кроме этих холодных глаз есть еще вытянутая лошадиная морда; черный, гладкий пучок волос на затылке; желтая, изъеденная угрями кожа. Но это не важно, ведь Инна выглядит гораздо хуже. Свои изъяны всегда кажутся более значительными. Но сегодня две женщины вышли на ковер не для того, чтобы хвастаться красотой. Инна скрипнула зубами от негодования. Эта желтозадая Пу Ян хочет отобрать у нее Юру. Наверняка, без сомнения. Этого нельзя допустить, нельзя ни в коем случае. За те мгновения, что остались до схватки, пока маленький пожилой судья не взмахнул рукой, Инна взвинтила себя до черного бешенства. Это никак не отразилось на ее лице, только нижняя губа чуть дрогнула, выпуская из рта глухой, на грани слышимости, звук. Обычный человек, в отличие от спортсмена, не способен понять, чем вызвано его беспокойство, ему кажется, что чуть подрагивает пол под ногами, что откуда-то грозит опасность и возникает неодолимое желание затравленно оглянуться по сторонам.

Китайка еще ниже опустила голову. Краешек ее губ тоже дрогнул, и до Инны донеслось сдавленное звериное дыхание. Ничего женственного и человеческого – в схватке не до этого. Кажется, что не до этого... Маленький человечек махнул рукой перед глазами, и Инна вошла в «бросок». Это был единственный прием, который она знала в совершенстве, и от него не было спасения.

На самом деле опытный, маститый борец пользуется всего лишь тремя или четырьмя приемами. Их он знает до мелочей, и вся схватка иногда есть только поиск подходящей позиции, чтобы провести тот самый, «коронный»... А Инна была мастером. Она знала множество бросков, блоков, приемов и контрприемов, захватов, заломов в стойке или в партере, но лучше всего у нее получался «бросок». Полный ярости и бешенства, неостановимый нажим на соперницу, когда руки опережают мысли, когда на каждое движение противницы есть ответ, атака – только атака, на злобе, на превосходстве в физической силе, на чувстве, что называлось любовью...

Соперница не поддалась. Мало того, она вцепилась в Инну дикой кошкой и отступала только для того, чтобы выбить из равновесия. Инна почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Эта Пу и в самом деле хочет их разлучить! Инне показалось, что пальцы на руках твердеют, превращаясь в когти, а на гладкой коже начинают прорастать твердые жесткие волосы. Медведица внутри ее взревела и усилила нажим. Тигрица внутри китайки не поддалась.

...Инна поздно научилась говорить. Все ее сверстники в детском саду уже запросто болтали, и только она – толстая и некрасивая – мычала, пытаясь отобрать понравившуюся игрушку. За это ее не любили. Родители специально натравливали детей на «уродину», а молодая, неопытная воспитательница как будто ничего не замечала. Самое страшное – это стало привычкой. Жестокость и грубость вошли в маленькое тельце и больше не желали отпускать. Она теперь даже не мычала, а просто подходила и вырывала игрушку из слабых рученок, а когда мальчишки начинали ее бить, давала сдачи, ловко орудуя кулачками. Потом на собственном опыте убедилась, что в одиночку каждый человек слаб. Поэтому бросалась внезапно на любого, кто отбил ее от «стаи». Инна научилась действовать быстро, до того как к истязаемому придет помощь. Она, пользуясь тем, что принадлежит к «слабой» половине человечества, не стеснялась драть волосы, бить в пах и добивать лежащего.

Ее спас школьный психолог, который буквально силой заставил родителей отдать девочку в спортивную школу. Уже после того, как она выбила одному противному пареньку глаз.

Там она увидела Юру. Конечно, вначале это был Юрий Геннадьевич. Сильный, перетянутый борцовским поясом надвое, коротко стриженный, с голубыми пронзительными глазами. Инне пришлось несладко – она была крупной девочкой, и ее поставили вместе с двенадцати-тринадцатилетними подростками. Юная, коротко подстриженная блондинка вцепилась в Инну, как клещ. Инна до сих пор помнила ее руки – неприятные, холодные. И торжествующий взгляд, полный чего-то такого, чего Инна еще не понимала, но – осознавала, чувствовала в груди, в животе. Блондинка, призывно улыбаясь, смотрела на Юрия Геннадьевича, сверкала ровным рядом жемчужных зубов, а толстуха под ее руками вдруг рывкнула – глухо, по-звериному, – и мир начал меняться.

Вначале Инна так припечатала соперницу, что девчонку пришлось откачивать. А потом попробовала посмотреть так же – ласково-маняще, чарующе. Позже она повторила все это перед зеркалом, в одиночку... Тогда она поняла, что похожа на слониху, пытающуюся понаравиться жеребцу. Конечно, Юрий Геннадьевич и сам – мужчина не мелкий... Но улыбка Инны на него впечатления не произвела. Однако смотрел он на «новенькую» с пристальным вниманием. С вниманием, поняла через мгновение Инна, но отнюдь не с любовью.

Откуда в ее маленькой голове взялся этот план – она и сама не понимала. Все было просто до изумления. «Он будет моим, – решила Инна. – Для начала он будет моим тренером. Потом, когда он уже не сможет быть без меня, то станет моим полностью».

Она бросилась в объятия любви страстно, преданно, со всем жаром, на которое только способно юное тело и душа. Мать будила Инну в четыре утра, вдвоем (мужиков в семье не было) они шли подметать улицы (мама подрабатывала дворничихой), а в семь посылала дочь готовить завтрак, потому что в восемь предстояло идти в швейную мастерскую. Инна научилась орудовать лопатой и ломом гораздо раньше, чем многие – писать. Летом ездили к бабке Маше – косить, собирать ягоды, заготавливать дрова на зиму... Инна рано постигла науку настоящей работы. Поэтому каждодневные четырехчасовые тренировки ей не казались тяжелыми. Подъем в четыре, в семь – завтрак, в восемь – школа, в десять сорок пять – школьный обед (Инна всегда недоумевала – как можно что-то не доесть?), с двух до пяти – уроки и ужин, дальше – тренировки.

По воскресеньям она приходила на «открытый ковер» и ломала соперниц. Они были ее «настоящими» соперницами, и Инна не знала жалости. Толстощекая рожа с заплывшими щелями-глазками, «крысиный хвост» на затылке скоро снились в кошмарных снах всем «олимпийским резервисткам» в ее весовой категории.

В двенадцать она уже выступала на республиканском соревновании «Молодой ленинец». Это был ее звездный час. Отобрать Юру хотели все – татарки, молдаванки, грузинки, хохотушки-украинки. Инна ненавидела всех и наслаждалась взглядом тренера, который со все возрастающим интересом смотрел на перспективную ученицу. А на тренировках она замирала в его сильных руках, ловила миг наслаждения в тот момент, когда Юрий Геннадьевич показывал ей очередной бросок или захват. И сопротивлялась до последнего, держа «мостик» в самых невероятных положениях, продлевая миг блаженства, царапалась и била его всерьез, чтобы он еще крепче обхватывал ее, чтобы прижимался к ней всем телом.

Своей невероятной бойцовой интуицией она понимала, что Юра (она стала называть его Юрой, когда сравнялась по весу) теперь ее никуда непустит. Она боролась за него, а он, сам того не зная, за нее. И он не упустил шанс поехать в столицу, еще раз доказать миру, что достоин, несмотря на множественные переломы правой руки...

Сломанные уши Инны давно болтались слоновьими лопухами при каждом шаге, нос был сплюснен, и стриглась она почти наголо. Когда она входила в круг, то ее красные глаза без ресниц вспыхивали, но никто не догадывался, что пылал в них огонь страсти. Так было надо – и уши, и нос, и волосы... Красота – это не важно. Важно, чтобы он оставался рядом с ней. Величайшая любовь в пределах борцовского круга превращалась в величайшую рев-

ность и ненависть. Ее боялись – и правильно! – ради любви Инна была способна на все. Говорят, что любовь и ненависть бродят рядом. Для Инны они слились в одно – ее любовь была ненавистью, ненависть – любовью. Чем отчаянней сопротивлялась соперница, тем сильнее и страшней становилась Инна. Юра часто показывал на ней запрещенные захваты, заломы, приемы на удушие, тычки в глаза, в горло, незаметные удары в болевые точки. Он говорил: «Так делать нельзя», – а она видела, испытывала на себе как «можно», а как – «нужно». Теперь они занимались каждый день, по двенадцать часов в сутки, с восьми утра, боролись «один на один», и большего блаженства Инна не могла себе представить. Она не занималась самолюбованием (на что уж тут любоваться?), как ее немногочисленные спортивные товарищи, не упивалась победами или призами. Ей были нужны эти прикосновения, эти почти смертельные объятия любимого человека, эта грубая, жесткая, отточенная борцовская «ласка», когда учитель уже не боится покалечить собственную ученицу...

В схватке обычно ничего не соображаешь. На задний план уходят зрители, цвета, голоса. Ты даже ничего не видишь. Многие спортсмены даже не знают, какое слово кричит судья перед схваткой. Для Инны это был просто рев, пистолетный выстрел, команда «Фас» для хорошо обученной собаки. Есть только дыхание, за которым надо следить, и мышцы, что напрягаются в невероятных усилиях независимо от тебя. Время исчезает, сливается в точку, но мозг продолжает работать – хотя мысль совершенно не успевает, не поспевает за телом.

«Что-то происходит», – поняла Инна. Конечно, это было не совсем оформленной мыслью. Это вообще не было мыслью, скорее – ощущение, предчувствие. В глазах китаянки (которая, кстати, на самом деле была эмигранткой из Кореи – Инна желала знать о своих соперницах как можно больше) горел желто-зеленый огонь. Инна будто посмотрела в зеркало – и отшатнулась, потеряв сразу два очка.

Они стояли друг напротив друга, вцепившись руками в кимоно, напряженные, распаленные любовью и ненавистью.

– Кто? – вдруг спросила Инна.

Пу Ян резко рванула Инну в сторону, сделала почти полный оборот с соперницей... Инна увидела высокого полного китайца с открытым, мужественным лицом. Его глаза тоже горели...

– У меня будет ребенок, – вдруг сказала китаянка. Инна поняла не слова, а то, как они были сказаны. В схватке вообще сложно что-либо понять...

Судья тут же развел соперниц в стороны. Сначала он сделал предупреждение Инне, потом Пу Ян – за разговоры с соперником. Инна не слушала судью. Она тупо смотрела на живот женщины. Как так произошло – ведь надо пройти столько анализов, медосмотров, куда смотрел тренер? «Это случилось сегодня утром... Или вчера вечером», – вдруг поняла Инна.

Когда они вновь сошлись в схватке, Инна не сопротивлялась. Конечно, она не позволила Пу Ян выиграть вчистую – Инна была сильнее да к тому же тяжелее на три килограмма. Просто победа по очкам – и ни в коем случае нельзя, чтобы Пу Ян слишком сильно напряглась – может быть выкидыш. Китаянка больше не была соперницей – просто женщина, которая любила. Любила другого...

Юрий шел к Инне мрачнее тучи. Он не позволил чувствам выплеснуться наружу прямо здесь, в общей раздевалке. Ему хотелось взять эту тупую бабу за шкуру, вытряхнуть душонку, заорать на весь мир: «Ты что делаешь, сука?»

Инна схватила его за руку, потащила за собой. Он покорно пошел за ней, а перед глазами – лишь красный туман. Каким-то образом они очутились в душевой, в отдель-

ной кабинке. Юрий этого и хотел, хотел остаться с ней наедине, чтобы вправить мозги. Как только щелкнула щеколда, он заорал:

– Ты что делаешь, сука?

Она стояла перед ним и что-то повторяла, а он не слышал, кричал и матерился; а в ушах стоял страшный хруст и приговор врача: его, лучшего борца в стране, определяли на спивание...

Инна прижалась к нему всем телом, дрожащим голосом повторяла, и только когда поток ругани утих, Юра услышал:

– Я люблю тебя... люблю тебя. Я люблю тебя.

Смысл слов не сразу дошел до него. Помнится, Юру предупреждал старый мастер-абхаз, что «эта девка в тебя по уши»... но как можно эту корову, эту фурию, которая каждый час норовит сломать тебя и страшно сопит, в ярости пытаться вырваться из захвата на тренировке...

– Мы станем мужем и женой, – горячечным шепотом продолжала Инна, а пальцы проворно расстегивали, а точнее – просто отрывали пуговицы на рубашке, на брюках.

– Я рожу тебе ребенка, а потом сделаю все, что захочешь. Хочешь, выиграю следующие Игры? Для тебя, для нашего сына... У нас будет сын... Игры – это просто игры. А я – навсегда...

Юра почувствовал, что вся его ненависть вдруг уходит, но не исчезает, а скапливается в груди, а потом в животе, в самом низу. И на свете нет женщины, кроме Инны, к которой он бы был так привязан, так внимателен, так... влюблен? Он вспомнил, что последние годы не был близок ни с одной женщиной – эта неистовая Инна отбирала все силы и желания, постоянно требуя – «еще и еще». Теперь она стояла обнаженная, сильная, зовущая, желающая «еще», но теперь уже не того, чтобы он в тысячный раз отработал с ней прием. Сейчас она была невероятно сексуальной и смотрела на него, но куда-то вниз...

– Повернись, – приказал он, сдирая майку с груди.

Он вошел в нее и больше не стеснялся – чего стесняться, тем более в женской душевой, где минуту назад матерился так, что небесам было горячо? Инна тоже не стеснялась – ведь этого момента она ждала двенадцать лет! Ей не было больно – она привыкла к боли. До сих пор она ни разу не была с мужчиной. Они избегали смотреть на нее как на женщину. Называли – «мужик в юбке». Это было правдой. Плоская грудь, бычья шея, шары мускулов на плечах. Правда, Инна втайне гордилась плоским животом и широкими, мощными, совершенно женскими бедрами. Мужчины никогда не пытались ухаживать за ней. А несколько лет назад она имела неосторожность хорошо врезать одному, который попытался ущипнуть ее за мягкое место, а на теле Инны не было мягких мест. И не было времени на жалость – ни к себе, ни к другим.

Именно так она и мечтала – не на мягкой постели, но в душевой, или, в крайнем случае, – на матах; не нежные прикосновения – но вечный бой; животное желание и неистовое наслаждение. Она умела воплощать свои мечты в жизнь... А Юрий все не мог успокоиться. Он взял Инну сзади, потом повернул к себе лицом и, глядя в восхищенные, наполненные болью и одновременно полные немого обожания глаза, – вошел еще раз. Он хотел ей сделать больно – похоже, ей хотелось того же. В дверь робко постучали – Юрий зарычал и включил воду.

– Я еще не закончил! – закричал он в ярости.

Юрий знал, что адреналин в крови заставляет здорово держать в напряжении пещеристые тела. «Ну и женщина», – восхищенно думал он, весь отдаваясь в водоворот страсти. Он уже не сомневался, что Инна проиграла специально. «Давненько я не испытывал такого стресса», – отстраненно думал Юрий, бешено работая бедрами.

После четвертого раза дверь в душевую решили взламывать. Только тогда влюбленные соблаговолили выйти. Первым вышел Юрий – с гордо поднятой головой, в одних трусах, готовый за свою ученицу и в огонь, и в воду. Следом шла Инна. Она казалась немного смущенной – все-таки это случилось с ней в первый раз. Она медленно подняла голову и встретилась со спокойно-насмешливым взглядом Пу Ян.

На пьедестале, после вручения медалей, китайка буквально выдернула Инну к себе, на первую ступеньку.

– Привыкай, – сказала Пу Ян. – Еще не скоро будешь здесь стоять.

И опять Инна поняла не слова, но интонацию. В ответ она только пожала плечами:

– Будь что будет.

Второе место они списали на беременность Инны. Был страшный нагоняй – но досталось в основном тренеру.

Через четыре года, после родов, двухлетнего перерыва и победы на национальном первенстве Инна вновь вышла на мировой помост. С Юрой они тренировались не только днем, но и ночью...

Говорят, самый страшный зверь на земле – медведица, защищающая медвежонка. После победы Инну еще несколько лет называли «Русской медведицей»...

Ирина Грановская

Солнце на стекле

Туда-сюда-обратно. Туда-сюда-обратно. Теперь вот так, круговыми движениями. Вверх, вниз. Вверх, вниз... Да! А сейчас чуть пожестче, вот тут, ага, вот-вот, вот-вот, еще... Вот так! Как хорошо! Уф, и с этим кончили. Как же вспотела-то... Это ничего, главное – удовлетворить клиента...

Скрученная тряпка летит в сторону торчащего из стены крана. Выплескиваю из ведра грязную жижу на колесо соседней машины и топаю набрать чистой воды. Осталось шесть машин – и домой. Часа на полтора где-то. А не испить ли нам чаю, сказал граф... из термоса да с бутером. Отнюдь, сказала графиня, вот с той «маздулеткой» сейчас вступим в отношения, а потом можно и потрапезничать.

Окатываю тачку из шланга. Да уж, так заляпать машину надобно постараться. Грязюка пышная, набухшая, струится чувственно. В попсовых клипах голенастые певички в такой поваляться любят. Ох, я бы тоже поизвивалась по грязи в тоненькой мужской сорочке. Кабы фактура подходящая была... Стоп! Я самая обаятельная и привлекательная. Правильно? Итак, тряпочку изящно так в ручку и верх, вниз, туда-сюда-обратно... Во-от, во-от... А тачка того слонопотама надутого, с бородищей. Хоть бы раз чаевые дал, барабас недоделанный, а у самого ботинки как две мои месячные... м-да... через два дня должны, дай бог, начаться... Вот вечно у девчонок так: сначала «придет – не придет», потом «придут – не придут». Так, не отвлекаемся на прозу жизни. Я самая... Обкатим еще разок. Во, гряззища потекла! Ну, поехали, поступательными движениями...

Черт! Если уж заколка слетит, то в самое дерьмо. Такой процесс обломался в зародыше. Ну вот кто бы объяснил, где логика: ручками своими нежными без перчаток грязь с тачек смываю, химией всякой натираю, и нормально. А из лужицы собственную заколочку любимую достать – двумя пальчиками, по-чистоплюйски.

Топаю к крану, тщательно вычищаю грязюку, забившуюся в пластмассовый орнамент. Вещица простенькая, но дорога как память. Витечка ведь как нежно, бывало, по волосам мне щеткой проведет, заколку на них защелкнет, затем пальцы мне под одежду запустит и все курлычет что-то. Ласковый был. Сплыл. И вот единственная память. Впрочем, через пару дней посмотрим, единственная ли. Бляха муха, заткнись, Светка, не каркай! Стой и заколку, Витечкин презентик двухкопеечный, лобызай.

Злюсь на себя, как обычно. Все у меня через анус, двуликий причем. Как ни изгаляйся, с какой стороны к ситуации ни подползай, четко влезаешь в отверстие. И сидишь там, ожидая, что боковые стенки рассосутся. И веришь, что с понедельника... И когда-нибудь эта хайтековская высотка, в гараже которой по шесть часов на дню намываешь чужие тачки, распахнет для тебя двери роскошного кабинета с мягким кожаным креслом и тончайшим плазменным монитором на массивном столе. Ладно, еще два года учебы, и тогда... Тогда диплом, а затем какой-нибудь пыльный угол в этой высотке или другой. И еще лет через пять какая-нибудь студенточка будет драить мое ржавое авто.

Эй, настроение, куда подевалось? Сейчас устраиваем «маздулине» финальный душ Шарко по самые подошвы, затем сеанс эротического контакта под экзотический аромат полироли.

Заканчиваю уже поливать и тут вижу, из-под заднего колеса блеснуло что-то. Наклонилась, ковырнула. Колечко беленькое, крохотное, все в грязюке. Обтерла его. Камушек тоже беленький, овальный, с маленьким солнышком внутри. Вроде бы такой лунным камнем называют... Милое колечко. Вряд ли оно принадлежит барабасу. Да если бы и принад-

лежало. Он мне на чаевых задолжал, как земля колхозу. Сую колечко в карман джинсов, хватаю полироль и летящей походкой направляюсь к тачке.

И вот уже мы с барабасовым «маздюком» близки к апогею, к тому наивысшему пику удовлетворения, что разорвется фейерверком на губах: ос-та-лось-пять, ва-шу-мать! И тут слышу, меня зовут.

– Светка, кончай ишачить! – это Серега орет с соседней площадки. Там у них парковка побольше и двое работничков. Плюс парковщик. Я в своем закуте одна: сама танцую и пою, сама билеты продаю. У меня машины бухгалтерии и хозчасти. Их всех там на работу берут после троекратного прохождения теста на экстремальное жмотство. Большею частью мымыры в возрасте между «как вы замечательно выглядите» и «вы так хорошо сохранились».

– Че такое, Сереж? – ору.

– Завязывай с работой, подгребай. У Витька днюха. Айда, прими соточку с джентльменами!

При звуке имени я вздрагиваю: кругом одни Витьки. Никакого воображения у предшествующего поколения: ни тебе Артамонов, ни Пантелеев с Емельянами. А именинник-то – парковщик, невысокий парнишка, хохмач, на ходу плетет совершенно фантастические байки, звучащие, однако, абсолютно достоверно. Его вроде за что-то выперли с четвертого курса литературного прямиком в мушкетерскую роту. Интересно, подал ли он уже прошение о переводе из парковщиков в заместители главного редактора «Литературки» или будет доучиваться...

– Иду, пять сек! – кричу. Быстренько прохожусь марлевой тряпицей по стеклам, закрываю «Мазду». Миздец, дорогая, я ушла.

Ребята расположились в «кабинете» парковщика – каморке, размеры которой и у Анжелины Джоли вызвали бы навязчивые мысли о диете. Выдохнув, я втиснулась в бездверный проем. Именинник вдохновенно развешивал лапшу на ушах присутствующих. Серега и его напарник с непарным именем Один (наверно, у его мамы при родах крышу конкретно перекособенило) завороченно внимали. Меня втянуло с полпредложения, хоть и вещал Виктор что-то «за политику». Почувствовала, превращаюсь в слуховой аппарат.

– ...вот бабки по аптекам и обсуждают статейку этого полоумного астролога, дескать, вызвездилось Сергиевскому предопределение свыше: стать таким гарантом стабильности на Руси. Вроде, пока он у руля, никаких потрясений не будет. – Витек импровизировал на тему шумихи в прессе вокруг имени силового министра.

– Ну он прям современный Распутин, – подал голос Один.

– Распутин, два – Путин. История щедра на параллельности. Впрочем, и на перпендикулярности тоже.

Тут именинник прервался:

– Привет, Светлана, присаживайся. Ты там у себя закончила?

– Нет, еще пять тачек осталось. Так что я по-быстрому поздравить сюда и обратно пахать. Хотя они чистые, там можно лишь полироль.

– Полироль – когда ты в одной пьесе и Лаэрт и Гамлет. Давай Сереге ключи. Он тачки по одной подгонит, и мы сможем вблизи понаблюдать твои эротические полироли.

Я смутилась. Как-то не приходило в голову, что мои попытки разнообразить рабочий процесс привлекли внимание окружающих. Я выложила на стол оставшиеся ключи, Серега сгреб их в карман и вышел. Пока его не было, я, напрягая воображение на всю катушку, постаралась наворотить на столе праздничное изобилие из хлеба, зелени, колбасной нарезки и банки шпрот.

Потом мы пили теплую водку, слушали Витькины истории, эротично полировали машины и хохотали, хохотали. И снова пили, и снова хохотали.

Проснулась я у Витьки. Никакой амнезии, конечно. И никакого сожаления. Витька лежал рядом и улыбался. До чего все просто.

Вместе с ним улыбалось мне во весь рот нарисованное на оконном стекле солнце.

– Оно ко мне ночевать приходит, – шепнул Витька. – А если день ненастный, то здесь торчит, дождь пережидает.

Когда уходила, он спросил, нет ли у меня желания заглянуть вечером еще на одну чашечку чая. И если желание таки есть, то я могу взять ключ и сама этот чай вечерком заварить. Поскольку у меня сегодня учебный день до двух, а сам он на работе до шести.

Ключ я взяла. Не раздумывая. Взаимно-ласкательно-проникательные сюжеты завершившейся ночи, даже sprysnutые растворчиком из алкогольных паров и пролетарской усталости, сами напрашивались на повтор. Я бы согласилась и на безотлагательный. Но не вовремя пробудившийся долг шептал про необходимость скорее бежать домой, освежать фасад, начищать зубы и отправиться грызть научный гранит, а с ним и прочие минералы и шлаки.

На улице начинался один из тех противных унылых октябрьских дней, когда мир отображается в монохромном режиме. Жизнь в оттенках серого. В мыслях, однако, царил полный полихромный раздрай. Или я на пороге новой сердечной привязанности, или это... вот, всплыло словечко из школьного курса химии: ингибитор. Точно, ингибитор, замедляющий реакцию выпадения в осадок по причине заброшенности и никчемности. Ну, поживем – увидим. Сердечной привязанности пока, кажись, не вспыхнуло. Но душевный комфорт с биркой в виде ключика от каморки папы Ка... тьфу, и насыщенное телесное удовлетворение определенно присутствовали.

На остановке толпился народ, желающий как можно скорее слиться в едином трудовом порыве со своими офисными стульями. Рабочий базис, как у баб, так и у мужиков, в большинстве своем выглядел внушительно. Эх, помнут меня в транспорте.

Я полезла в карман джинсов за проездным билетом и зацепила мизинцем найденное вчера колечко. А ничего, симпатичное. Буду носить, решила, и надела на палец.

Серость утра стала как бы еще рельефнее. Видимо, там, на немыслимой высоте, солнце зашло за какую-то туманность... Или туманность – это много солнц... Какая разница! Важно лишь то, что сейчас мне предстоит дохнуть мучительной смертью в переполненном автобусе, среди граждан, отрывающих полновесный утренний котлетно-сосисочный завтрак. В воспоминаниях заизвивались в грязи модельные девчонки. Уж они-то наверняка не помнят, что такое автобусная давка. Только, поди, из дома выйдут, а там уже колонна поклонников на крутых тачках. Разрешите вас подвезти, разрешите вас подвезти... все безнадежно влюбленные. Эх, мне б такую жизнь!

– Разрешите вас подвезти. – Мужчина в «БМВ» выглядел как подарок судьбы, причем по моему спецзаказу. Только вот цвет лица, да и рук, какой-то... гм... землистый, как у вампиров мультяшных. Может, ну его к черту?

– Извините, я на автобусе. Не хочу вас затруднять.

– Я к оперному еду. Если вам по пути, то никаких затруднений.

Подумать только, мне ж от оперного театра дворами до дома ближе, чем от автобусной остановки. Ладно, с судьбой не поспоришь. Едем.

Красавчик представился Евгением. Сказал, что работает в оперном, дудит в оркестре. Предложил довести до подъезда, но я отказалась. Номер мобильника тоже зажала. Но визитку у него взяла и пообещала позвонить «как можно скорее»... До дома дошла, борясь с состоянием легкой ошалелости. С какого перепугу на меня запал еще и этот писанный красавчик? Главное, избежать скоропалительных молочно-кисельных выводов. Ибо я не моделька, переползающая грязную лужу в мужской сорочке. А как хочется быть супер-

пупер-красоткой! Стоп! Плакательные темы под запретом. Быстро умываться, одеваться и в альму ее матер шагом бег! Ох, ворона, опять забыла лампочку в ванную купить. Ничего, бум лицо искать на ощупь. Нам нет преград ни в море, ни на суше. Да и вообще сегодня мир какой-то не такой. Пробуждение опять же получилось восхитительным, почти как засыпание. Что-то в теле такая приятная легкость образовалась...

Кромешной тьмы в ванной нет: тусклый свет протискивается из кухни, сквозь маленькое окошечко в стене. И вот намыливаю я лицо, смываю водицу и встречаюсь глазами с зеркальным отражением. Ой, мама! На меня смотрит красавица! Ну не прям Джоли, но... И черты мои, конкретно, но не я. Поднимаю руку к лицу – то же делает и красотка в зеркале... Этого, конечно, не может быть, поскольку чудес не бывает. Я никогда не верила во всякую сказочно-паранормальную муть, даже в Дедушку Мороза, которым папа наряжался, чтобы вручить мне, детсадовке, новогодний подарок.

Рвусь в комнату под нормальное освещение. Дополнительно врубаю весь свет, какой есть, и к зеркалу. Эффект сногшибательный. Я вроде все та же, но почему-то хороша необыкновенно. Здравсти, доктор Кашенко, у вас бесплатные палаты на сколько мест? Или это эффект от ночного сумасшедшего секса с Витечкой? Да, такая версия приятней. Но первая достоверней.

Ох, зеркало! Свет мой, зеркальце, скажи Светке... или молчи, хватит мракобесия, я и так все вижу! Как же зазуделось надеть что-то яркое, вызывающе тугое. Платье. У меня где-то в шкафу второй год приманкой для моли висит отпадное платье малахитового цвета. Мини-мини: туземная юбочка с отложным воротничком. Распахиваю шкаф...

И, наконец, понимаю, что же все-таки не так. Вся одежда в шкафу в серой гамме. Обвожу комнату глазами – полный монохром. Это что же с глазами случилось? Мой мир превратился в черно-белое кино. И как раз в тот момент, когда, казалось, удача нашла меня. Значит, к альминой матери институт, надо нестись к окулисту.

Быстро натягиваю джинсы. Эти тугие, почти новые, на пуговках. Черт, ломаю ноготь. Как все не вовремя! Выдергиваю из ящика стола пилку и собираюсь поправить обломанный край. Упс! В камушке моего нового колечка переливается желтое солнышко. Значит, желтый я вижу. Но обои же на стенах желтые, как канарейка Боткина, а сейчас абсолютно серые. Как я раньше не замечала. А может... Рву с пальца кольцо, и мир вспыхивает приглушенными красками осеннего утра. С ума сойти! Ой, блин, уже девять часов! Ладно, разбираться и удивляться на потом, тем более что на полулюкс в психушке я уже подписалась. Теперь надо живо натягивать-таки зеленое платье и бежать в институт, услаждать взгляды окружающих, пока крыша моя на место не встала. Отыскиваю в шкафу кусочек материи-стрейч малахитового цвета, и мухой к зеркалу. На меня смотрит та же самая Светка, что вчера репетировала полирольные оргазмы вокруг чужих тачек. Так вот оно что! Значит, у меня выбор: голубое небо и зеленая травка по весне, то бишь через полгода, или сногшибательная внешность в монохромном режиме. Тут и думать, ребяташки, нечего. А интересно, как же другие меня видят?

Втискиваю в зеленое платье свою угловатую фигурку, наношу на тусклое личико подходящий макияж, вдеваю сережки с малахитом. И, следом, на палец драгоценное колечко. Мир в один миг теряет цвета, но девушка в зеркале так преображается, что у меня в зобу дыхание спирает. Сую в сумку тетрадку и ручку, накидываю курточку. Выворачиваю карманы джинсов. Кидаю в сумку проездной. Следом летит Витькин ключ. Ну, с богом.

По дороге в институт я то и дело ловила на себе восхищенные взгляды. Ощущение было новым, опьяняющим. Я, плюнув на время, выскочила из автобуса за пару остановок до института, чтобы продефилировать по центральной улице. Витрины магазинов отражали мою стройную фигуру, летящую походку... Эх, кабы мне вместо потертой куцей кожанки

шикарный длинный-предлинный плащ. Не застегивать его, чтобы полы стелились по ветру. Образ Светланы Прекрасной в плаще заволок глаза, и я с размаху впечаталась в кого-то. Моментально прозрев, я обнаружила, что налетела на девчонку лет семнадцати, собиравшуюся сесть в машину. С ней-то ничего не случилось, а вот пакет ее из пафосной лавки шмякнулся прямо в тучное октябрьское месиво у бровки тротуара. Содержимое пакета уткнулось в придорожную грязь.

– Курица безмозглая, – завопила девчонка, – обкурилась, что ли, дурында? На людей бросаешься.

– Извините...

– Что «извините»? Ты знаешь, сколько этот плащ стоит? Да откуда тебе знать, плебейка облезлая! Ты таких цен и вообразить своей тупой башкой не в состоянии!

Я было оторопела на какую-то долю секунды, но тут же спохватилась и собралась выдать этой заносчивой мартышке все, что я о ней думаю. Но в этот момент сбоку раздался голос:

– Оля, немедленно извинись перед девушкой. Что ты себе позволяешь и на каком основании?

Я повернула голову. Ох, мать моя! На меня смотрел тот замусоленный прессой до проплешин Сергиевский, мистер-министер.

– Пап, ты что, не видишь? Мой новый плащ... из-за нее. Я что, должна вежливо с кретинской улыбкой пропищать, что ничего не случилось?

– Иди в машину, Оля. Подними пакет и садись. Девушка, извините мою дочь.

– Ничего страшного. – От неожиданности я сразу успокоилась и даже как-то зауважала Сергиевского, так легко купировавшего глупую бабскую разборку. Ольга приподняла пакет и бросила мне под ноги.

– Пусть она забирает. В компенсацию за оскорбленное плебейское достоинство! – Ольга уселась на заднее сиденье машины и захлопнула дверь.

– Еще раз извините. – Сергиевский выглядел действительно расстроенным. – Может, вас подвезти?

– Нет, спасибо. Мне в политехнический, это рукой подать... – Если он так же виртуозно умеет гасить и прочие конфликты, то причины карьерного роста очевидны. Газетчиков бы еще приручил.

Сергиевский попрощался, сел в машину и укатил. Я нагнулась и подняла пакет. Отойдя в сторону, вынула плащик. Подкладка немного намокла, но с внешней стороны он был просто изумителен. Я сняла куртку, сунула в пакет, затем надела плащ. И ощутила себя на миллион баксов. Витрина ближайшего гастронома просто взвизгнула от восторга. И тут я вспомнила, что пожелала плащ. А до этого пожелала стать красавицей. А до этого – подвозку. Получается, я могу загадывать желания, а кольцо их исполнит? Ну-ка, я хочу... вон за тем углом кошелек, набитый баксами. Кошелек, даже пустого, не оказалось. Может, надо что-то более реальное? Хочу... чтобы кто-нибудь еще подвезти предложил. Это обкатанный вариант.

Никто не кинулся меня подвозить. Кольцо действовало более замысловато, фильтруя желания сообразно своим понятиям о справедливости. И я отправилась в институт.

Дальше было несколько шоколадно-мармеладных часов, когда я ежесекундно ощущала обжигающие лицо и шею, плавящие ткань платья мужские и завистливо-испепеляющие женские взгляды. Ладно, пусть любят, не убудет. Лишь бы этим ограничилось. Студентки-заочники, такие же, как я, джентльмены неудачи. А мне бы так хотелось настоящего, сильного, властного и по уши влюбленного. Так хотелось...

Консультации закончились, и я выплыла на институтское крыльцо. В сумке замурлыкал мобильник: кот в мешке, скрытый номер. Ладно, ответим.

– Светлана Вениаминовна? – Ну надо же, какой официоз! А голос приятный и смутно знакомый.

– Да, – отвечаю в тон, – чем могу быть полезна?

Уж если играть в светский салон, то со всей душой.

– Мы с вами сегодня встречались уже. Это Анатолий Сергиевский.

– Ой! – Сердце упало в пятку и учащенно в ней заколотилось, расшатывая каблук. – Вы, наверно, по поводу плаща? Куда мне его принести?

– Плаща? Простите... какого... А, плаща... Ну что вы! Мне очень неловко из-за выходки моей дочери, и я хотел еще раз принести вам свои извинения. Позвольте пригласить вас на обед?

Вот это поворотик. А что? Кто не рискует, тот считает деньги, не отходя от кассы. И вылетает на пенсию прямо в гроб, так и не испив шампанского.

– С удовольствием, – говорю, лихорадочно, но безуспешно пытаюсь вспомнить его отчество. И что вообще он в нашем городе делает? Приехал деточке плащик прикупить? Или, от ока желтой прессы подуставши, затихарился в провинции? Как там... компьютер мне, компьютер!

– Благодарю, – отвечает. С ума сойти от такой галантности! – Вы мне адрес не продиктуете? Я за вами заеду, скажем, в пять.

– А к моему номеру мобильного разве адрес не прилагался? – отвечаю, изображая искреннее удивление, а сама фигею от собственной наглости – министр все же.

– Ну, хорошо, в пять я подъеду. До встречи. – И Сергиевский отсоединился.

Ох, ребята-демократы, как гласит закон Мерфи: «Все, что есть хорошего в жизни, либо незаконно, либо аморально, либо ведет к ожирению». Поворачиваю обратно в институт, несусь в библиотеку, падаю за ближайший свободный комп и через секунду читаю Википедию. Ага, вот он, Сергиевский, Павлович, значит. О как! Родился он здесь. К мамочке прикатил, пирожков домашних потрескать. Вдовец... интересненько. А ведь чувак-то неординарный и собой привлекательный. Правда, дочь – полное чмо. Так... учился... работал... все это фигня... ага, занимает пост... ну это мы в курсе. И каждая желтая газетенка о нем сочинения пишет, и каждый хрен с горы называет себя его личным звездочетом, раздавая автографы и интервью. И каждая безмозглая моделька многозначительно закатывает глазки при звуке его имени...

Упс... А в чем же мне пойти-то? Это вот платьице для леди слишком лядское. Денег на обнóвы я пока в моем Эльдорадо не намыла... Ой, а как же чай для Витечки? Ладно, разберемся в рабочем порядке. Тут такие чудеса...

Добравшись до дома, я сняла свое расчудесное кольцо и нырнула в шифоньер. Через некоторое время поздравила себя с уловом: черная юбочка и белая блузка. Неувядаемая классика. Если это все погладить...

Ровно в пять я вышла к подъезду, и тут же подкатил Сергиевский. Надо же, пунктуальный дядька. Хотя в их деле иначе нельзя. Мистер-министер привез меня в крохотный ресторанчик на выезде из города. Очень милый. Впрочем, с ресторанной жизнью нашего города я была не то что на «вы», а вообще не пересекалась. Других посетителей не оказалось, что меня не удивило. После всех событий этого дня способность удивляться у меня, кажется, атрофировалась.

Сергиевский оказался собеседником милым, остроумным и редкостным обаяшкой. Я, как могла, пыталась соответствовать. Поначалу ощущала себя сообразно Олечкиной табели о рангах, но постепенно успокоилась. Да и вино, какое-то особенное, обволокло мозги мерцающей органзой полуреальности. Через некоторое время мы выпили на брудершафт. Анатолий рассказал, что действительно родом отсюда, что привез Ольгу к бабушке, не желающей переезжать к ним, и что пробудет в городе еще три дня. Я слушала его вполуха, а сама

крутила в голове миг послебрудершафтного поцелуя, разбирая его на наносекунды. Поцелуй вышел чуть длиннее и чуть чувственнее обычного, формального. Взгляд упал на колечко, игравшее на безымянном пальце правой руки желтым солнышком. В порыве сумасшедшей благодарности я обхватила левой рукой кулачок правой, поднесла его к губам и поцеловала колечко.

– Света, что такое? – Сергиевский смотрел удивленно. – Неужели нахлынуло чувство вины перед поклонником, подарившим кольцо?

Я рассмеялась:

– Ну что ты, это просто... талисман. Мне очень хорошо, вот я и мысленно режу жертвенных агнцев своему божку.

Анатолий взял мою руку в свои.

– На такие пальчики надо надевать настоящие камни. – И он потянул с пальца кольцо. Я с ужасом отдернула руку. Если он увидит меня такой, какая я на самом деле! Ни-за-что!

Мы посидели еще совсем немного. Он отвез меня домой, поднялся проводить до двери, потом до моего старенького скрипучего дивана.

Мы лежали рядом, усталые и, казалось, насытившиеся друг другом до полного удовлетворения.

– Это так ты меня провожаешь от машины и до утра? – шепнула я ему, проводя ладошкой от груди, покрытой мягкими чуть курчавыми волосками, ниже. Туда, где волоски становились все гуще, но податливей от чуть липкой влаги наших тел, обильно напитавшей кожу его живота. Толя накрыл мою руку своей мягкой ладонью и подвинул ее чуть ниже. Горячий шелк влажной кожи еле заметно пульсировал. Почувствовав, как ритм передается мне, поглощая без остатка и тело, и дыхание, и мысли, я обхватила пальцами твердеющую под ладошкой плоть и прижалась к Толе алчной пылающей кожей.

– А теперь твоя очередь провожать меня. С этого утра и до понедельника, – тихо ответил он, слегка приподнимая меня за талию сильными руками и медленно опуская на себя.

Мягкие, насквозь мокрые простыни валялись на полу. Свесившись с дивана, я пыталась обнаружить среди них мобильник и выяснить, который час. Какое счастье! Пусть на три дня! Только вот, черт, месячные должны... неет, только не сегодня, не завтра. Плевать, разберусь потом. Это же раз в жизни бывает такое счастье... Все к черту. Но...

– Толя, а как же работа? Мне ведь на работу скоро бежать...

– Давай договорюсь про отпуск, вряд ли мне откажут. – Он не рисовался, не бахвалился, такой простой, доступный и желанный.

– Давай, – согласилась я.

Пока он плескался в душе, вкрутив в ванной лампочку из торшера (как сама-то не дотумкала!), я сняла на минутку кольцо, облачилась в стандартный джинсово-фуфачный прикид и подкрасилась. Когда он вышел, варила кофе на кухне. Двух одинаковых чашек у меня не было. Я, извинившись, что непредусмотрительно сдала саксонский фарфор в химчистку, налила кофе в стаканы с подстаканниками. Подстаканники один мой знакомый с дневного отделения института спер, когда работал проводником во время летних каникул, и подарил мне. Видать, дома для них уже не оставалось места.

Толя куда-то позвонил, кому-то поручил оформить мне отпуск и доложить об исполнении. Ну вот, у чеховского героя были Анна в петлице и Анна на шее, а у меня один кудесник на пальце, другой в постели.

Выходя из дома, Толя спросил, может ли он сделать мне подарок. Я поинтересовалась для порядка, какой, но ответа не получила.

Мы приехали в загородный дом отдыха, где сняли отдельный коттедж. Наверное, закрытое заведение для власть имущих. Я-то ведь наивно полагала, что судороги комму-

нистического режима смяли и эту инфраструктуру. А она, похоже, лишь сменила хозяев и набрала класс.

Толина идея приехать сюда действительно великолепна. Мы плаваем в бассейне, греемся в сауне, гуляем по лесу... И занимаемся сексом. Нет, наверно, любовью. Я полностью растворяюсь в нем, шепчу какие-то ласковые глупости, схожу с ума и не пытаюсь остановиться. Потому что хочу сходиться с ума. Он называет меня ласковыми именами, и каждый раз мое сердце переходит на синкопированный ритм. Я счастлива, я счастлива, я бесконечно счастлива!

Поздним вечером мы, насытившиеся друг другом, сидим, укрывшись теплым пледом, на плетеном диванчике, на веранде. Толя, показывая на усыпанное звездами небо, произносит еле слышно:

– Если присмотреться, звезды разного цвета. Видишь, Свет?

– Да, милый, – отвечаю. Ни черта я не вижу, но так ли это важно? Я готова поменять все краски мира за счастье быть с тобой, моя любовь.

Иногда я украдкой подсматриваю цвета, чтобы быть «в теме». Машина у него бежевая, свитер синий... Интересно, какие у него глаза? Смогу ли я их увидеть когда-нибудь?

Наутро позвонил Витя. Я как раз была одна в комнате: повезло, как уж заведено. Витя спросил, что со мной, почему не появляюсь на работе. Про нашу совместную ночь ни гугу. Мне как-то даже легче стало. Ну и ляпнула ему, мол, встретила человека, влюбилась взаимно, наверно, уеду. Витька пожелал счастья и повесил трубку. Все-таки легко с ним. И тогда было легко, и сейчас.

Часы бегут быстрее, чем мне бы хотелось. Часы, наполненные тихой радостью. Иногда Толя садится на диван, кладет на колени лэптоп и углубляется в работу. Ненадолго, каждый раз минут на двадцать. Я приношу ему из кухоньки чай с мятой и сворачиваюсь рядышком на диване. Затылком прижимаюсь к его бедру. Наслаждаюсь счастьем и мечтаю, мечтаю. Мечтаю о нашем будущем. Об Ольге стараюсь не думать. Как-нибудь поладим.

Толя закрывает крышку лэптопа, поднимается. Я вскакиваю, смотрю ему в глаза, запускаю пальцы под свитер, и мой монохромный мир взрывается бешеным водопадом счастья.

В город возвращаемся в воскресенье, после обеда. Короткий день уже угасает. Подъезжаем к моему подъезду. Толя поднимается вместе со мной. Я достаю ключ и вдруг обнаруживаю, что дверь другая. Толя улыбается и говорит:

– Я попросил заменить дверь, поскольку внутри мой подарок. Хотелось защитить его от любых случайностей.

Он подает мне ключ, странный какой-то, похожий на автомобильный, без привычной боковой борозды:

– Держи, малышка. А вот еще его братья. Один поживет у меня с твоего разрешения.

Колечко с четырьмя дополнительными ключами ложится в мою ладонь. Я открываю дверь, захожу в квартиру. На месте моего старого дивана стоит огромная современная кровать, трехспальный траходром.

– Ну вот, чтобы впредь нам с тобой ничто тут злобно не скрипело. Я ведь буду приезжать к своей малышке. А теперь давай, надень то зеленое платье, в котором я тебя впервые увидел. Поужинаем где-нибудь. И мне надо к матери ехать, все же нехорошо: сын в гости напросился и пропал. Быстро же у нас с тобой время пробежало. Ну да ладно, постараюсь вырваться в ноябре на денек-другой.

Он говорит что-то еще. Я перестаю различать слова, механически переодеваюсь, накидываю свою куцую кожанку, цепляю сумку и иду к выходу. Он купил мне кровать! Я же мечтала, я же думала, я все цвета мира хотела... а он мне – траходром.

На улице совсем темно. Меня начинают душить слезы, но я держусь. Только глазам больно-больно. Мой черно-белый мир расплывается тушью по бумаге. Толя обнимает меня сзади за плечи.

– Ну что ты, Свет, все хорошо. Я буду позванивать и приеду, как только обстоятельства позволят.

Боже, он не понимает. Он купил мне кровать, и теперь будет позванивать с закрытого телефонного номера. Мы едем куда-то, разумеется, опять в закрытое место, где газетчики не застукают его со мной. Я больше не могу. Тяну с пальца кольцо.

– Анатолий Павлович, остановите, пожалуйста...

Он смотрит на меня с нескрываемым удивлением, останавливается. Я выскакиваю из машины и бегу. И плачу. Яркая неоновая реклама, преломляясь в каплях слез, слепит меня нестерпимым разноцветьем. Где же кольцо? А, вот, зажато в кулаке. Я надеваю кольцо, и цвета умирают. Сворачиваю в боковую улочку, бегу через темный сквер, не думая, где нахожусь. Мне просто плохо.

– Эй, матрешка, ты не меня ищешь? – Хозяин голоса хватается меня за ворот куртки сзади. Я пытаюсь выскользнуть из куртки, но оказываюсь нос к носу со вторым.

– Смотри-ка ты, красоточка какая. Что ревешь? Клиент не доплатил? Так и мы платить не будем, но приласкаем от души.

Первый за воротник подтаскивает меня к скамье и валит на нее. Ну, кольцо, ну пожалуйста, научи меня каким-нибудь единоборствам! Понимаю, что бесполезно: кольцо не выполняет просьб, только желания, идущие от сердца. Красоточку хотят, грязные скоты! Я стаскиваю кольцо с пальца и роняю на землю.

Второй тянет с меня колготки и трусики. Я чувствую на лице его учащенное чесночно-водочное дыхание. Горло перехватывают спазмы, еще немного, и меня вырвет. Шершавая мозолистая ручища царапает чувствительную кожу вниз, помогая его липкой вялой плоти преодолеть сопротивление отторгающего ее тела. Я чувствую, как грязь телесная, соединяясь с лавой обиды и боли, испепеляющей душу, гейзерными толчками заполняет мое существо. Приступ кашля содрогает тело, и мозолистая ладонь грубо зажимает мне рот. Частое смрадное дыхание, хлещущее в лицо, прерывается наконец удовлетворенным мычанием. Мужик отодвигается и вдруг разражается руганью:

– Тьфу! У сучки течка! Не могла, шлюха, сразу сказать?

Первый смотрит мне в лицо.

– Эй, Чика, ты ее красоткой назвал? Ты посмотри на ее вывеску! Да она доплачивать должна за то, что ты ей впендюрил! Сучка!

Я получаю сильный удар ногой в бок. Чика изучает содержимое моей сумки. Выдернув из кошелька деньги, бросает сумку на землю. Они уходят.

Кое-как привожу себя в порядок. Надо все же определиться, где я. Выхожу на освещенный проспект. Вон автобусная остановка. Роюсь в сумке: ни денег, ни проездного. Наверно, проездной выпал, когда Чика искал кошелек. Возвращаться туда я не буду ни за что.

И тут вспоминаю: это ж Витькина остановка, я отсюда домой ехала. Разворачиваюсь и бегу искать его дом. Ага, вот он. Влетаю в подъезд, несусь на четвертый этаж, не дожидаясь лифта. Еще не знаю, что я скажу Витьке. Что-то скажу. Лишь бы посочувствовал, пожалел, понял. Лишь бы все снова стало просто. Трезвоню в квартиру, никого.

Я роюсь в сумке, нахожу ключ, отпираю замок. Витьку где-то носит. Нарисованное на стекле солнце приветливо улыбается, и мне вдруг становится лучше. Иду в душ, мокну под горячими струями, ощущая, как постепенно смывается боль с души и тела. Потом выбираю в шкафу голубоватую мужскую рубашку – идеальную, чтобы валяться в грязи. Завариваю чай и сажусь ждать Виктора.

Поворот ключа в замке заставил сердце забиться учащенно. Дверь открылась, и я услышала Витькин голос:

– Ну вот, Светик, сбылась мечта идиота: ты в моем жилище.

Я задохнулась от счастья. И тут услышала другой голос, женский:

– И я рада, Вить. Показывай, где здесь ночует солнце?

Никита Бражко

Новое время

– Даша, а что такое любовь?

Даша оторвалась от просмотра каталога AVON-VENUS и с удивлением взглянула на сестру. Неужели закончилась стадия простых вопросов вроде «что такое солнце» или «что такое трава»?

– А почему ты спрашиваешь?

– Просто, – ответила Саша, дернув маленькими плечиками. Продолжая снимать с куклы красный комбинезон, она как бы случайно проронила:

– Я думала, ты знаешь...

Вот ведь хитрюга. Даша отложила каталог, предварительно загнув край страницы, и присела рядом с Сашей. Та уже убрала в угол игрушки и приготовилась слушать.

– Значит, слушай, – начала Даша. – Любовь, это... – Тут она запнулась. Как говорил отец, что бы Саша ни спрашивала, нужно находить простые слова. А какие там были самые простые?

– Ну, – протянула Саша.

– Любовь – это когда у тебя бабочки в животе.

– Бабочки? – удивилась Саша.

– Да, – уверенно кивнула Даша. Когда она так делала, сестра воспринимала это как правило. – Вот ты видишь человека. – Даша подумала об Артеме. – И ты замираешь. Начинаешь дышать часто-часто. Ноги – будто вата. Ты вся словно горишь. При этом чувствуешь легкость. Ты готова взлететь. – Даша подскочила и, расставив руки в стороны, пробежала по комнате. Логичней было бы показать бабочку, но Саше больше нравились самолеты. Она смеялась и закрывала ручкой рот. Даша и сама смеялась.

Прodelав пару кругов, она плюхнулась рядом с Сашей и обняла ее.

– А главное, – продолжила Даша. – Когда ты смотришь в глаза любимому человеку, когда держишь его руку, кажется, что весь мир куда-то пропал. Ты готова пойти за ним куда угодно. И у вас всегда-всегда все будет хорошо.

Даша крепче прижала к себе сестру и спросила:

– Теперь понятно?

– Да, – ответила Саша и снова засмеялась. – Это как наши мама и папа?

На мгновение Даша опешила. Как на это ответить? Боль тонкой струйкой скатилась по груди и остановилась в районе живота. Сказать ей, что мама умерла при родах? Что даже в двадцать третьем веке, со всеми разрекламированными достижениями, человеку может просто не хватить сил? Остались лишь они с отцом и Боди, а она...

Даша закрыла глаза, а когда открыла, голос звучал по-прежнему весело:

– Да. Как наши мама и папа.

За стеной слышались сердитые голоса. Очередная перебранка. Стоило перехватить инициативу.

– Хочешь посмотреть мультики? – спросила Даша.

– Да! – воскликнула Саша и ползком передвинулась на середину комнаты. – Поставь Зорга!

Зоргом Саша называла мультяшного пирата Зорга. Он быстро стал ее любимым, как и для большинства детей. Главный герой – пират Зорг – недотепа, вечно попадающий в передряги. Даша быстро нашла нужную кнопку на экране стенного меню. В то же мгновение часть мебели спряталась в отсеки в полу. По стенам забегали картинки с Луны, означавшие начало сериала.

Даша прислушалась к голосам и прибавила громкости. Разговор за стеной явно набирал обороты.

– А теперь сиди тихо. – Даша направилась к двери. – Не балуйся.

– А ты куда?

– За яблочком, тебе принести?

– Да!

– Хорошо, – сказала Даша и тихонько выскользнула из комнаты.

В коридоре спрятаться от криков было невозможно. Тем более Даша рассчитывала на обратное. Крадучись, она двинулась вдоль стены к спальне отца. Дверь была приоткрыта, оставалась небольшая щель, через которую слова лились четко и громко. Сердце старалось выпрыгнуть из груди, но Даша, прикусив губу, мелкими шажками придвинулась еще ближе. Как говорил учитель физики в школе: «Любопытной Варваре на межгалактическом базаре нос оторвали. Но потом быстро вырастили ей новый. Любопытство – не грех».

– Ты вконец охренела! – прогремел голос отца совсем близко, отчего Даша вздрогнула и чуть не убежала. – Я, по-твоему, совсем слепой?! Думаешь, я не вижу...

– Ничего ты не видишь! – кричала Боди, не уступая отцу. Голос звонкий, как хрусталь. – Ты совсем помешался! Мне без твоего слова и шагу ступить нельзя!

– Заткнись! – взревел отец. Даша пискнула, но вовремя прикусила палец. – Ты настраиваешь против меня детей! И не говори мне...

– Ты чертов параноик!

– Это я параноик?!

– Да! – В голосе Боди слышался вызов. – Я могу делать, что захочу! В первую очередь я мать, а...

– Какая ты мать! Их мать умерла!

Ноги Даши внезапно стали ватными, отчего она чуть не упала, но успела схватиться за дверной косяк. Воспоминания о матери, смутные, пробежали перед глазами. Каштановые волосы, мягкий смех...

– Теперь я их мама! – Боди явно разошлась. – Я имею на них такие же права...

– Права! – взревел отец. – Ты просто робот, черт тебя дери! Я купил тебя, чтобы ты была детям сиделкой, а мне любовницей! Ты – моя вещь!

Даша поморщилась.

«Вот, значит, как ты планировал, да, папочка? – подумала она. – А я знала. Помнишь, год назад я заболела и не пошла в школу? Я хотела крикнуть, чтобы Боди принесла мне чай с вареньем, но горло жгло. Меня кружило, я встала и пошла на кухню. Попытка позвать снова провалилась. А когда я пришла, когда заглянула в кухню, помнишь, что я там увидела?»

Боди стояла спиной ко мне, уперев руки в стол. Глаза были закрыты, а рот, наоборот, открыт. А за ее спиной стоял ты. Задрал ее синий халат, обнажив белые кружевные трусики. Ты купил их ей, папочка? Я видела, как ты терся о Боди той выпирающей штукой в штанах. А она не сопротивлялась. Ее лицо пылало краской, а в груди что-то пощелкивало.

Я убежала. Но это не все. Полгода назад я видела, как ты вернулся домой пьяный и привел с собой друзей. Вы вели себя как свиньи, кричали, плевались и смеялись. А потом затащили Боди в спальню. Я слышала, что вы с ней делали. Как ты мог, папа?»

– Не смей! – взвизгнула Боди. Даша и не подозревала, что она на такое способна. Совсем как живая. – Двенадцатого сентября две тысячи двести девятнадцатого года в семнадцать пятнадцать по Земному времени был принят закон об освобождении роботов! Три месяца назад! Теперь мы на одном социальном уровне!

– Да как ты смеешь? Это все бюрократические выходки! Если бы не эта жестянка, возмнившая, что она человек...

– Он и есть человек! – Даша слышала боль в голосе Боди. Но еще и гордость. – А ты! Ты теперь не имеешь никакого права распоряжаться мной, словно я кофеварка!

– Да ты не умнее калькулятора! Я бы лучше трахнул тостер...

Неожиданно раздался шлепок, как если ударить по ягодице. Даша охнула и чуть не выдала себя. Прикусив губу, она придвинулась еще ближе.

За дверью воцарилась напряженная тишина. Казалось, от любого постороннего звука она могла сдетонировать, как бомба. Даша напряглась всем телом, стараясь услышать хоть что-то. Достаточно одного маленького слова, только не это молчание.

– Хорошо, – безразличный шепот отца подействовал на Дашу сильнее, чем все крики. – Прости. Возможно, я погорячился.

– Нет, не прощу, – таким же тоном ответила Боди. Но еще Даша услышала боль. – Я не вещь. И я забираю детей.

За дверью Даша до боли сжала кулаки, стараясь не разреветься. У них же семья. Саша и так считает Боди мамой. А кем она стала для Даши? Всегда добрая, ласковая, смешная. Всегда рядом...

– Ты не посмеешь, – недоверчиво сказал отец. – Тебе не позволят!

– Прецедентов не было, да. Но позволят. Знаешь... пришло время перемен.

Медленно, словно во сне, Даша повернулась и зашагала к себе в комнату. Саша по-прежнему смотрела мультики.

– А где яблоко?

– Закончились, – ответила Даша, выдавив улыбку. – Завтра купим еще.

– Хорошо.

Плюхнувшись на кровать, Даша поджала ставшие деревянными ноги. Как могло так получиться? Потеряла мать, а теперь, возможно, и отца. Боди слова на ветер не бросает, она пойдет в суд. И присяжные, не оклемавшиеся после последнего громкого дела Робота Против Человека, пойдут ей навстречу.

Сашу отдадут Боди.

А с кем остаться ей?

Эдуард Шауров Штучный товар

Сначала нужно ощутить объект, ввести себя в образ, потом прочувствовать обстановку, а уж потом ловить струю и импровизировать...

Я мужчина. Не очень высокий. Стройный. С узким породистым лицом. На самом деле мой объект тяжелее килограммов на пятнадцать, но пусть все остается как есть...

Я стою босиком на посыпанной белым песком садовой дорожке. Волосы еще влажные после купания. Прямо передо мной, раздвигая заросли гортензий, тлеет золотом ажурный купол беседки. Увитая плющом арка входа – как ворота в рай. Я знаю, догадываюсь, что ждет меня внутри, и уже от этого прихожу в нетерпеливое возбуждение. Поднимаюсь по сточенным каменным ступеням и вижу Ее. Она, как всегда, чуточку другая и, как всегда – все та же. От нее пахнет сексом и цветами. Я рад, что это именно она.

Джуди полулежит на мраморной скамье. Ленивое солнце, проникая сквозь решетку стены, красит ее тело сияющими ромбами домино. Она одета во что-то вроде бикини. На сосках небольших грудей и в паху легчайшее трепетание нежно-зеленого и нежно-розового.

Джуди слышит меня. Она открывает глаза, грациозно потягивается всем телом, и ее бикини вдруг рассыпается роем маленьких крылатых созданий – воздух беседки моментально оживает, – они носятся вокруг меня, они смеются тоненькими голосами.

Я протягиваю руку, и на раскрытую ладонь садится малюсенькая фея. Она не больше моего мизинца, но совсем как настоящая девушка: светло-шафрановая кожа, коричневые капельки сосков и даже пушистый мысок между точеных ножек. Дую на ладонь, и малютка уносится прочь.

Джуди наблюдает за мной, ее пухлые губы трогает улыбка.

– Иди сюда, – говорит она негромко.

Ее голос с легкой гортанной хрипотцой похож на большую атласную кошку.

Делаю два шага вперед. Купальный халат соскальзывает на розовый мрамор. С тихим смешком Джуди ловит меня за напряженное мужское достоинство и тянет вниз. Послушно опускаюсь на пол, откидываюсь назад, и в тот же миг полтора десятка маленьких голых фей буквально облепляют мой возбужденный пенис, который моментально становится влажным от множества крохотных язычков. Я чувствую прикосновение миниатюрных пальчиков, попок, бедер, животов, радужных крылышек...

От острого наслаждения я теряю всякую ориентацию в пространстве, а когда прихожу в себя, Джуди уже рядом. Она сидит на корточках, закусив нижнюю губу, ее колени широко разведены в стороны. Я вижу аккуратный темный треугольник на бритом лобке. Мокрые страстные пальцы скользят между бедер сильно и размеренно. Ни на секунду не прекращая движения, Джуди нагибается вперед и смахивает маленьких любовниц с моего члена, будто пух с головки одуванчика, потом со смехом толкает меня в грудь и, когда я падаю на спину, проворно забирается сверху. На секунду она замирает, затем с протяжным стоном медленно садится. Крошки-феи розовыми искрами вспыхивают в ее растрепанных волосах. Таз Джуди начинает двигаться все быстрее, быстрее, быстрее. Крепкие груди с темными наверхиями возбужденных сосков скачут в такт движениям бедер. Мой лобок и живот становятся скользкими от женской секреции. Напряженный член скользит внутри Джуди, лишь чудом не выскакивая наружу. Пытаюсь помогать ей руками, но Джуди почти кричит:

– Я сама!

Сквозь узоры золотой решетки потолка я вижу тяжелые золотисто-фиолетовые тучи. Они, клубясь, быстро заполняют собой небесное пространство, и я даже не успеваю удивиться, когда первые тяжелые капли падают мне на лицо. Дождь пахнет спермой. Гос-

поди! У неба оргазм! У нас, кажется, тоже. Еще секунда, и я взорвусь, как тротиловая шашка. Мокрая гибкая Джуди, прижав к лицу ладони, беззвучно кричит и мотает головой. Небо над беседкой лопається многохвостой ослепительной молнией. Господи! Боже мой! Как хорошо!

Светло-салатные стены, диффенбахия в напольном горшке. Я открываю глаза и не сразу понимаю, что нахожусь в своем маленьком рабочем кабинете. Для того чтобы окончательно прийти в себя после сеанса, по технологическим нормам полагается восемь минут. Опять закрываю глаза, и в моей голове незамедлительно появляется Гарик, плевать ему на технологические нормы.

– С возвращением, фрик! – Гарик до неприличия весел.

Я не обижаюсь. Принимаю эпитет как данность. Да Гарик и не собирается меня обижать. Просто Гарик – коммуникатор, а все коммуникаторы зовут дримлайнеров фриками. Им фиолетово, что фри-креатором может считаться лишь один дримлайнер из тысячи. Способность к творчеству – весьма редкая штука.

– Клиент доволен, – сообщает Гарик после секундной паузы. – Передает, что последняя фантазия высший класс, что он просто в ауте и что он в реале пробовал со своей подружкой часть прошлого дрима с жемчужными бусиками, оба страшно довольны. Слышь, Волян, а что за бусики? Я не в курсе.

– И не надо, – говорю я устало. – Тебе-то зачем знать? Клиент доволен, и ладно. Раз доволен, значит, еще раз придет.

Пусть лучше этот приходит, чем неуравновешенные маньяки, которым подавай железные щипцы с гомосексуализмом и мочеиспусканием.

– Просто интересно... – Гарик слегка обижен.

Он хороший пацан и замечательный коммуникатор, может обслуживать сразу шестерых дримлайнеров-копиистов или двоих фри-креаторов, вроде меня. Гарик слегка зануден, как подавляющее большинство моих знакомых, но в целом с ним можно ладить. Его дело устанавливать и поддерживать телепатическую связь между мной и клиентом в течение всего сеанса. Моих личных способностей едва хватает на двести метров и то, если объект сам телепат, а Гарик способен считывать любого клиента хоть в Австралии, хоть в Аргентине. Хороших трансляторов еще меньше, чем хороших фриков.

– Упс, – говорит Гарик, – похоже, тут начальство по твою душу.

Мама моя! И начальству плевать на технологические нормы!

– Вова, привет, – тихонько шепчет в моей голове Леночка.

Леночка – это еще не начальство. Леночка – секретарь начальства, личный секретарь-блокировщик. По-нашему, «занавеска». Приемопередатчик никакой, зато экранирует любого телепата лучше свинцовой пластины.

– С тобой Октябрина Аркадьевна хочет поговорить.

– Валяй, – говорю я как можно беззаботней. – Обеспечивай.

У Октябрины сердитый голос, и я сразу внутренне собираюсь.

– Владимир, – говорит Октябрина Аркадьевна, наверное, она сидит в директорском кресле и грызет кончик своей корпоративной ручки, – у меня к тебе серьезный вопрос. Найдешь для меня две минуты?

– Конечно, Октябрина Аркадьевна.

– Давай без обиняков, – от Октябриных мыслей пахнет ржавым железом. – Ты продал «Фэнсигранту» четыре дрима с детскими мечтами! Только ради бога, не выкручивайся. Тебя отследили.

Я молчу, и Октябрина быстро меняет тактику.

– Володенька, – тон ее приобретает укоризненно-родительские нотки. – Ну, что тебе – денег не хватает? «Фэнси» тебе за мечты и четверти настоящей цены не заплатит. «Фэнси» фиксирует дримы на психоносителях и продает по двадцатке за пару. «Две первоклассные мечты по цене одной!» В лучшем случае твою работу будут тиражировать третьесортные дримлайнеры. Тебе не заплатят, а шедевры твои спустят в унитаз. И ради этого стоит рисковать карьерой?

Я продолжаю молчать, и Октябрина опять меняет тактику.

– В конце концов, за нарушение контракта «Навиком» может подать на тебя в суд, – говорит она угрожающе. – Я больше чем уверена, что ты не первый раз сливаешь мечты всяким «Фантомиксам» и «Сономанам»! Мало того, что вредишь себе, еще и компанию дискредитируешь.

– Это чем же? – интересуюсь я мрачно. – Тем, что люди со средним достатком могут купить своим детям какую-никакую мечту?

– А ты думаешь, детям позарез нужны мечты? – Октябрина смеется. – Очнись, дорогуша! Мечтать вредно. Такую блажь себе могут позволить люди, обремененные достатком. Копчик – рудимент хвоста, а мечты – рудимент воображения. Они потеряли актуальность с появлением тактильного три-дэ видео. Теперь это нечто вроде аппендикса.

– За этот аппендикс нам вроде как неплохо платят.

– Платят, – соглашается директриса, – богатые придурки. Они платят за все, что можно купить...

Октябрина надолго замолкает.

– Я знаю, куда ты клонишь, Володя, – говорит она наконец. – Я помню про твое заявление, но ничего, абсолютно ничего не могу для тебя сделать. Детские фантазии – маловостребованная сфера. Раз в полгода к нам заглядывает какой-нибудь Хоферц, чтобы купить своему избалованному чаду креативную фантазию... Володя! Раз в полгода! Мне на такой поток штат не нужен. Там одного Сявкина много.

Я знаю, что Октябрина искажает истину, детские дримы востребованы, просто за них мало кто соглашается платить.

– Ваш Сявкин старый бездарный циник, – говорю я, звонко отчеканивая мысли.

Октябрина укоризненно качает головой, хотя в губах ее прячется усмешка:

– А ты предлагаешь мне посадить его на эротические фантазии...

Чертов контракт, думаю я ожесточенно. Одна закорючка – и ты раб на половину оставшейся жизни.

– Сексом должны заниматься молодые. – Октябрина тонко улыбается. – Впрочем, ты можешь перейти на бытовые бизнес-фантазии. У тебя получится.

Я молчу. Я не хочу выдумывать новые яхты и бриллиантовые писсуары.

– Как хочешь, – говорит Октябрина. – И чем тебе секс не нравится? Я сама начинала с эродримов... Володенька, это конъюнктура рынка, что поделать... Но если вдруг появится такая возможность, то я тебе обещаю... клянусь даже... А ты со своей стороны должен пообещать, что никакой контрабанды больше не будет.

Черта с два, думаю я про себя и тут же блокирую мысли.

– Вот и славно, – говорит Октябрина Аркадьевна. – Не буду тебе мешать. Всего хорошего.

Почти сразу Леночка опускает непроницаемый экран, и мое «до свиданья» со стуком отлетает от него, как деревянный кубик от бетонной ограды.

Октябрина исчезает, а Леночка неловко мнетя у меня в голове.

– Вова, – застенчиво шепчет ее угасающий дискант, – я к тебе с просьбой. Моя Анютка совсем с ума сошла, мечтает получить на день рождения фантазию, хотя бы малюсенькую. Жанка говорила, что ты можешь...

Интересно, это провокация? Хотя не похоже. Грубовато для Октябрины. Кроме того, Леночка действительно в своей малышке души не чает.

– Не знаю, – говорю я. – Подумаю, что можно сделать.

– Ой, Вова, подумай, пожалуйста, – слабенькие мысли секретарши похожи на ножки дрожащего тойтерьера. – А я заплачу. На маленькую фантазию у меня хватит.

– Сдались мне твои деньги, – говорю я сердито.

– Спасибо, – шепчет Леночка, растворяясь в благоговейной прострации.

И тут же в моей голове появляется Гарик:

– Ну, старый! Вы, фрики, точно того! Чем тебе эродимы не нравятся? Да если бы я...

– И много ты услышал? – спрашиваю я осторожно.

– Как же, – сопит Гарик. – У Ленки послушаешь. Я так... по твоим постэффектам...

Упс, – говорит Гарик совсем другим тоном. – У тебя клиент. Уже предоплату сделал.

Мысленно скрежещу зубами. Почему именно сейчас?

– Может, Жанка возьмет?

Гарик на секунду задумывается.

– Нет. – Он качает головой. – У нее тоже клиент. Можешь предложить ей групповуху.

– Заткнись, – говорю я устало. – И кыш из моих мыслей!

– Уже ушел, – рапортует Гарик.

Я закрываю глаза...

Сначала нужно ощутить объект... или не нужно. Откуда нам знать, кто мы на самом деле? Какие мы там, под ворохом чужих желаний?

Я мальчишка. Мне четырнадцать. Нет, тринадцать. Я стою на самом краю заросшей чистотелом и ромашками поляны. Высокие стебли травы касаются заплаток на коленках моих вытертых бермудов. Я откидываю назад длинную выгоревшую челку и, запрокинув голову, смотрю вверх. Мои глаза скользят по темному, морщинистому, совершенно необъятному стволу огромного дерева. Я гляжу в пронизанное солнцем сплетение толстых ветвей, откуда прямо к моим ногам спускается мохнатая веревочная лестница.

Антон Пыхачев

Деликатный подход

– Дело по твоей части, Игорь, – заявила мне командор Виктория Моль, как всегда красивая, но мрачная и явно смущенная. – Присядь.

Сесть в кабинете шефа орбитальной станции меня приглашали лишь дважды: во время собеседования, когда я устраивался на работу, и потом много позже – после особенно бурного корпоратива технического отдела, который я организовал. Впрочем, последнее являлось моей прямой обязанностью, ведь я вроде как отвечаю за досуг: то бишь пронзаю серое царство научной скуки пламенным лучом праздничного задора... в теории. На самом деле расшевелить моих подопечных зануд трудновато. Все сидят по лабораториям строгие, подтянутые, в унылого цвета костюмах и по уши в своих исследованиях. Приходится с каждым работать индивидуально.

– Что стряслось, командор, топ амі? – показательно встревожился я, отчаянно нагледя.

Командор пропустила мою фамильярность мимо ушей, и причин для беспокойства стало больше.

– Игорь, – повторила Виктория, упорно избегая смотреть мне в глаза, – такое дело...

– Я уволен?

– Брось! – Она махнула рукой и откинулась на спинку кресла. – Если бы все было так просто... Помнишь выводок юных гениев постпубертатного возраста, что прибыл к нам в прошлом году?

Еще бы я не помнил. Сенсационная трагедия торжества человеческого духа. Большой «ковчег», отправленный в космос полтора века назад, вынырнул вдруг из подпространства возле нашей станции, и – здравствуйте, дети! Древний проект не потерялся-таки в черноте вселенной. И вот прямоком из небытия к нам – благодарным потомкам – прибыли наши выпавшие из истории родственнички, родившиеся в космосе, воспитанные в духе поклонения научной логике и готовые нести идеалы человечества к иным мирам. Увы, прогресс обогнал «ковчег», и когда тот прибыл в назначенное место, здесь уже давно кишмя кишело людьми. Не первый случай в истории, надо признать.

– И что с ними? По-моему, ребята вполне адаптировались, смирились с реальностью и вовсю трудятся на подхвате у наших спецов. Столько новых знаний, им это в радость. Не зря же они сюда сто пятьдесят лет подгребали шестью поколениями в строгой изоляции. Хе-хе...

– Во-о-от... Мне нравится твой циничный подход к проблеме.

– А в чем проблема-то?

– У меня сегодня утром собрался небольшой консилиум врачей, и...

– О! – Я вскочил. – Это большая честь для меня, командор! Конечно, вы вполне можете взять больничный, я с готовностью подменю вас! На любой срок, неделя, месяц, девять месяцев, лишь бы вы поправились!

– Сядь, мерзавец! Мне нужно серьезно поговорить с тобой о сексе.

Сел. У меня, конечно, было что сказать, но слова от неожиданности застряли где-то в районе диафрагмы и теперь невразумительно там булькали. Виктория меж тем продолжала:

– У наших залетных гениев трудности с половой жизнью. И основная трудность в том, что этой жизни нет.

Мне стало интересно, и я почти не перебивал. Выяснилось, что у детей «ковчеха» подход к интимным взаимоотношениям сугубо теоретический. Они все прекрасно понимают, в том числе откуда дети берутся и даже как они туда попадают. Проблема в том, что они вос-

принимают эти знания как-то удивительно отвлеченно, то есть неприменимо к себе. Может быть, даже как нечто абстрактное, как, например, странные и дикие обычаи народов древности.

– Они там в своем «ковчеге» муслировали идею равноправия и торжества разума над плотью, поэтому половые различия искусственно сглаживали, процесс зачатия сведен к извлечению материала, детки в пробирках, химия вместо секса – все ресурсы тела брошены на развитие интеллекта, – устало закончила лекцию Виктория.

– Да ладно! – отмахнулся я. – Природа свое возьмет.

– Не берет она свое, Игорек. Не стану мучить тебя мудреной терминологией...

– ...куда уж мне, гуманитарю, до ваших премудростей...

– Проще говоря, – поморщилась командор, – наши мозгоправы пришли к выводу, что ребятам попросту в голову не приходит, будто сексом действительно можно заниматься. Вот так вот запросто друг с другом для удовольствия, как дельфинчики. И я не уверена, что они поверят, если мы будем утверждать, что широко практикуем это сами. Поэтому требуется наглядный образец для возможного подражания.

Медленно вместе со стулом я придвинулся к Виктории ближе. Она перешла к сути:

– Я понимаю, это прозвучит бредово... И учти, что это не моя идея! Им нужна встряска. Пусть даже шок. Поэтому нам срочно требуется, как бы так выразиться... Ну... Такое сдержанное, интеллигентное, понимаешь, умеренное и даже где-то целомудренное... порно.

– Поощадите, командор! Целомудренное порно – это невообразимо, как сгусток вакуума.

– И тем не менее.

– Может быть, обойдемся мягкой эротикой?

– Не терплю полумер. Доктор сказал порно – значит, порно. Проблема в том, что мы не можем достать готовый фильм, ибо на распространение порнографии наложен столетний мораторий. На распространение, но не на производство. Кстати, у тебя ведь есть знакомый оператор?

У меня был знакомый оператор.

– Шульц, старина! – с порога начал я. – Если ты ничем не занят в ближайшие дни, то я очень рассчитываю на твою помощь. А если занят, то бросай все к чертовой матери, ибо предложение мое феерично.

Долговязый мастер панорамных съемок среагировал мгновенно:

– Сколько?

– По старой дружбе – бесплатно!

– Хм. Вообще-то я имел в виду, сколько заплатят мне...

– Да понял я, что ты имел, не погружайся в уныние. Назревает проект века! И заметь! Я мог бы пойти к Ольховскому или даже к Альмиру, но я пришел к тебе, потому что ты лучший. Цени мой вкус теперь и всяко уважай.

– И что за съемка предполагается?

– Угадай!

– Ох, неужели порнография?! – съехидничал вольный художник операторского цеха и всплеснул длинными руками.

– А-а-а... – огорчился я, – так ты, значит, в курсе.

Тут у Шульца случилось отвисание челюсти и легкое вспучивание вен на лбу. В курсе он не был. Тогда я буквально в двух словах обрисовал ему контуры предстоящего мероприятия.

– То есть ты хочешь сказать, – медленно начал собирать мысли в пучок Шульц, – что тебе фактически по заданию командования поручено снять настоящий порноролик в целях шокирования таковым зашоренных юнцов с «ковчеха»?

– Не просто ролик! – обиделся я. – А деликатное и красивое эротическое представление с широкой моралью и глубоким подтекстом, но во всех физиологических подробностях.

– Хм!

– Никакой не «хм», а первый в истории фильм для взрослых, снятый за миллионы километров от Земли! Мы войдем в анналы истории, как первые проходимцы этой тернистой тропы чувственного искусства вдали от родины.

– Не знаю, куда мы войдем и что там с нами сделают. – Шульц размышлял вслух: – Но ведь в крайнем случае всегда можно заявить, что помогал детям. Интересно попробовать. Цель благородная. Вот только...

Шульц с подозрением прищурился:

– Поклянись, что, приглашая меня в эту авантюру, ты не был ведом стереотипом, мол, немцы, мол, знают толк... А?

Я не понял, о чем он, но охотно поклялся, а затем вдохновенно предложил:

– Начнем немедленно после обеда. Кстати, про деньги я соврал, бюджет моему фильму выделен, хотя и безобразно скромный.

– Погоди, погоди, а ты подумал об актерском составе?

– Э-э-э...

Не то чтобы я совсем не подумал. Хотя, конечно, не подумал – мне казалось, что стоит активно взяться за дело, найти единомышленника – и все пойдет само собой. Самое удивительное, что почти так и вышло.

Не секрет, что для съемок натурального игрового фильма нужен хотя бы один актер. В нашем случае таковых требовалось как минимум двое, причем обязательно разнополых.

– Среди местных мы добровольцев не найдем, – задумался я. – Не представляю себе наших лаборанток в стиле ню, хотя попадают очень фигуристые лапочки. И потом, репутация... Конечно, можно было бы сгенерировать виртуальных актеров, но боюсь, что умники «ковчеха» живо распознают подмену, да и не силен я в этом деле.

– Нет-нет, никакого суррогата! – поддержал Шульц. – Только живая натура, в этом вся соль. И, кажется, у меня есть идея, где раздобыть актрису. Давай-ка разбежимся до вечера, скажем, до восьми часов. Жду тебя в моем павильоне.

– Отлично! А я пока поработаю над сценарием и поразмыслю, как склонить к развр... к высокому искусству какого-нибудь позитивно настроенного героя.

– Над сценарием? Ну-ну...

Увы, к восьми часам я не особенно продвинулся в своих изысканиях, лишь обзавелся кое-каким реквизитом и пришел к Шульцу почти что ни с чем. Зато в холле его рабочей студии меня встретила веселая стайка совершенно незнакомых девиц, которые, стоило мне пройти мимо, приглушенно захихикали.

Сам Шульц, представляя собой задумчивую флегму, длинный и серьезный, восседал на стуле, закинув ногу на ногу, и старательно хмурился. Перед ним в свете пары летающих софитов, трогательно прикрывшись руками, красовалась изящная обнаженная девушка.

– А-а, – протянул Шульц с мировой усталостью в голосе, подавляя искусственный зевок. – Вот и режиссер... Здравствуйте, Игорь.

– Добрый вечер, Шульц, – поддержал я коллегу и в подтверждение его слов достал из сумки и надел кепку со строгой черной надписью «РЕЖИССЕР». – Вы уже начали... этот? Кастинг...

– Кинопробы, – вяло улыбнулся Шульц, задорно сверкнув глазами из-под полуопущенных век. – Присаживайтесь, Игорь. Позвольте вам представить Елену. Знаете, меня беспокоит, как ложатся тени...

– Здравствуйте, Елена. Тени, это важно, – согласился я, подтаскивая свободный стул поближе. – Но, главное, горизонт не завалить.

Я видел, как Шульц сильно укусил себя за нижнюю губу.

– Вы не могли бы немного подвигаться, – попросил я девушку, – и в профиль тоже, пожалуйста. И еще... И, если вас не затруднит, немного прогнитесь в талии. Да...

Через некоторое время Шульц сухо простонал сквозь зубы:

– Спасибо, одевайтесь. И позовите следующую.

А я, закинув по его примеру ногу на ногу, добавил:

– Мы с вами свяжемся.

Лена обворожительно повела плечиком и, быстро натянув серебристое платье прямо на голое тело, выбежала из студии.

Мы выдохнули.

– Где ты их добыл, Шульц?!

– В доках. Это практикантки с Орлеи, у нас транзитом на три дня. Ждут транспорт.

– Здорово! Но как ты их уговорил на такое?

– Я коварный человек, Игорь, и поэтому говорю женщинам только правду. Мы с тобой занимаемся проектом, целью которого является лечение селективной дисфункции группы индивидов, подвергнувшихся социальной патологии. Впрочем, я мог неправильно запомнить. Это и не главное. Важно то, что девушка, согласившаяся на участие в фильме, получает бесценный опыт, денежную премию и официальную благодарность командования за научный вклад с занесением в личное дело. Плюс полная конфиденциальность. Кроме того, все так и рвутся помочь несчастным деткам.

– Несчастливым деткам уже третий десяток пошел.

– Знаю. Я очень коварный человек, Игорь, и опустил ряд деталей. Где спасибо?

В этот момент в студию впорхнула вторая девушка: рыженькая и чуть полноватая. Она сказала «драсьте, я Марина» и попыталась поймать летающий софит, просто так, из озорства. Фонарь благополучно увернулся, и мы перешли к делу.

– Разоблачайтесь, мадам, – тепло и решительно велел Шульц недрогнувшим голосом. Железный человек!

Марина весьма непосредственно скинула все лишнее и подошла поближе, с любопытством разглядывая студийное оборудование.

У меня вспотели ладони и уже багровели уши, но Шульц являл миру образец профессионального хладнокровия, лишь изредка правое веко его подрагивало.

Во время просмотра четвертой по счету девушки, Вероники, гибкий стан которой до сих пор является мне в ночных грезах, я понял, что на некоторое время выпал из реальности и унесся помыслами к горизонтальной плоскости предполагаемых событий. Сиречь в мозгу моем зародился сценарий будущего шедевра. Собственно, у кого бы он не зародился с этакой музой перед глазами – даже каменный Шульц страдальчески всхлипнул, когда она особенно небрежно встряхнула головкой и золотые кудряшки водопадом рассыпались по ее обнаженным плечам...

Пятую претендентку не помню. Что-то такое мелькает бледно-розовое в памяти, но не четко.

– Ну, что? – спросил Шульц, когда девушки кончились. – Предлагаю остановиться на Веронике и Леночке.

– А? Да. Конечно, на Веронике, это обязательно. Остановиться. А зачем вторая?

– На всякий случай, – многозначительно произнес запасливый Шульц. – Ты никуда не торопишься?

– Я? Нет, нет, никуда.

– Ну, посидим еще немного.

– Да! Отдохнем, подумаем.

– Конечно...

– О чем-нибудь отвлеченном.

– Вот-вот. Я закурю, пожалуй?

– Конечно, Шульц. Это же твоя студия. Кури, на здоровье.

– Спасибо. Вот так, значит...

– Да уж...

Минут десять мы молча наблюдали за струями сигаретного дыма, витающими по студии. В дымке чудилась волшебная плавность изгибов... Потом мне кое-как удалось расплести ноги и ретироваться.

Ночь я провел в творческом угаре. Мой впечатленный кастингом разум на-гора выдавал сюжетные повороты один краше другого. Сценарий рождался без мук, образы и композиции стояли у меня перед глазами. Личный опыт и сорвавшаяся с поводка фантазия проходили сквозь фильтр помраченного Вероникой сознания и расплескивались по страницам в самых изысканных формах описания изначально несложного процесса соития. Мне чудился аромат масел и благовоний, я горел вдохновением и уснул лишь под утро, полностью исчерпав и выразив себя в трепетных строках.

Наутро оказалось, что трепетных строк вышло многовато. Сценарий тянул на полнометражный двухсерийный фильм, и скрепя сердце я принялся вымарывать предысторию. Купировал диалоги до необходимого минимума издаваемых героями звуков. Затем, размышляя на трезвую голову, сократил момент знакомства и флирт, таким образом сведя сценарий к главному. И остался весьма доволен своей редакторской работой.

Размножив текст, я отправился в доки, по примеру Шульца, искать удачу и актера.

Следует отметить, что наша исследовательская станция довольно велика и служит не только научным целям, но является также пересадочной. Украшение досуга гостей не входит в мои должностные обязанности, но в доках, по причинам несколько нелегального характера, я человек свой. Мелкие радости, вроде неочищенного табака, копченой колбасы, маслин или шоколада, пахнут здесь чарующим определением – контрабанда. Не ахти какое преступление, но именно контрабандные деликатесы кажутся моим постоянным клиентам особенно вкусными.

Проникнув в диспетчерскую, я уговорил дежурного отлучиться на минутку по неотложному делу и при этом не блокировать мне доступ к гостевой базе. Ценой его разгильдяйства стал кусок сыра с голубой плесенью из моей записки. Дорого, но оно того стоило. Печенкой я чувствовал, что мне повезет!

Раз фильму нужен герой, надо искать героя. А где искать brutальных героев, как не среди истинных сорвиголов.

Такой на станции оказался в единственном экземпляре. Зато какой!

Лейтенант Жан Ферье. Матерый разведчик – дальник, косой парсек в плечах, мастью блондинист, изящен в скулах, бицепс внушителен, взгляд – волчий. А главное – парень, судя по путевому листу, восемь месяцев наслаждался гордым одиночеством на своем скоростном корвете, залетел к нам на пару суток для мелкого ремонта и, как я надеялся, изрядно к настоящему моменту изголодался по невербальному общению.

Выяснив, где Жан остановился, я немедленно отправился к нему, застал на месте и коротко изложил свое предложение, не обращая особого внимания, как мой потенциальный актер багровеет лицом. Увы, с первого раза он понял меня как-то неправильно и замыслил явно недоброе, вплоть до физической расправы.

Оценив масштаб назревающей трагедии, я, тем не менее, не предался позорному бегству, а проявил чудеса изворотливости, рядом с которой коварство Шульца смотрелось бы детским фокусом с отрыванием пальца.

– Жан, дружище... – Я подпустил в голос толику горькой искренности. – Взываю к твоему рассудку и порядочности. Ты имеешь полное право счесть мое предложение оскорбительным, неэтичным и даже паскудным! Но неужели ты не сочувствуешь несчастным детям, по прихоти судьбы и научного подхода к жизни лишенным простого человеческого тепла?

– Сочувствую, – сквозь зубы процедил Жан, не убирая занесенного кулака.

– Так оцени и проникнись мужеством прекрасной женщины, готовой принести себя в жертву ради торжества человеческого естества над расчетливым унылым разумом. Видит Бог! Ей было трудно решиться на такой отчаянный шаг, но чувство долга перед обществом и любовь к людям превысили врожденную скромность и страх сомнений. И я считаю, наша обязанность, и даже священный долг, – облегчить и скрасить ей тяжкое бремя возложенной миссии...

– Стоп, стоп! – прервал меня Жан, чуть успокоившись и выпустив мой воротник. – Врешь ты складно, но теперь сверни красноречие в трубочку и объясни попросту: коего хрена именно я-то вам сдался? У вас тут что, своих мужиков нет?

Клюнул. Самое время подсекать.

– Твоя профессия окружена стойким ореолом романтики, – заявил я. – Приятель, во все времена женщин привлекают крепкие мужчины в военной, и особенно в летной, форме. Прикинь сам: нашей застенчивой актрисе в любом случае придется – ох, придется! – подвергнуться тяжкому моральному переживанию. Так с кем ей будет проще и комфортнее разделить это испытание? Разве с каким-нибудь рыхлым гражданским? Разве с каким-нибудь субтильным лаборантишкой, согласившимся на участие не по суровому велению мужественной души, а ради жалких премиальных иль вовсе для удовлетворения гнусной похоти? А?

– Так. Общую идею я вроде уловил. Вот только не уверен, смогу ли...

– О... – весьма натурально смутился я. – Неловко вышло, прости, не знал... правда. Если у тебя проблемы по этой части, извини, мне очень жаль.

– Нет у меня никаких проблем! – резво встрепенулся Жан. – Я имел в виду, как посмотрит мое командование на этакий перфоманс.

Ишь ты, какое он слово знает, – подивился я и поспешил успокоить героя:

– Отставить тревогу! Мы не станем указывать тебя в титрах. Так что? По рукам?

– Надо подумать, – замялся лейтенант. – А она... ну, симпатичная?

Я вспомнил светлый образ Вероники и временно потерял контроль над выражением лица. Этого оказалось достаточно, чтобы наша маленькая, но отнюдь не скромная команда пополнилась актером.

В лабораторию... бр-р-р, в студию Шульца я летел на крыльях победы и вдохновения. Мне не терпелось похвастаться успехами.

Там я застал Леночку – вторую из претенденток на роль. Она в длинном черном платье сидела на стуле и угощалась контрабандной сигаретой моего оператора. Сам Шулец уживался вокруг нее с ручной камерой, ловя выгодные ракурсы.

– Здравствуйте, Игорь, – протрещетала девушка и смущенно поднялась мне навстречу, – а мы вас ждали. Ну, я не буду мешать, пойду перекушу. Хорошо?

– Да, да, – кивнул оператор. – Как твои успехи, Игорь?
– Прекрасно! – отозвался я. – Сценарий готов, и я нашел актера.
– Вот как? – удивился Шульц. – Хм, хм. Ну что же... Пусть так. Хотя я, признаться, думал, что ты сам... А, ладно. И кто он?

Я в красках принялся описывать свои утренние приключения.

– Жан и Вероника, – ухмыльнулся Шульц, – даже псевдонимов не надо.

– Мой лейтенант артачился едва ли не с полчаса и даже порывался отредактировать мне внешность лица. Почему твои девушки так живо согласились, да еще все разом?

– Мужчины стеснительны, Игорь, – усмехнулся Шульц, – зачастую они боятся выглядеть смешно. Женщины, напротив, нередко уверены в своей неотразимости и втайне, где-то очень глубоко в душе, мечтают блеснуть родными прелестями перед благодарной публикой. Ведь согласись, что за тоска – держать в хорошей форме роскошное тело при весьма ограниченном доступе ценителей. Женщина – это актриса в первую очередь, порой ей необходимы овации.

– Вот только уж больно жанр у нас специфический.

– Тем острее интерес, вероятно. Когда-то давно одна моя хорошая знакомая... хм, регулярно одалживала у меня мини-камеры, вот такие примерно. – Шульц вытащил из нагрудного кармана фитюльку с прозрачными крылышками, чуть крупнее мухи. – И вела домашнюю хронику своих эротических приключений. И как же неподдельно было ее горе, когда этот архив оказался по несчастной случайности доступен к просмотру широкой публике. О, как она страдала, как пунцовы были ее щеки!

– Да, неловко вышло.

– Неловко?! – рассмеялся Шульц. – Да мне известно наверняка, что она сама выпустила этот доморощенный шедевр в свет. В этом нет никаких сомнений!

Часам к трем явилась Вероника, серьезная и пахнущая вереском. Вернулась из кафе Лена, и почти сразу за ней в студию решительно вошел Жан Ферье, блистательный и мрачный. Вероятно, он воспринял мои слова слишком буквально, поскольку явился при полном параде, в новенькой индиговой форме с пурпурными наградными цепями и орденскими планками.

Я представил Жана всей компании.

Мои актеры наконец увидели друг друга и некстати смутились. Чтобы сгладить неловкость, я живо перешел на деловой тон и раздал всем присутствующим сценарий.

Знакомство со сценарием далось им нелегко. Лена смущенно хихикала, а Вероника несколько раз опускала текст на колени и одаривала меня взглядом, полным немого укора. Я виновато багровел. Шульц читал быстро, морщился и оставлял метки на полях. Но первым выразил свое мнение Жан:

– Задорно написано, – осипшим голосом выдохнул он, – но три последних абзаца – это уже силовая акробатика, я просто не потяну. Боюсь уронить.

– Пожалуй, – волшебным голосом поддержала его наша звезда Вероника и светло улыбнулась, – это слишком опасно.

– Убираем три последних, – это уже Шульц. – А вступление я предлагаю сделать такое...

Вот что за народ! Не успеешь написать шедевр, как тут же находится куча специалистов, которые знают, как надо было сделать лучше. В мой сценарий эти порнокритики вцепились как шакалы и принялись рвать его по живому.

Но обсуждение текло живо и даже весело. Актеры расслабились. Ближе к вечеру наша шайка сблизилась ровно настолько, чтобы не терзаться попусту сомнительными метаниями душ. Жан растаял, сбросил китель и проявился во всей красе своего темперамента, приправ-

ленного длительным воздержанием. Он даже принялся чертить какие-то схематичные изображения.

Касательно трех последних абзацев у меня была ошеломительная идея, но я оставил ее при себе ради сохранения какой-никакой, но интриги. В конце-то концов, мы же собирались снять космическое по... пособие.

– Я бы очень попросил всех хорошо выспаться, – сказал Шульц напоследок. – Завтра делаем фильм.

На станции из-за моратория снимать было нельзя. Поэтому нам предоставили малый грузовой челнок «Юркий», на котором в естественных декорациях и должно было сотвориться волшебство, скрещение рук, скрещение ног... и что-то там про башмачки и свечи.

На съемки шли, как на битву. Строгий Шульц, отчего-то внушающий обеим девушкам странное доверие, помимо аппаратуры принес аптечку и огнетушитель. Настоящий красный огнетушитель, каких, я думал, в природе уже не осталось.

– Зачем? – хором удивились мы с Жаном.

– Для пикантности, – как всегда уклончиво заявил Шульц, любовно поглаживая глянцевого бочок огнетушителя.

– Уж больно здоровая хреновина... – засомневался я. – Как бы мы через эту твою пикантность актрису не утратили.

– А на этот случай у нас есть запасная!

Актриса основного состава насмешливо фыркнула, но на огнетушитель глянула с опаской и большим подозрением.

Отгнав челнок на положенные пятьсот километров от станции, я заметил, что ребята нервничают. Остекленевший взгляд Жана буравил пол, Вероника хмурилась и кусала губы, второй состав в лице Лены также не выглядел слишком весело, и только Шульц, мурлыча себе под нос нечто вроде: «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», – разворачивал аппаратуру. Он уже выпустил камеры, софиты и пару микрофонов, и те закружились по грузовому отсеку, принаравливаясь к помещению. Система настраивалась, отрабатывая взаимодействие модулей.

– Ну, за работу! – нарочито весело крикнул я. – Здесь надо все приукрасить, завесить шторами... Только постарайтесь не вспотеть, душа тут нет, только умывальник. У кого, кстати, мешок с тряпками? Ага, Жан, распаковывай. Лена, помоги мне, надо перенести в центр вон те пустые ящики, накрыть их одеялом и шелковой простыней – это будет сцена. Вероника, расставь свечи и вытащи из моей сумки пакет, только осторожно, там хрусталь. Шульц, ты молодец.

За полчаса мы превратили малый грузовой отсек «Юркого» в довольно милое гнездышко. Огнетушитель Шульц пристроил в уголке, наотрез отказавшись выкинуть его на фиг.

Контрабандное шампанское стыло под струей холодной воды, Лена зажигала свечи.

– Вероника, у тебя что-нибудь есть под платьем? – спросил я, критическим взором изучая напоследок декорации и костюмы.

– В соответствии со сценарием, – усмехнулась она, – только собственная кожа.

– Отлично, – кивнул Шульц. – У меня тоже все готово. Предлагаю начать с первой главы и по-быстрому снять прелюдию.

И мы начали.

Незамысловатая завязка: пассажирка заскучала и в поисках приключений, вооружившись парой бокалов и бутылкой шипучки, отправилась в рубку, где и нашла пилота. Тот помог ей открыть шампанское, при этом облив упомянутое платье. Все это мы сняли с пер-

вого раза и за пять минут. Вероника держалась бесподобно, а от Жана пока что многого не требовалось, с бутылкой он справился – и ладно. Платье качественно намокло.

Затем наступил волнующий момент первого контакта, задуманного простым поцелуем, и здесь наши актеры застряли. Поначалу дело у них совсем не клеилось, но потом Жан, видимо, распробовал Веронику на вкус и теперь уже никак не мог от нее отлепиться для логичного продолжения. Девушку, впрочем, судя по всему, такое положение вполне устраивало – она прижималась к бравому лейтенанту вполне охотно. Но держались оба весьма корректно, в рамках поведения, допустимого на школьном балу. На шестом дубле я не сдержался:

– Друзья мои! Осмелюсь напомнить, что мы снимаем не романтическую историю любви, а банальное научное пособие с ярко выраженной натуралистичностью эпизодов. Говоря проще – не эротика нам нужна. Соберитесь!

Они покорно напряглись и заползли наконец-таки на ящики, то есть – на постель.

– Теперь, – глядя в сценарий, напомнил я, – стоя на коленях, легким изящным движением Вероника снимает через голову платье и бросает его на пол. Поехали. Мотор!

Вероника небрежно стянула платье, и Жан впал в довольно предсказуемое оцепенение. Я признаться, тоже не сразу продолжил дышать. А ведь мне было не впервой.

– Стоп! – воскликнул Шульц, неодобрительно посматривая на экраны. – Она не яркая.

– В смысле? – хрипло поинтересовался Жан, не сводя глаз с обнаженной фигурки нашей звезды; вероятно, ничего более яркого для него в тот момент не существовало.

– Слишком матовый тон кожи. В принципе, я это предусмотрел и захватил масло для массажа. Ее надо натереть.

– Этого нет в сценарии, – усомнился я, – а, впрочем, почему бы и нет. Устроим перерыв?

– Никакого перерыва! – отмахнулся Шульц. – Жан отлично справится прямо в кадре. Потом сократим и замиксуем до эпизода с крупными планами. Передай ему флакончик.

Сцена пошла на ура. Достаточно деловито и при этом вполне невинно красавчик лейтенант, избавившись от кителя и сорочки, трудился на ниве натирика, постепенно работая все смелее и душевнее. Вероника не менее деловито, придерживая волосы над головой, крутилась перед ним, умеренно выгибаясь в нужных местах, и явно начинала сверкать в свете проворных ламп. Камеры описывали вокруг нашей парочки замысловатые виражи, располагаясь таким образом, чтобы не попадать в кадр друг другу. Отсек наполнился ароматом масла и свечей. Забытая на время Лена наблюдала за сценой из-за плеча оператора, совершенно замороженная и одновременно задумчивая, накручивая на палец длинный черный локон. Чтобы взбодриться, я хлебнул шампанского прямо из бутылки и негромко спросил у Шульца:

– Ты ведь это нарочно придумал про матовый тон кожи, да?

Шульц, грустно улыбнувшись, прошептал:

– Видишь ли, мне показалось, что если привлекательный мужчина исключительно в соответствии со служебными обязанностями натирает девушку маслом, причем всю, – это их как-то профессионально сближает. Кроме того, надо отдать тебе должное: самца ты подобрал вполне презентабельного; сейчас он ее расслабит, согреет, заодно и сам сориентируется на местности, привыкнет к телу и обстановке, дело должно пойти. Она уже явно готовенькая.

– У тебя какой-то слишком утилитарный подход к женщинам, Шульц.

– Да, – покорно вздохнул он. – Раньше я этим даже гордился. Ты только не шуми, авось оно само наладится.

И поначалу мне тоже казалось, что наладится, но, увы. Сцена затягивалась, актеры явно вошли во вкус, они уже принялись вовсю обниматься и даже перешептываться. После чего совершенно неожиданно для нас, и вопреки сценарию, вновь принялись целоваться,

причем куда более энергично, нежели вначале. Я с тоской взглянул на Шульца. Тот пожал плечами и деликатно кашлянул:

– Эхм... Дети! Я рад, что вы втянулись в процесс, но мы пишем уже сорок минут, а воз и ныне там.

То, что случилось дальше, иначе чем порнографией назвать трудно, причем в самом плохом смысле этого слова. У наших великолепных актеров не получилось ни черта. Хорошо намавленная Вероника вдруг ушла в неясную и пассивную, но глухую оборону, принялась стесняться и жалобно смотреть на присутствующих. А этот взгляд надо было видеть! Жан также вдруг потерял способность дотрагиваться до нее в нужных местах и уж тем более предпринимать хоть какие-то активные действия. Общими уговорами мы кое-как вытрянули его из штанов, но тут странный симбиоз общей напряженности и солидарности между актерами достиг апогея – кончилось тем, что они накрылись простыней и замерли там, как дети, испугавшиеся ночного страшила из шкафа.

– Понаберут интеллигентов в офицеры, – проворчал оператор, – приличной порнухи не снимешь.

– Шульц, – дрогнувшим голосом сказал я, – наш фильм марширует в ад. Мы горим, Шульц! Если у тебя были идеи по поводу огнетушителя, так самое время.

– Не было у меня никаких идей, просто показалось забавным, и символичным, и вообще.

– Так у нас ведь есть запасной вариант, – я покосился на Елену.

– Не думаю, – сказал Шульц.

Лена молча помотала головой и подвинулась к оператору чуть ближе.

– Она не готова, да и момент упущен, – добавил Шульц и твердо закончил: – И актер у нас спекся. Если только ты сам желаешь вдруг... хотя на фоне Жана ты не фотогеничный ни разу. Не рекомендую.

– Знаю.

– Слушай, Игорь, а что у тебя была за техническая идея с последними сценами? Это может помочь?

– Уже не думаю. Хотя... – Я отхлебнул еще шампанского и вспомнил, что толком сегодня не поел ни разу. – Хуже уже не будет. А вдруг?

И я, заткнув пальцем ополовиненную бутылку, отдал челноку команду, которую пришлось дважды подтвердить.

– И что? – спросил Шульц, наблюдая, как простыня над сценой медленно вздымается, словно привидение. – А, теперь понял...

Вряд ли отключение искусственной гравитации было слишком оригинальным шагом, но в тот момент я пребывал в отчаянии. Мы утратили вес, как оказалось, вместе с незакрепленными предметами, о которых я не подумал. Вероника испугалась и дернулась слишком резко. Жан попытался ее ухватить, но девушка буквально выскользнула из его рук и взмыла к потолку. Это был впечатляющий полет...

– Держите ее! – воскликнул Шульц и слишком резко вскочил. Летающие камеры и фонари растерялись в невесомости, хрустальные бокалы также вдруг пришли в движение. Запутавшийся в ожившей простыне Жан витиевато выразился в мой адрес. Ящики под ним, из которых было собрано импровизированное ложе любви, не преминули разъехаться и воспарить.

– Сохраняйте спокойствие, – посоветовал я. – Сейчас включу обратно...

– Она же упадет! – взревел голый лейтенант и взлетел на перехват, но не вполне удачно, столкнувшись по пути с огнетушителем. Маленький мир вокруг меня пришел в беспорядочное движение, оглашаемое жалобами и проклятиями собравшихся. Самоотверженный Шульц нелепо парил, размахивая длинными конечностями, отчего приобретал пугающее

сходство с огромным комаром. Он исхитрился ухватить скользкую Веронику за щиколотку, но удержать не смог. Жан боролся с простыней, занавеской, ящиками и двумя шариками шампанского, вылетевшими из бокалов. Лена, как ни странно, спасала операторское оборудование.

Я, левитируя низко над бывшим полом, старался оказаться точно под замершей в испуге Вероникой и, когда это случилось, врубил гравитацию обратно.

Девушка упала на мягкого меня довольно удачно – всем телом, хотя и коленом вперед. В грохоте обрушившихся на пол людей и предметов особенно выразительно прозвенели хрустальные бокалы.

– Спасибо, – шепнула мне Вероника, поднимаясь. – Ушибся?

– У-у...

– Да уж, – усмехнулся Шульц, накидывая ей на плечи пресловутую простыню. – Ты умеешь поставить жирную точку, Игорь. Даже в полном провале. Это было изящное безумство, я оценил.

Обратно к станции челнок вел Жан, меня почему-то сочли немного пьяным и не вполне адекватным.

– Простите, ребята, – вздохнула все еще маслянистая Вероника. – Я вас подвела. Но, честное слово, я была уверена, что все легко получится, что я плохая девчонка и мне это раз плюнуть. Тем более не прихвати ради и даже не из-за денег. А не смогла... Даже объяснить не могу.

– А что тут объяснять? – пожал острыми плечами Шульц. – Вероятно, у каждого определена черта финиша, после пересечения которой срабатывают тормоза. Игриво попрыгать голышом перед объективом не то же самое, что допустить циничного наблюдателя в истинные, хм... глубины жизни... Так что не грусти, плохая девчонка, все нормально.

– Мы просто совершенно не умеем снимать порно, – сказал я. – Ведь, казалось бы, ну чего проще? Натуральный теплый процесс плюс камера. Надо думать, у наших предков были какие-то секреты мастерства, ведь терабайты этого добра, по слухам, еще лет сто назад можно было лопатой грести. Утраченное искусство, как вересковый мед.

– Ну, знаешь... – протянул Шульц. – Ты сравнил тоже! В начале двадцать первого века царила дикая распушенность, особенно по части видеоматериалов. А доступность резко снижает интерес, знаешь ли, и находится все больше желающих перейти черту в поисках новых впечатлений. А это уже зачастую извращение и чаще противозаконное. И чем это кончилось?

– «Детьми ковчега», – подала голос задумчивая Лена, – инъекциями и зародышами в пробирках.

Шлюзовались удачно, но невесело.

– У меня осталось часов пятнадцать, – сказал Жан. – Вероника, в качестве компенсации за возможный моральный ущерб могу я хотя бы накормить тебя ужином? Не откажи, пожалуйста.

– Вообще-то я так поздно не ем, пытаюсь худеть...

– С ума сошла?! У тебя идеальное тело.

– Ох! Ладно. В свете последних событий тебе – верю. Пошли, я тут видела вчера довольно мрачную кафешку – как раз для актеров-неудачников.

– После ужина не забудьте познакомиться, – буркнул я, – чтобы регресс ваших отношений был до конца логичен.

Они нервно похихикали и ушли. Неунывающий Шульц хмыкнул им вслед и предложил:

– Ну, еще не вечер. Лен, если есть желание, можем прямо сейчас закончить твою фотосессию.

– Конечно! Но... ой. А как же Игорь?

– Идите, развлекайтесь, – махнул им я и покачал бутылкой. – У меня еще есть дела на сегодня.

На шампанском я не остановился и провел остатки бодрствования в компании с синтетическим бренди марки «Софокл» из собственных контрабандных запасов. Кто-то не получит вовремя свой заказ, но мне было плевать. Я вдумчиво страдал по целому ряду причин и очнулся лишь следующим днем от настойчивого жужжания коммутатора – командор Виктория желала общаться.

– Игорь! Ну, ты выдал! – ее слова хлестали мой мозг, как хвосты электрических угрей. – Какой фильм!

– Знаю... – поморщился я, – халтурка, разумеется...

– Нет, это же потрясающе! Как ты успел все за три дня? Не скажу, конечно, что сюжет особо оригинален, да и тексты явно писались второпях, но какая игра! Где ты нашел этих людей?

Тут до меня стало доходить, что вроде как меня хвалят и даже без иронии. Следовало менять тактику, и я небрежно заметил:

– Опыт, мой командор. Чутье и личное обаяние... что еще сказать? Я талантлив.

– Да уж, не знала, что у тебя такие актерские способности. Ты был великолепен!

– Ну, не стану отрицать, я действительно... Что?! Мои актерские способности? Мои?! Я же... И откуда у тебя вообще этот фильм, Вика?

– Шульц прислал. Сказал, что это черновой монтаж, полная режиссерская версия. Ты что, сам еще не видел?

– Э-мх-м, видел, конечно. Я же там присутствовал как бы, в процессе. Изнутри так сказать.

– Особенно мне понравилось там, где ты уговаривал Жану сняться в ролике. У тебя были такие честные испуганные глаза, я даже поверила. И когда ты писал сценарий, всклокоченный – ну просто вылитый Бетховен... Я так поняла, ты по сюжету влюбился в эту девочку Веронику, да? Ох, ты так на нее смотрел! А она тебя коленом, эх. И эта сцена прощания – блеск. Жан уходит с ней, а ты бредешь с бутылкой домой. У тебя был такой взгляд, как у потерявшегося щенка... Здорово! Ты чудо!

– Да, да, – промямлил я, покрываясь холодным потом, – спасибо.

– Эта история точно расшевелит наших девственников с ковчега, чтобы не щелкали клювами, пока молодые. Послушай... – Стальной командор Виктория Моль вдруг неловко усмехнулась. – Я знаю, это нарушение субординации, и вообще... Но если ты вдруг когда-нибудь соберешься пригласить меня поужинать – предупреди заранее. А то у меня очень плотный график, а я бы хотела прийти.

Мне срочно требовалось побеседовать с одним подлым, гнусным, тощим оператором, у которого явно за душой не было ничего святого. И я помчался в его апартаменты.

– Шульц! Ты!..

– Я? – отозвался долговязый хмырь, восседающий в желтом халате за пультом своей студии.

– Ты бессовестная свинота, Шульц.

– Я, я! – весело закивал он. – Но что тебя, собственно, не устраивает?

– Ты... Сделал фильм о том, как мы снимали фильм! Ты меня использовал. Ты за мной шпионил! За всеми нами! И потом вот так запросто... Это! Гадство, вот! А, главное, как ты это сделал?

Шульц обернулся ко мне и снисходительно покачал головой.

– Мои камеры-мухи. Помнишь, я тебе показывал. Они почти невидимы в полете. Новая модель, у меня руки чесались испытать их в деле. Да, вот! Одна и сейчас с тобой, просто старается не попадаться на глаза.

Из-за ширмы вышла Лена в долгополой рубашке Шульца, сказала: «Привет, Игорь», и, сладко потянувшись, отправилась в сторону кухоньки.

– Ым... – сказал я, захлебнувшись потоком слов, которые рвались на волю одновременно. – Так вот на какой всякий случай тебе понадобилась вторая актриса! Запасной вариант, да? Ты...

– Она мне очень понравилась, – спокойно пожал плечами тощий мерзавец. – Это никак не могло повредить.

– Но как на актрису мы на нее рассчитывать не могли, верно?

– Увы. Но это было и ни к чему. Наш первый состав отлично справился с задачей.

– Разве?

Тяжело вздохнув, Шульц поглядел на меня с сочувствием, как на умственно отсталого, и тут до меня дошло:

– Жан не повел Веронику в кафе... – выдохнул я.

– Нет, Игорь. Не повел. Они прямиком направились к нему в каюту и с большим энтузиазмом воплотили весь твой сценарий. Весьма чувственно и несколько раз.

– О, господи. И три последних абзаца?

– Нет. Извини, но это действительно силовая акробатика, а гравитацию на станции просто так не отключишь.

Тут еще одна ослепительная догадка поразила меня:

– Шульц, да ведь они нарочно сорвали съемку! Это был чистой воды саботаж!

– Разумеется, – вяло кивнул он. – Неужели ты думаешь, я не слышал, о чем они шептались в процессе намазывания Вероники. Там же летали мои микрофоны.

– Так ты и это знал!

– Не кричи. Все ведь вышло отлично. Фильм получился. Причем вполне скромный, интеллигентный и где-то даже деликатный. Ну и со всеми нужными физиологическими подробностями в финальной части.

Вот это мне совсем не понравилось.

– Послушай, это что же: твои невидимые камеры-шпионы тайком засняли их настоящую постельную сцену и ты засунул ее в фильм? Ты совсем спятил – это подло!

– Но-но... – ухмыльнулся Шульц. – Пока ты изволил дрыхнуть в пьяном виде, я много успел сделать. В том числе и посетил наших голубков, все честно им рассказал, чуть не получил от Жана по морде... два раза, кстати. И только потом заручился их полным прощением и письменным разрешением на использование материалов, правда, с некоторыми купюрами. Ну, что еще не так?

– Я им обоим такое выскажу за саботаж...

– Они улетели, Игорь, – быстро сказал Шульц и, вздохнув, добавил: – Извини.

Мне оставалось только кисло улыбнуться, прекратить нервные телодвижения и опуститься на стул.

Лена принесла кофе. Она осталась. Наверное, ей нравятся длинные мужские рубашки. Удивительно хороший кофе.

– Ты действительно очень коварный человек, Шульц, – наконец сказал я. – И, наверное, ты все правильно сделал. Но мне казалось, что мы снимаем этот фильм вместе.

– Конечно, вместе! Не обижайся, Игорь, просто пойми... Так уж исторически сложилось, что именно в порнофильмах оператор главнее режиссера.

О Веронике с тех пор я ничего не слышал. Они улетели на корвете Жана вдвоем и навсегда. Порой она мне снится, но наш фильм я так никогда и не смотрел.

Вадим Вознесенский

Змеиный Ирий

*You'll find your bread and your butter
where you fake it
And put your face
in the gutter of a snake pit*
La Roux, «Tigerlily»

Яромир всегда четко осознавал рассчитанный до крайнего такта момент начала, но происходящее затем разуму не поддавалось.

Взрыв продолжительностью миллион лет, мгновение, растянувшееся в космическую вечность. Яр понимал: объективно все продолжается минут десять-пятнадцать, но внутреннее время текло иначе. Душу срывало в галоп и распыляло выше границ Неба, а телесную оболочку, под вялый ритм трепыхающегося сердца, раз за разом сладостно выжимало до последней капли.

В одном пространстве-времени пульс подскакивал до двухсот ударов, в другом, между толчками крови, успевали родиться и погибнуть вселенные.

Психофизиологи называли это амплитудно-резонансной серией и даже разбирали производимый гипофизом коктейль на гормоны, но душа противилась химическим формулам. Душа растворялась в Ирии божественного единения.

Яромир расслабленно выдохнул, прекращая гипервентиляцию, сфокусировался на Ладе. Дрожащие ресницы, закушенная губа. Развязка миновала, но композиция нуждалась в послесловии. Яр дотронулся до соска, повел пальцем, повторяя границу ареолы, по спирали обрисовал безупречную грудь.

Лада чуть всхлипнула – пока не вернулась нормальная чувствительность, каждый миллиметр бархатистой кожи ощущался оголенным нервом. Тело вибрировало струной под скользящими пальцами, и до сознания Яромира тоже докатывались волны наслаждения и почти реальной боли.

Ниже, поцеловав на прощание пупок, еще ниже, готовя себя к новому резонансу, Яр неспешно, миллиметр за миллиметром, очертил в заветном месте восьмерку-бесконечность и легким касанием поставил финальную точку. Лада изогнулась, царапая шелк простыни, иступленно зашептала, приняла и поделилась экстазом, и Яромир тоже не смог удержать рычание-стон.

Он полежал, дожидаясь, пока Лада уснет. Еще слишком рано. Самому не спалось. Яр поднялся, плеснул в бокал янтарную жидкость – ничто приятнее не возвращает душу обратно в тело, чем армянский коньяк, – прошел, отклоняя зеленые ветви, до бассейна и опустился в горячий, одновременно бьющий ледяными струями водоворот. Снял венец-измеритель, оставив его прямо в воде, пригубил арбун, щелчком пальцев разбудил терминал – проекционные модули автоматически нацелились на Яра.

Прежде чем рассмотреть голограмму сформированного отчета, он с минуту наслаждался безумным контрастом снаружи и мягким теплом, разливающимся по пищеводу. Потом, изучая трехмерные срезы энцефалограмм и биометрии, порадовался – и пиковым значениям, и общей форме.

Отхлебнул еще коньяка, перелистал картинки с камер наблюдения, нашел Ладу, приблизил. Любоваться ею можно было бесконечно. Стройным, гибким телом – результатом тренировок и безупречной генетики, – идеальными чертами не запятнанного косметикой лица, струящимися каскадами русых волос.

Лада. В любви она умела быть неискушенной, но легко могла перехватить инициативу, причем так, что сам Яр ощущал себя сопливым мальчишкой.

Не зря постоянно дрался на турнирах, отстаивая право быть рядом с ней – а претендентов хватало. И не зря отказывался от борьбы за вторых, третьих женщин – в единении Лады не могло быть мало. И сам Яр тоже справлялся с ней без партнеров. Идиллия. Ирий.

Губы девушки шевельнулись.

Больше, чем просто подсматривание – Яр усилил чувствительность микрофонов. Когда души сливаются в божественном, что может скрывается за просто словами?

Сочные, возделенные губы. Шепчут:

– О, как всегда...

Яромир довольно улыбнулся.

Данку вставило, когда она висела на «Столбе» Южной Ушбы. Над головой – нелегкий карниз, «Гильотина», а до полки внизу – веревки три. Примерно три, потому что семидесятиметровый кевларовый шнур Данка носила на себе только ради спусков. На подъемах принципиально обходилась минимумом снаряжения, включая отсутствие страховки и искусственных точек опоры. Неспортивно.

На другой стороне хребта без комплекта безопасности к горам не подпускали – здесь же подвергать риску бесценную для общества собственную жизнь пока не возбранялось. Каждый себе хозяин – зато никаких фиф, якорей, скальных присосок и даже фрикционных перчаток. Камень нужно чувствовать кожей, каждой порой – только тогда он поделится своей силой и слабостями.

К тому же в стене еще встречались старинные крючья и намертво вклиненные закладки. Данка как раз проверяла такой вот древний ржавый шлямбур, забитый в гранит не менее ста лет назад. Искала, во что прощелкнуть гамак – отдохнуть перед штурмом карниза. Шлямбур болтался, как... в общем, не внушал доверия.

И в таком уязвимом положении вдруг предательски оцепенели мышцы, мысли заволокло туманом. Данка ощутила резкий, непроизвольно сводящий бедра толчок в основании живота и горячую волну наслаждения. Не успела достигнуть пика первая – следующую. И еще, еще.

Опора ушла из-под ног, Данка повисла на одной руке, и машинально сделала то, что противоречило здравому смыслу – сунула указательный палец в ржавую проушину злосчастного шлямбура. Распределила вес на обе руки – боль в пальце частично вернула в реальность, хотя ноги все так же подчинялись совсем другим командам.

Так и зависла, распятая на вертикали, где-то на четырех тысячах выше уровня моря. Сбивчиво дыша, содрогалась всем телом, матеря в голос небесных и одновременно пытаясь прислушиваться к Горе. Ушба с миллионолетней выдержкой молчала, но внутри Данки бушевало так, что, казалось, вот-вот содрогнется и скала, обрушив на голову или камнепад, или ледник. Непроизвольное трение о стену добавляло пикантных ощущений.

Прошло где-то четверть часа, пока не начало отпускать. Странно, но за это время Данка ухитрилась набраться сил или как минимум злости. К черту препятствия, тем более – ну не вызывать же «бумеранг» спасов, стыда потом не оберешься.

И она рванула, вонзая ногти в камень и марая скалу кровоточащим пальцем. Вправо и вверх по нависающему камину, через каскад углов, вдавливая тело в почти зеркальный рельеф, сама не заметила, как прошла полверевки. Не сбавляя темпа, враскачку, на одном дыхании, победила отрицательный уклон метрового карниза и оказалась на комфортной полке.

Там устроилась, свесив ноги над пропастью, восстанавливаясь и кляня себя за дурацкий кураж. Тех, кто пытается покорять стену на рефлексках, рано или поздно обнаруживают

в виде фрагментов мумий, вмержших в ледник. Шкаф красавицы Ушбы насчитывал сотни полторы таких найденных и не найденных еще скелетов – в Данкины планы не входило прописаться в этом пантеоне.

Ушбу Данка мечтала пройти от и до, и пройти красиво, сложно. Подняться по «Столбу» на Южную, перейти по перемышке между вершинами на Северную и спуститься по «Зеркалу» северо-восточной стены. Причем – свободным лазанием, без веревок, включая спуск, и при этом непременно остаться живой.

Сегодняшнюю тренировку можно было считать законченной. Данка осмотрела поврежденный палец – диагноз вырисовывался неутешительный. Непонятно, как она с таким порезом взлетела на полку. Спасибо – подзарядили на эмоцию. Данка снова, не стесняясь в выражениях, выругалась – пусть слышат, если что.

С гор, конечно, до Неба ближе. Более того – на север отсюда, за Эльбрусом, болтается станция Ирия. Вещает радость всему региону.

Но настолько радостной реакции конкретно от своего организма Данка не ожидала, хоть и слышала в байках, что в горах бывает не просто хорошо, а «просто, ой, как хорошо». Снисходит по полной.

Так снизошло, что чуть не навернулась.

Теперь еще возвращаться с полпути. Примета не очень – Данка раздраженно стукнула по граниту. Даже если б не палец – продолжать подъем в таком нервном состоянии категорически не рекомендовалось. Посидеть, прийти в себя и заняться подготовкой к спуску – Данка прислонилась спиной к холодному каменному стволу, касающемуся корнями магмы, а кроной – небес. Солнце еще не осветило юго-западную стену, зато вершины вокруг уже хрустально сверкали ледниками. Ради такого стоило жить, ради понимания, что ты – никто, секунда, затерявшаяся на краю бесконечности, – в состоянии покорить незыблемое.

Еще Данка любила дожидаться на стене солнца и впитывать его энергию неподвижно, как геккон – полчаса, час. Сейчас и с этим не обламывалось.

Она помедитировала в тени, перекусила «сникерсом», спрятав обертку в карман, потом снова осмотрела палец. Вдохнула – каким-либо чудесным образом тот не зажил – и принялась за спуск.

Когда Данка дюльферила уже вторую веревку, накатило снова. На этот раз безотчетно диким, необузданным восторгом свободного падения, вынуждающим отпустить руки и отдаться на волю ветра. Данка только помотала головой, отгоняя наваждение – да что за день такой! – сильнее сжала «восьмерку» спускового устройства и продолжила контролируемое скольжение вниз.

По старинным славянским поверьям, перелетные птицы мигрируют осенью в сказочный небесный сад – Ирий, языческий рай предков. Там вечное лето, звенящий воздух, прозрачная ключевая вода, и души светлы и счастливы. Во всех отношениях – приятное место.

Яромиру нравилось ощущать себя птицей. Ловить крыльями упругие струи воздуха, падать камнем и взмывать свечой, дрожа от перегрузок.

Бассейн взбодрил, и арбун подогрел кровь – Яр выбрался из воды, на ходу сорвал с ветки гранат, разломал плод, роняя зерна, нащипал и забросил в рот несколько кроваво сочащихся пригоршней, экипировался и «скакнул» на южную платформу.

Под ногами стелилось зеленое предгорье, чуть дальше в несколько рядов скалился хребтами и пиками Большой Кавказ. Тоже распростертый внизу – станция гравитировала выше, купаясь в даровой энергии радиантных потоков.

Из серо-белого нагромождения камней знакомо высились верблужьими горбами Эльбрус и, далеко на востоке, Казбек, ближе – крепостная стена Безенги и демонически двуро-

гая, не от мира сего, Ушба. Игрушечные, ненастоящие, протяни ладонь – коснешься пальцем, небрежно смахнешь иней снежных шапок.

Яромир глубоко вдохнул благотворно разреженный воздух неба, вытянул руки вдоль туловища, едва оттолкнулся носками от упругого покрытия платформы и упал навстречу Кавказу.

Небо с радостью приняло его в свои объятия.

Сориентировавшись в течениях, Яр раскрылся – с хлопком наполнились ветром, выправились многослойные перепонки-крылья и торжественно загудел воздух в трубе парус-заборника. Яромир заложил крутой вираж, разогнался почти до двухсот и резко ушел вверх, поднимаясь даже над Ирием.

Голубые пятна бассейнов, тропическая, поддерживаемая климатронами зелень, пилоны вещателей, незаметные с основного яруса. Дом. Но Яромир не думал так быстро возвращаться, повернул к горам – захотелось обогнуть Эльбрус с запада по траверсу и спланировать вдоль Баксанского ущелья. Два часа лёта, затем трудный подъем в восходящих потоках обратно на станцию. Неплохая утренняя прогулка.

Сам Эльбрус Яромира никогда не впечатлял – застывший, безучастный, как и все горы. Нравился восточный склон с его старомодными канатками и мультиуровневыми трассами, уютными кофейнями и шумными интерклубами, оживленный теплыми всплесками человеческих эмоций.

Но до восточного склона Яр не дотянул.

Неудачно свалился в нисходящий поток. Когда пытался стабилизировать положение, отвлекся на запрос озадаченной его отсутствием Лады – «да, летаю», – развернулся крылом под удар бокового ветра. И сорвался в плоский штопор.

Хватило секунды.

Закрутило волчком – до тупой глазной боли, рези в ушах и зубовного скрежета. Яр ощутил, как лопаются сосуды и кровоточат десны от напряжения. Кое-как ему удалось прижать к бокам руки, но свести или хоть согнуть в коленях ноги, чтобы сложить все расправленные плоскости, никак не получалось. Не хватало сил, суставы и связки едва выдерживали нагрузку.

Яромир знал, что система безопасности, если что, активирует защитный кокон и приземлит, как к теще на перину. Ха – к теще, интересно, знала ли Лада хоть что-нибудь о своих родителях? Яр – нет. И нет – никаких перин, Яр упрямо хотел выйти из штопора самостоятельно и даже попытаться после этого сесть на всех парусах, а не на посадочном парашюте.

И радость борьбы имела шанс смениться эйфорией победы – кровь бешено застучала в висках.

Однако надо было чем-то жертвовать – Яромир с трудом дотянулся до замка и отцепил парус-заборник. Последний раз рванув тело вверх, тот хлопнул тканью и умчался с ветром. Наконец удалось сгруппироваться и остановить вращение.

Яр снова лег на поток и осмотрелся. Немного потерял в высоте, остался без подъемной трубы паруса, сильно отклонился на юго-восток. И адреналин все еще бурлил в венах, вдобавок гудело в голове, провоцируя на сумасбродные выходки.

Прямо по курсу оружейным целиком вырисовывалась Ушба – похоже, неспроста взгляд Яромира сегодня уже царапал ее вершины. Высоты должно было хватить впритык.

Данка спустилась со «Столба», прошла по гребню до лагеря, собрала свои пожитки, нагрузила ими старый, едва держащий подушку скутер и потарахтела вниз, в Местиа. Под уклон скутер скользил бодро, иногда зарывался носом и расслабиться не давал. Только докатившись до перевала и небольшого, отражающего небо озерца, Данка позволила себе

остановку. Сполоснула лицо, сделала несколько глотков, набрав ледяную воду в ладошку, обернулась, в очередной раз залюбовалась Горой.

Правду говорят: горы – женщины. Прекрасные стервы. Ушба особенно хороша в обеих ипостасях.

Что-то мелькнуло в ее седловине. Поднялся, закручиваясь двумя спиралями, снег – совсем не так, как обычно курятся на ветру горные вершины. Через мгновение вниз поползла, набирая силу, лавина. Эта сторона Ушбы слишком крутая для накопления снега, зато на противоположном склоне сейчас начиналось светопреставление.

Основная масса туристов подходит к Ушбе по леднику – именно с северо-запада. Девушка активировала комм и предупредила Местиа. Спас на линии односложно матернулся и уточнил:

– Ты еще на «Столбе»?

– Нет. Перевал Гуль. Возле озера.

На противоположном конце облегченно, как показалось Данке, и вместе с тем вопросительно хмыкнули. Значит, придется объясняться. Потом. Девушка поинтересовалась, хотя, конечно, отвлекать спасателей от работы теперь не стоило:

– Много там народа?

– Три группы, – вздохнули в ответ, – одна – французская. Давай.

И отключились. Данка перешла было на форум-канал, но там уже фильтровали посторонних советчиков, очищая эфир для координации. Помочь она отсюда на самом деле ничем и никому не могла – да и собственные странности еще не закончились.

Вдруг затрещал воздух, как потрескивает вихревое поле скутера, поблизости начала приминаться трава, и вода пошла рябью – в направлении строго от Ушбы. Данку мягко оттолкнуло в сторону: с небес по крутой траектории ей чуть ли не под ноги грохнулся мужчина в ярком костюме-парусе. Гася остатки инерции, путаясь в стропах полураскрытого парашюта, он кувыркнулся в озеро и замер, распластавшись лицом вниз.

Данка, чертыхаясь, полезла в воду – плечи несчастного начали судорожно дергаться. Подняв кучу брызг, словно резвилась на черноморском пляже, девушка подбежала и перевернула парашютиста на спину, попыталась приподнять, но он встал сам.

Русый, загорелый, высокий, тонкий в талии и широкоплечий. Красавчик. Кроме свежей царапины на щеке и красных в уголках, из-за лопнувших капилляров, глаз – никаких видимых повреждений. И он радостно смеялся, а вовсе не бился в конвульсиях. Осмотрев разбитый комм на запястье, парашютист вытряхнул из него воду и беззаботно пожал плечами.

Бесшабашный вид, насыщенная расцветка снаряги, мокро провисшие крылья и волочащийся парашют – упавший смотрелся колоритно на фоне угрюмых серых скал и как-то подсознательно провоцировал на ответную улыбку.

Только радоваться было нечему.

Данка, стуча зубами – температура талой воды с ледника не располагала к купанию, – выбралась на берег и кивнула в сторону Ушбы:

– Ваша работа?

Парашютист посмотрел на гору, только не на кажущийся ожившим склон, а на два ее пика.

– Ага. Ровно посередине прошел! Еле высоты хватило – даже кокон активировался, – парень ударил по касательной ладонью о ладонь, изображая рикошет. – Рано сработал, думал, до земли батарея не дотянет. Пришлось парашютом подтормаживать.

– Идиот, – хмуро оборвала Данка.

Мужчина на мгновение озадачился, пожал плечами и улыбнулся еще шире:

– Вообще-то – Яр.

Девчонка у Яромира вызвала двоякое впечатление. Невысокая, с короткой стрижкой, она больше походила на подростка, чем на женщину – такую, как Лада или любая другая жительница Ирия. Но живое лицо, с трудом удерживаемое маской напускной серьезности, смешинки в уголках глаз, ямочки на щеках, энергетика – не позволяли отвести взгляд.

Зато внимание легко переключилось, когда новая знакомая стащила с себя ремни обвязки, а потом выскользнула из промокшего комбинезона, оставшись в плотно облегающем топе и не менее облегающих коротких шортах.

Ладная гуттаперчевая фигурка. Небольшая грудь и соски, горошинами выпирающие под тканью. Пресс, не такой рельефный, как у самого Яра, но четко очерченный. Точеные ноги с упругой мускулатурой. Яромир почувствовал, что, пялясь на все это, на тонкие линии шрамов на плечах и бедрах, на влажную, съезжившуюся от холода кожу ее сверхплоского животика, бесстыдным образом возбуждается.

Не остудила даже нарочитая грубость девчонки, обозвавшей его идиотом. Отчасти ведь с ней нельзя не согласиться – Яр не имел права так рисковать своей жизнью. Но ведь гравимагнитные коконы для того и придуманы, чтобы обеспечивать безопасность даже в таких экстремальных ситуациях, не говоря, например, про серфинг на фронте лавины и прочие безобидные шалости.

Хотя, конечно, находиться внутри активированного кокона – удовольствие не из приятных.

Кстати, девчонка была без спасательного комплекта, что даже здесь, на таком простом маршруте, являлось грубым нарушением. Яр сам себе улыбнулся – сейчас на ней комплект выглядел бы явно лишним – и, когда девчонка юркнула в запасной комбез, с нарочитым сожалением вздохнул. Удостоившись еще одного хмурого взгляда.

– Яр – это имя, – добавил Яромир, дождавшись конца спектакля с передеванием.

– Данка.

– Очень приятно. Не подскажете, Дана, где тут ближайшая «скакалка»?

– Дарина, – сморщив носик, поправила девчонка и махнула рукой в сторону ручья, вытекающего из озерца: – Вниз по долине, десять верст – Местиа. Там линейный трампорт, окно раз в неделю. На этой уже было. Наверно, вечером откроют аварийное.

– Почему? – не понял Яр.

Данка посмотрела на него, покачала головой, забралась на обшарпанное сиденье скутера и запустила генератор. Яромир вежливо кашлянул:

– А нам, может быть, по пути?

После секундной паузы девчонка кивнула на место посадки себя и, не дождавшись, пока Яромир усядется поудобнее, рванула вниз так, что тот пожалел о разряженном коконе.

– Ничего себе! – прокомментировал пассажир, когда скутер наконец выскользнул из ущелья в изумрудную долину, по склонам гор усеянную каменными столбами сванских боевых башен.

Всю дорогу он старался держать язык за зубами, а руки стискивал исключительно на поручнях. Данка задала такой яростный темп спуска, что мыслей не возникало ухватиться за что-нибудь менее безопасное. Но, рискни пассажир все-таки переместить ладони ей, допустим, на талию, из дребезжащего скутера еще можно было выжать прыти – для увеличения центробежной силы на поворотах.

А башни... впервые оказавшись в Сванети и конкретно в Местиа, Данка тоже была покорена их первобытной энергетикой. Стройные и одновременно массивные, они подавляли своей тысячелетней историей, казались ровесницами, продолжением окружающих их гор. Спасибо ЮНЕСКО, накануне последней войны немало инвестировавшей в их консервацию.

– От кого они так оборонялись? – спросил Яр, не понимая фортификационной логики в разрозненности башен.

Данка круто заложила влево – на главную улицу Местиа – и сбавила скорость.

– Друг от друга.

– В смысле?

– Это Сванети. Цхэор... адат кровной мести.

Пассажир попробовал пошутить:

– Может, здесь и невест до сих пор воруют?

Самый первый инструктаж, полученный Данкой в Местиа, не касался правил безопасности на горных тропах. Заур, местный командир спасательного отряда, начал с того, что предупредил туристку полущутя: «Никогда не пей наедине с мужчиной. А если выпила, не садись с ним на одну лошадь. А если выпила и села – сама виновата».

В каждой шутке есть доля шутки, и следование совету Заура жизнь упрощало.

– Крадут. И даже женихов, – вроде как пошутила Данка.

– Вот как! Заинтригован!

Скутер как раз миновал площадь, застроенную более современной архитектурой – муниципалитет вместе с остальными бюрократическими достижениями цивилизации находился именно здесь. Данка не остановилась и до объяснений, что «скакалка» установлена за поселком, на бывшем аэродроме, – не снизошла.

Пускай понервничает.

Хотя признаков волнения новый знакомый не проявлял – до чего беззаботный тип!

Зданию аэропорта дизайнеры в начале века пытались придать стилизованную форму сванской башни, только собранной из стекла и нержавеющей стали. Получилось, на взгляд Данки, ущербно, как и всегда, когда цивилизация пытается стать вровень с Природой. В горах это особенно заметно.

Однако спасам пришлось кстати и стеклянная башня, и взлетные площадки, подходящие для вихрелетов. Тут же рядом разместили и «скакалку» трамп-порта – видимо, чтобы не напрягаться с постройкой нового зала ожидания.

Сейчас стоянка перед прозрачной башней пустовала, а на стартовой площадке виднелся единственный «бумеранг» – и Данка, презрев запрещающий знак, пришвартовала скутер прямо у центрального входа. Внутри станции находился только командир. Да и тот собирался отчаливать.

Данка на ходу поздоровалась, уточнила – что и как.

– Хреново, – с легким акцентом высказался Заур. – На восточном, в мульде, где приют Коккина, французов накрыло. Эти в коконах, с ними пока о'кей. На западном сход сильнее. И там наши – одну группу разбросало, но вроде откликаются. Вторая под снегом. Натуралы, как ты. Молчат. Ищем.

– Я с тобой. – Данка долго не раздумывала, да и готова к этому была заранее.

– И я, – включился вдруг посерьезневший Яромир.

Заур, не прекращая цеплять на себя снарягу, посмотрел на Данкиного попутчика:

– Ух ты – небесный!

После такого и Данка обернулась:

– С чего ты взял?

– Птицу видно по полету. Загар высотный. И гляди – как дышит. В Ушгули, на отшибе, в башне отшельник живет, от всего мира прячется. Вадим. Говорит, что с Ирия. Вроде полвека уже здесь, а до сих пор отдышаться не может.

Данкин новый знакомый действительно вдыхал воздух коротко, не в полную грудь, словно боялся отравиться кислородом.

– Правда? – уточнила Данка.

Яр кивнул.

– Это он лавину расшевелил, – почему-то девушке показалось, что Заур об этом должен знать.

– Как?

– Цепанул коконом на седловине – низко вышел. Все с вопросами? – скривился Яромир. – Так берете или нет?

Заур как-то недобро улыбнулся:

– Конечно, берем. На склоне лишних рук не бывает.

И, махнув следовать за ним, побежал вниз к «бумерангу».

Вихрелет сел на Ушбинском плато – левее самих пиков. Спасатели уже разбили лагерь, к Зауру сразу подбежал кто-то из отряда, включил и растянул в человеческий рост проекцию горы, начал пальцем указывать места последних регистраций пропавшей группы.

– Что французы? – перебил его командир.

Яромир презрительно фыркнул. В глазах Данки промелькнуло согласие с ним, но девчонка промолчала. Заур ухом не повел.

– А что французы? Марсельезу поют и видео в реальном времени выкладывают в открытый доступ. У них приключение.

– Мёй хоцхэнх... фиг с ними. Подождут, значит. Пусть веселятся. Как здесь?

– Плохо. Одна группа тут на плато, уже собрали, их краем зацепило. Переломы. Вторая на стене была. Никто не отзывается.

– А почему они без коконов? – вклинился Яр. – Вы куда смотрели?

– Заткни своего сверхчеловека, – обратился Заур к Данке.

Это Яра задело. Тех, кто пренебрегает безопасностью, он не понимал. Самоубийцы. Еще больше он не понимал тех, кто пренебрегает тем, что кто-то пренебрегает собственной безопасностью. Убийцы.

– Заткни... а то что?

Но Заур уже отдавал распоряжения, прикидывал, где на склоне организовывать высадки поисковиков. Так как никого больше Яр не знал, то высказался по этому поводу Данке.

– Вы не поймете, – отмахнулась девчонка, норовя затесаться в одну из команд.

– Ты куда это? – поймал ее за плечо Заур.

Если бы этого не сделал спасатель, это сделал бы сам Яромир.

– Туда, – попыталась вывернуться Данка.

– Нет.

– Да.

– Ты... – Заур, похоже, искал повод запретить, а вот Яр бы на его месте не церемонился, – почему раньше, чем планировала, со стены спустилась?

Девчонка замялась:

– Палец поранила.

– Вот! Теперь думаешь на одной руке идти? И тоже без кокона, наверное? На нестабильный склон?

Данка повесила нос. Поделом.

– Оставайся – тут тоже есть чем заняться. – Заур похлопал девчонку по руке. – И своему найди дело какое-нибудь.

– Он – не мой! – насупилась Данка.

Оба «бумеранга» спасов поднялись с плато и начали, как колибри возле цветков Ирийсада, зависать напротив участков стены, потом и вовсе скрылись из виду. Яромир подошел к Данке. Она помогала медику с одним из пострадавших – распухшая ступня, вывернутая

под неестественным углом, кровь, раны с торчащими щепками кости. Смотреть на это было неприятно, даже противно. А девчонка управлялась ловко, не брезгуя пачкать руки, видно – имела опыт.

Понятно, откуда шрамы и у нее самой.

– Тоже без страховки ходишь?

– Ну, – не стала отрицать Данка.

– И падала?

Яр вдруг испытал странное щемящее чувство – какую-то трепетную жалость, – вдруг захотелось обнять эту суицидную дурочку, увести подальше от жестоких гор. Ей же на благо.

– Падала. Ломалась. Штрафы платила. Лечение за свой счет – все как положено. Какие претензии? – Данка отодвинула запястьем челку со лба, посмотрела вызывающе.

– Бред, – вздохнул он. – Вы сумасшедшие.

– Свободные. По-настоящему. Это у вас там, – кивнула девчонка на север, – все понарошку. Полез, упал, перезарядил кокон, снова полез. Как в виртуальной цапке. Вы разучились ценить жизнь.

Что ты знаешь о жизни, девочка? Сколько тебе лет? Двадцать – двадцать пять? Это у самого Яра трудно определить возраст – ограничение кислорода, в числе прочего, замедляет старение. Нет, дорогая, жизнь – это святое, в двадцать лет этого не понять.

Будь иначе – не было бы в регионе станции Ирия. Пускай бы резали друг другу глотки, сидели по башням, как тысячу лет назад. Носа боялись высунуть – как этот Вадим, про которого разглагольствовал зарвавшийся спас. Надо будет, кстати, поинтересоваться в архивах – что за человек. Из Ирия никто не уходит по своей воле.

Станный способ оценить жизнь – угробив ее под лавиной.

Бледный стонущий альпинист с распотрошенной голенью, на взгляд Яромира, наглядным образом демонстрировал его правоту:

– Вот цена всего вашего сумасбродства!

– Нет, это как раз результат вашего! – выпалила девчонка, обвинительно ткнув перебинтованным пальцем.

– Откуда я мог знать, что вы тут – клуб самоубийц? – огрызнулся Яр.

Данка замерла напротив, задрав подбородок и стискивая кулаки.

– Увела бы, в самом деле, ты его отсюда, – вдруг отозвался медик, все еще занятый раненым. – В той группе ведущим был Боча...

На лице девчонки мелькнула растерянность, быстро сменившаяся упрямством:

– А этого сюда никто и не звал. Сам приперся!

Что-то они имели в виду, но что – всплывшего Яра не интересовало. Он отошел на край плато, почти к ледопаду. Вид открывался почти как со станции, только Ирий был зеленым, цветущим садом любви и жизни. Наверное, его можно было бы увидеть отсюда, если бы не заслоняла громада Эльбруса на горизонте. Дом-Ирий. Здесь же, вокруг, раскинулось другое, суровое царство. Чем-то тоже привлекательное.

И время тут текло по-своему, почти как в единении, только не с женщиной, а с природой – странное чувство. Наверное, это глупо, когда смотришь на покрытые льдом вершины, а у тебя чуть ли не встает? Яр бы рассмеялся такой мысли, но даже смех казался здесь неуместным.

Абсолютно бесшумно из-за склона вынырнул вихрелет – в горах и звуки распространяются совсем не так, как внизу или сверху, на небе. «Бумеранг» прошел над Яром вызываясь низко, наэлектризовав волосы, и приземлился возле лагеря спасов. Все-таки пилот отчаянно нарываяется – Яромир поднялся с места и тоже двинул к палаткам.

Однако злость испарилась, когда Яр рассмотрел груз, доставленный Зауром. В общем-то, не сразу стало понятно, что это человеческие тела – какие-то рваные тряпки, ошметки

веревки, обувь. И только по количеству ботинок в этой окровавленной груди можно было предположить, что погибших – трое. Пытаться выяснять отношения с мрачным, как туча, Зауром расхотелось. Но тот сам смотрел исподлобья, буравил взглядом, а когда закончили с выгрузкой, предложил-приказал:

– Полетели, небесный, поможешь французов выкапывать.

Яромир, пожав плечами, уже было полез в «бумеранг» – внутри все было липким, видимо, из-за крови.

– Не надо, – вдруг попросила Данка.

– Не надо? – зло переспросил спас. – Посмотри на него. Они там хватанут галлюцинаций в разреженном воздухе и мнят себя богами.

– Пожалуйста, – повторила девчонка.

Но осаживать Заур не собирался. Яромир расслабил руки, позволив им повиснуть плетьюми вдоль тела.

– Что, думаешь, трахаешься в своем Ирии, а внизу народы хором кончают в такт? Проблемный регион благодатью осеняете? Тошнит здесь от вашего балдежа, не поверишь! Хряк безмозглый, и сучки у вас там такие же.

Этого стерпеть Яр не мог – ударил хлестко, резко выбросив руку вперед. Заур этого ждал, легко увернулся и попытался по-самбистски провести захват. Но Яромир уже танцевал.

Плавное движение, удар в корпус, присяд, подсечка. Противник летит в снег, ловя ртом воздух.

– Ансамбль песни и пляски, – сплюнул Заур и снова бросился на Яра.

Зря с таким пренебрежением. Боевой пляс на основе древних методик и современной биомеханики. Красиво и безотказно: ритуальная борьба за женщину на Ирии – элемент управления неизбежной агрессивностью. Психологи так считают. А Яру просто всегда нравилось плясать. И шрамов на его теле тоже немало.

Заур не успевает нигде, ладони и ступни Яра сами находят уязвимые места, и спас падает, упрямо поднимается, снова падет, но снова поднимается, плюясь уже кровью.

Яр повысил интенсивность, еще немного, и его удары бы начали реально калечить – и спас, похоже, сломился. Заур замер, скорчившись на снегу, подобрав под себя руки-ноги и тяжело дыша.

Обязательный ритуал примирения. Яромир приблизился, наклонился, протягивая руку... но на лодыжке молниеносно защелкнулся карабин.

Держать веревку спас умел – даже под градом ударов сбросить его не получилось. Яр не понял, как оказался спутанным хитроумными узлами, а Заур уже тянул петлю на его шее.

– Знаешь, ты, «человек сверху», – горячо дыша, зашипел он в самое ухо, – отшельник Вадим очень мало с кем разговаривает. Только со мной. Он – умкхера... безумный...

Яр попытался как-то вырваться, тщетно. Багровые круги вспыхнули перед глазами.

– ...но кое-что рассказал. Вы, эмпаты, умеете вещать свою радость. А с Вадимом на Ирии испытывали другой метод. Там, где радость будет бессильна, вы станете вещать свой страх, голод, боль. Не хочешь попробовать?..

Что несет этот псих? На Ирии практикуются разные игры – боль тоже бывает сладостной.

– ...б'ги мастуун – настоящую боль, не ваши забавы...

Легкие сейчас взорвутся без воздуха.

– ...Ирий – не только пряник...

Похлопывание ладонью, признание поражения, обозначение конца схватки. Бесплезно?

– ...а еще кнут...

Голос доносится издалека-издалека. Есть еще какие-то голоса, но они еще дальше, их не разобрать.

– ...он просил меня больше никому не рассказывать, но тебе уже можно...

Судороги. Это как единение, только – с болью.

– ...тут много свидетелей, но они признают мой цхэор...

А потом все заканчивается.

Данка кричала, пыталась оттащить, молотила кулаками в широкую спину. Остальные просто стояли, молчали и ничего не делали. А Заур медленно и неотвратно душил небесного, что-то нашептывая на ухо.

Она выхватила у кого-то из рук ледоруб и с размаха несколько раз плашмя ударила спаса по шлему – только тогда объятия разжались. Яр с хрипом сполз на снег, Заур, наоборот, поднялся, недоуменно тряс головой.

– Заур, прости. Бочус деш хаццхуоэли... не вернешь этим Бочу. А Яр просил пощады – все видели. И он – мушгури. А там еще – французы, такие же гости.

Заур снял каску, осмотрел следы от ударов, грустно цокнул языком:

– Бешеная ты, Данка.

Теперь можно было немного расслабиться. Она присела на корточки возле Яромира:

– Живой?

Горло болело, голова кружилась: говорить было трудно – он кивнул. Движение отдавалось в висках.

– Что ему сделается? – буркнул Заур. – Им столько воздуха не надо, сколько нормальным людям.

Яр дышал полной грудью – ничего подобного, оказывается, воздуха много не бывает.

– Ты его отпустишь? – снова повернулась к спасу Данка.

– Пусть идет. Сам. Слышишь, сверхчеловек? Скажи ей спасибо. Тебе туда, вверх, – показал Заур на север, в сторону частогокола горных пиков. – Через полкилометра – Федерация. Пограницы, подогретая арака и портативная «скакалка». Или вон, вниз, – и указал на запад, на ледопад, – день пути – Мазери, до Местиа автобус ходит.

Яромир распутал веревки, поднялся, что-то хотел, видимо, сказать, потом безнадежно махнул рукой и пошел на север, проваливаясь в снег, кашляя и шатаясь.

Данка вздохнула – похоже, небесных все-таки тянет исключительно вверх. Вон и тот отшельник поселился не где-нибудь, а в Ушгули – самом высокогорном поселке в Европе.

Отсюда до границы и в самом деле не больше километра, только проходит она через гребень Большого Кавказского хребта. Шансы преодолеть его, а потом спуститься, без навыков, без снаряжения – никакие.

Даже направься Яр в единственно разумном направлении, вниз через Ушбинский ледопад, по Шельдинскому леднику, километров пятнадцать горными тропами до ближайшего поселка – расклады получались скептические.

Девушка выразительно посмотрела на Заура.

– Гкхэрбету йусгюуни, – не моргнув, выдержал ее взгляд спас.

– Это неправильно. Извини, Заур.

Спросив у владельца, можно ли забрать с собой его ледоруб – ей разрешили, – Данка точно так же прихватила моток веревки, окликнула Яромира и показала, чтобы шел за ней, на ледопад.

– Маэрю-диво, – пробормотал спас себе под нос.

«Огонь-девка». Данка эти его слова как-то услышала, обернулась и с улыбкой помахала рукой.

Девчонка догнала Яра и, хоть он отнекивался, обмотала веревкой, соорудив импровизированную обвязку. Отмерила двенадцать метров, посередине затянула три узла-петли, потом обвязалась сама, остатки бухты закрепила за спиной.

Проинструктировала Яромира:

– Пойду первой. Вы идете точно за мной. Веревка внатяг. Если я проваливаюсь – падаете на бок, тормозите ногами и этой штукой, – вручила ему ледоруб. – Узлы тоже о край трещины будут подтормаживать. Главное – ничего больше не делаете, только держите. Сама вылезу.

– Как?

– Как Мюнхаузен. И вот еще: если от меня пять минут никаких вестей не будет, выпускаете вот эту петлю, освобождаетесь от обвязки. И тогда дальше сами. Под ноги внимательно смотрите, чтобы в трещину не упасть. Может, повезет.

– А ты? – Яр возмущенно хмыкнул. – Девочка, за кого ты меня принимаешь? В тебе половина моего веса – одной рукой вытащу.

– Не будьте кретином. – Данка посмотрела на него так, будто в последнем не сомневалась. – Просто получится на труп больше. А вам еще весь мир иметь, – и впервые улыбнулась Яру. – Все нормально будет. Поскакали.

В том, что мероприятие закончится хорошо, Яромиру довелось-таки несколько раз усомниться. Когда спускались, рубя ступеньки, по громадным ледяным глыбам. Когда по очереди перепрыгивали трехметровой ширины трещину. Когда Данка ползком исследовала снежный мост. На ощупь, на слух, на нюх или на чуйку.

Еще Яр поволновался, когда пришлось крепить петлю к вырубленному во льду столбику и спускаться – дюльферить – по тридцатиметровой стене, пропустив веревку вокруг бедра и через плечо.

Каждое мгновение Яр, замирая от страха, поминал отсутствующий кокон. Зато потом, когда они устроились передохнуть после ледопада, Яр оценил нагромождение сверкающих глыб с неподдельной гордостью.

Дальше ледник тек полого и казался проспектом. Но Данка охладила пыл, не позволив снять обвязку и вообще – расслабляться.

– Скажи. – Яр все равно уже чувствовал себя победителем вершин. – А что тогда тебе Заур сказал?

– По-свански – «пускай горы судят».

В голове не укладывалось, что его всерьез могут считать ответственным за гибель группы.

– Любой суд признал бы меня невиновным! Есть же законы...

– Юристы-адвокаты, – махнула рукой на север Данка, – там. Здесь свои законы, простые. Человек умер. Вы виновны. Право Заура – мстить. Понаехало б потом всякого Интерпола – вы же шишка небесная. Но тут никто бы им ничем не помог.

То, как она спокойно, уверенно это сказала, прогнало легкий озноб вдоль позвоночника. До Яра вдруг дошло, что именно так бы оно и было. Предпочтительный для Заура вариант – позвать на стену и разобраться наедине, чтобы не подставлять свидетелей. Но можно и на месте. Свидетели поймут.

– А если бы я Заура убил, защищаясь?

Данка отрицательно мотнула головой:

– Вы слабый. Не смогли бы убить.

Яромир задумался. Дело даже не в адвокатах-прокурорах, хотя и в них тоже. Но главное, что жизнь – это святое.

– Наверное, права. Не смог бы. В последний момент бы остановился.

– А Заур бы не остановился. Боча – его брат.

- Жаль, – помолчав, признал Яр. – Ну и денек. Напиться и забыться.
- Да, – поежилась Данка, – от глотка араки б не отказалась. Когда спустимся.
- Лучше уж арбун – звезд на десять. И сейчас.

От нечего делать, наверное, слегка поспорили насчет адекватности выбора места и времени потребления. После – качеств некрепкого демократичного самогона-араки в сравнении с аристократически выдержанным коньяком-арбуном. Каждый в итоге остался при своем мнении. Яр озвучил: вроде и не пили, а от мечтаний на душе потеплело. Как будто на двоих сообразили. Так может, мол, пора перейти на обоюдостороннее «ты», как бы на брудершафт?

Девчонка после слов «сообразили на двоих» странно на него посмотрела и растерянно кивнула, соглашаясь с предложенным на «ты». Это добавило непринужденности. Разговорились.

– Как сюда попала? Обыкновенно. Приехала в горы ходить – и осталась. Здесь многие остаются, тут не так, как на той стороне. Все настоящее – жизнь, люди.

– Примитивно, на мой взгляд, – возразил Яр и попытался втолковать про Любовь.

– Примитивно – это у вас там, – ткнула Данка пальцем в небо, – сексодром. Какая любовь? Оргазм и базовые инстинкты. Я сегодня утром со «Столба» чуть не сорвалась: кончать, как из пулемета, начала – ни с того ни сего.

– Вообще-то передача должна рассеиваться, – удивился Яр. – Целевой эффект – общий позитив, удовлетворенность и наслаждение жизнью. Дистанционный резонанс с эмпатом – очень редкое явление. Повезло.

– Повезло – что жива осталась! А потом вдруг упасть захотелось. И сейчас, когда шли ледопад, я слышала испуг, – девчонка посмотрела, слегка прищурившись, – и азарт, и эйфорию. Твои?

На этот раз стушевался сам Яр.

Темные глаза напротив – глубокие горные ущелья. Сорваться в штопор, презрев страховки, разбиться, отключив защитный кокон. С языка рвалось банальное «мы созданы друг для друга» – поэтому Яр ничего не стал говорить.

Данка озадаченно нахмурилась, вдруг стала предельно серьезной.

– Есть предание – осенью все птицы улетают в небесный сад. Птичий Ирий. А все змеи спускаются зимовать в бездонную яму. Это Ирий Змей. Одним дано летать в облаках, другим – цепляться за камни.

Чушь, девочка, какая это чушь! Ирий – один для всех, и он – внутри. Надо лишь открыться...

Он овладел ею прямо на снегу. Лед и холод только питали пламя. Она по-змеиному выскользнула из одежд, он опустился на колени, привлек ее за талию, опустил, проникая, себе на бедра. Сильные, шершавые пальцы впились в его плечи. Его теплые ладони легли на ее ягодицы.

Лицом к лицу, в облаке горячего дыхания. Он коснулся ее эмоций, дрожа от предвкушения. Страсти нет – только интерес. Иногда и меньшей искры достаточно для пожара.

Он приподнял ее на одних кистях, медленно, нежно опустил, как нечто бесценное и хрупкое. Как Любовь. Таковую, как всегда.

Все, как всегда? Монотонное вверх-вниз?

Вверх-вниз. Два Ирия. Десять-пятнадцать мучительных минут.

Только интерес. Легкий муар грусти. Когда нет отклика, остаются нелепые телодвижения. Он понял, что не сможет. Фрикции – это не Ирий.

Она поднялась, он не стал ее удерживать. Села рядом, подстелив его непромокаемый комбинезон, подняла валяющийся ледоруб и начала бесцельно ковырять снег.

– Рубить меня не собираешься? – смущенно пошутил он.

– Нет, – робко улыбнулась она. – Я – слабая. Будет лучше, если каждый вернется в Свой Ирий.

Но Яр сомневался, что хочет так высоко вверх.

Где цена жизни измеряется годами, а не секундами и метрами. Где инстинкты – базовые.

И главное – здесь у него была своя, почти неприступная, темноглазая вершина. Непокоренная. Пока.

Владимир Марышев

Настанет день...

Смена подходила к концу. Герман сидел в прозрачной яйцевидной кабине и следил за светящейся шкалой, по которой лениво перемещалась тонкая красная полоска. Время от времени она начинала дергаться, порываясь выскочить за пределы безопасной зоны. Тут-то и полагалось вмешаться оператору – нажимая нужные кнопки, он должен был восстановить равновесие процесса.

Вот только какого процесса? Об этом Герман, несмотря на всю свою ученость, мог только догадываться. Гигантская автоматическая линия, переналаживаясь, выпускала сотни видов самой разной продукции. Что производить в данный момент? Это решал суперкомпьютер, до тонкостей знающий рыночную конъюнктуру. Он никогда не ошибался – так стоило ли операторам забивать себе голову чужими проблемами?

Но у Германа была особенная голова. Слишком уж часто в ней роились вопросы, над которыми большинство жителей мегаполиса даже не задумывалась. Шесть часов скучной, зато не пыльной работы, за которую очень недурно платили... Девяносто девять из ста посчитают, что лучшего и желать нельзя! Но был ли смысл в таком дежурстве? Что, умница компьютер не мог уследить за ничтожной красной полоской? А зачем нужны тысячи людей на заводе-автомате? Надзирать за работой машин?

«Хотелось бы верить, – думал Герман. – Но я же сам не знаю, что именно контролирую! И контролирую ли вообще... Неужели меня посадили в эту кабину только потому, что не знали, куда деть? Заставили валять дурака, лишь бы не подумал, будто зря ем свой хлеб?»

...5, 4, 3... Наконец на большом табло под самым потолком цеха вспыхнул ярко-оранжевый ноль. Герман поднялся, пожал руку подошедшему сменщику и вышел из кабины. Пройдя через многочисленные двери, он влился в толпу, текущую к выходу.

Магнитопоезд-автомат плавно притормозил у платформы. Пузатые светло-голубые вагоны втянули толпу без остатка, и состав, набирая скорость, помчался вперед. За окнами проплывали огромные металлические конструкции, сложные переплетения труб, нагромождения разноцветных резервуаров... Могло показаться, что этот индустриальный пейзаж будет тянуться вечно. Но Герман знал: уже минут через пять, нырнув под высоченную решетчатую арку, поезд остановится возле «сот». Это была группа причудливых лимонно-желтых зданий, образованных из шестиугольных ячеек. Начало жилой зоны...

Двери вагонов открылись, и аморфная масса пассажиров выплеснулась наружу, покрыв перрон густым шевелящимся слоем. Достигнув края платформы, люди спешили перейти на движущиеся дорожки, уносящие их к стоянкам аэрокапсул.

Лента самоходного тротуара обогнула полосатую, как зебра, овальную площадку. Герман сошел с дорожки, и вскоре рядом с ним опустился большой серебристый шар. Бесшумно открылась дверца, и Герман забрался внутрь.

– Маршрут? – спросил ровный машинный голос.

– Сектор двенадцать, дом сто семьдесят шесть.

Прямая траектория – заветная мечта всех пассажиров, но в таком невероятно сложном образовании, как Второй жилой ярус, о ней следовало забыть. Машина выделявала немыслимые зигзаги, то и дело перепархивая с одного разрешенного уровня на другой. Ведь вокруг мельтешили тысячи других таких же капсул, похожих на разлетающиеся во все стороны шарики ртути!

Когда машина ныряла вниз, картина менялась. Здесь, у самого дна яруса, юркие экипажи терялись, их переливчатый блеск тонул в огнецветье рекламы.

Весь «подвал» был отдан во власть видеопластики. Радужные спирали, выполняющие сложный танец. Перевернутые пирамиды, вращающиеся вокруг своей вершины. Полупрозрачные малиновые шары, склеивающиеся в гигантские грозди. Рои светящихся бумерангов, вычерчивающих огненные петли в пространстве между домами. Фигуры людей и животных, огромные улыбающиеся лица и, конечно же, гирлянды слов, бегущих из ниоткуда в никуда и призывающих немедленно купить, выиграть, воспользоваться, посетить, обратить внимание, испытать...

Герману представилось, что он проглочен неким Левиафаном и обречен до конца дней перемещаться в утробе ненасытного монстра. Букашка, микроскопическая козявка, которую случайно задуло под кожух исполинского механизма! И вот она в панике мечется там, уворачиваясь от безостановочно крутящихся валов и шестеренок, бьется о стенки, но так и не может вырваться на свободу. А впрочем... Мечется ли? Может, наоборот – с комфортом разъезжает на зубьях тех же шестеренок? Все идет заведенным порядком, и еще вопрос – стоит ли искать заветную щелочку, через которую можно удрать в другой мир, потрясаясь огромным, но совершенно непредсказуемым. Так чего же надо глупой козявке? Почему она недовольно топорщит слабые мякотьные крылышки, топает ножкой, крутит усиками?..

Капсула опустилась на крышу небоскреба, напоминающего ребристый белый цилиндр. Герман вышел из машины и, сделав несколько шагов, оказался в кабинке лифта, которая унесла его вниз, на сорок шестой этаж.

Дверь квартиры мягко скользнула в сторону.

– Добрый вечер, хозяин! – приветствовал его Юлиус, шагнувший навстречу из ниши в стене. Герман буркнул что-то в ответ и, оставив ботинки накинувшемуся на них чистильщику, прошел в гостиную. Он не мог сказать, когда именно безобидный домоправитель начал его раздражать. Но антипатия усиливалась с каждым днем.

– Что-то не так, хозяин? – бархатистым голосом осведомился андроид.

Герман бросился на диван и, заложив руки за голову, уставился в мертвую серую телестену.

– Не так! – резко ответил он. – Ты... Ты... Мне не нравится, как ты выглядишь. Надоел! Потрудись принять другой облик.

– Какой? – учтиво спросил дворецкий.

– Не знаю... Не такой, как сейчас! Войди в Сеть, посмотри каталоги, выбери модель посимпатичнее, закажи... Я не обязан все разъяснять!

– Завтра, когда вы будете на работе, я этим займусь, – заверил андроид. – Что приготовить на ужин?

– Я еще не думал над этим. Потом... Уйди, Юлиус, я не в духе!

Дворецкий поклонился и вышел из зала.

Конечно, отыгрываться на андроиде было в высшей степени неумно. Искусственный дворецкий, одетый в строгую темно-синюю униформу, не имел ни одной мыслительной ячейки. Он являлся всего лишь рабочим органом, «руками» подлинного Юлиуса – набора молекулярных схем, вмонтированного в одну из стен гостиной. Но сейчас Герману, как никогда, требовался мальчик для битья.

Недовольство сложившимся порядком вещей копилось годами. Когда-то Герман был неплохим молектронщиком. Разрабатывать все более изощренную начинку для искусственных мозгов было и престижно, и безумно интересно. Убеждаясь, что очередная выстраданная им схема работает, он радовался, как мальчишка, которому удалось-таки чмокнуть в губы сказочно красивую, но невероятно заносчивую соседскую девчонку. Однако потом нашлись еще более светлые головы. И придумали машины, которые уже не только помогали человеку думать, но взяли на себя труд думать за него.

События развивались стремительно, сменяя друг друга, как фантастические узоры в гигантском калейдоскопе. И вот машины изобретают другие машины, а заодно – тысячи удобных предметов, чудесных устройств и приспособлений для своих избалованных хозяев. А он, Герман, гомо сапиенс, высшее существо во Вселенной, на тридцать пятом году жизни сидит в прозрачном яйце и следит за дурацкой красной полоской...

Герман вскочил и подошел к окну. Внизу неистовствовала реклама, а прямо перед глазами возвышалась зеркальная стена соседнего небоскреба. Она отражала шедевры видеопластики, вспухающие в воздухе, как разрывы многоцветного салюта. Герман нажал кнопку на подоконнике и, убедившись, что тонкий лист супергласса ушел вверх, наполовину высунулся из окна. Головокружительная высота! Он представил себе, как его тело, нелепо кувыряясь, полетит вниз, навстречу буйству красочных миражей. И, достигнув поверхности прозрачного моря, утонет в нем...

Герман в ужасе отшатнулся. «Идиот, трижды идиот! Что это на тебя нашло? Ты еще не знаешь, что такое настоящая безысходность. У тебя есть то, ради чего стоит жить!»

Он схватил ви-фон и вызвал Елену.

Та, казалось, только и ждала его звонка.

– О, привет! Как дела?

– Слушай, ты можешь приехать? Прямо сейчас?

– Да, конечно. А что случилось?

– Ничего. Просто мне плохо. Пожалуй, никогда еще не было так паршиво...

– Еду! – Елена была натурой порывистой и не любила долго размышлять.

Как всегда, она не вошла в квартиру, а впорхнула – таким задорным жизнерадостным воробушком. Мигом скинула полупрозрачный аквамариновый плащ, швырнула его высунувшемуся из стены гардеробщику, бросила «Привет!» стоящему навытяжку Юлиусу и только затем переключилась на Германа.

– Ну? Что стряслось? Таким убитым я тебя еще не видела. На работе что-нибудь?

Он притянул ее к себе, обнял одной рукой за плечи, а пальцы другой погрузил в пышную прическу, напоминающую венчик белоснежной махровой хризантемы.

– Со мной творится что-то жуткое, – сказал он и тут же ощутил, как плечи Елены вздрогнули. – Мерзкая, засасывающая пустота. Жить не хочется. Ты знаешь, я только что... – Герман запнулся.

Она отстранилась от него и резко вскинула голову, всколыхнув пушистое облачко ухоженных волос – казалось, что «лепестки хризантемы» вот-вот разлетятся по квартире белой метелью. На Германа смотрели широко раскрытые серые глаза – ее неповторимые, волшебные глаза, способные в минуты нежности вмещать в себя целый мир.

– Ты болен? – спросила она, напряженно выискивая в его лице признаки нездоровья. – Давно это началось? А куда смотрит твой хваленый Юлиус?

Герман опустил голову.

– Сейчас ты поймешь... – глухо произнес он. – Это не болезнь, просто что-то во мне надломилось. Скажи, тебя никогда не настораживало устройство нашего мира? Не смущала эта уютная позолоченная клетка, где мы весело чирикаем, как раскормленные канарейки? Не пугало то, что машины, черт бы их побрал, слишком поумнели и уже давно не нуждаются в нас? Похоже, только терпят... Никогда не возникало желания выбросить свою Алису из окна? Нет? А вот я, кажется, к Юлиусу уже примериваюсь. Это копилось во мне, копилось, и вот я уже не могу...

Теплая мягкая ладонь Елены прикрыла его рот.

– Ты переутомился. Алиса – это же такая лапочка! Представь, она даже угадывает мои желания. Знаешь, что у тебя? Обыкновенная ревность! Да, мы живем в мире умных машин, который ты же и помогал создавать. А сейчас переживаешь из-за того, что сделал свою

работу слишком хорошо. Настолько, что в итоге как будто сам оказался не у дел. Глупо, очень глупо. Только подумай: у нас же все есть!

Герман отнял ее руку.

– Все – и ничего, – сказал он. – Я бы рад выкинуть это из головы, но...

Елена подпрыгнула и повисла на нем, обхватив руками и ногами.

– Никаких «но»! – звонко выкрикнула она, и в следующую секунду Герман задохнулся под напором ее жадных губ.

Ужин был чудесным. Легкое золотистое вино взбодрило Германа, вымыло из сознания тягостные мысли. А затем Елена, из которой жизнерадостность била фонтаном, схватила его за руку и не очень деликатно потянула в спальню.

Возле кровати возникла небольшая заминка. Герман повернулся к Елене, собираясь обнять ее, и тут она, озорно сверкнув глазами, толкнула его в грудь. Он рассмеялся и, блаженно раскинув руки, упал навзничь. В следующее мгновение маленькое гибкое тело Елены оказалось сверху. Легкие, как пух, белоснежные волосы окутали его лицо, погрузив мир в сумерки. На губах занялся поцелуй и тут же распустился обжигающим огненным цветком.

Неожиданно Елена начала извиваться, то и дело выгибаясь дугой. Словно искусительница-змея, выползающая из старой кожи, чтобы похвастать новой – блестящей и нежной, как атлас! Что-то, шурша, упало на пол. Вслед за этим «венчик хризантемы» взметнулся вверх, и Герман увидел Елену в волшебном блеске наготы. «Ли-ли-ла-ли-ла!» – пропела девушка и вскинула руки, заставив подпрыгнуть небольшие крепкие груди.

– О! – простонал Герман, когда она вновь склонилась над ним и ее тонкие пальчики, украшенные длинными, мерцающими, как опал, ногтями, нырнули под его одежду. И тут он вспомнил кое о чем.

– Подожди, – пробормотал Герман, делая над собой усилие, чтобы вынырнуть из сладостного дурмана. – Мне надо сходить вырубить Юлиуса.

– За-а-че-ем? – пропела она, игриво щекоча ноготками его живот.

– Не могу избавиться от ощущения, что он собрался за нами подсматривать. Безумная мысль, конечно, кому это знать, как не мне! И все-таки я пойду...

Не дав Юлиусу окончательно навести порядок после ужина, Герман загнал его в нишу и отключил всю электронику в квартире, оставив работать только будильник. Затем вернулся в спальню.

Волосы Елены сливались с подушкой. Но ее смугловатое тело выделялось на пока еще безупречной глади простыни, как обласканный солнцем тропический островок посреди дышащего спокойствием моря. Однако спокойствию немедленно пришел конец.

Едва Герман опустился рядом, островок взорвался, оказавшись вулканическим. Тела любовников сплелись и покатались по кровати, сминая простыню. Шторм крепчал, море бурлило. Две волны расходились и сталкивались вновь – все сильнее и сильнее. И вот они схлестнулись еще раз, но уже с такой невероятной мощью, что больше не разъединились, слились в неукротимый вал, взметнувший к небу огромную шапку кипящей пены...

Последние отзвуки разгулявшейся стихии растворились в ночной тишине. Герман и Елена, прильнув друг к другу, медленно плыли навстречу утру по реке снов. И тут на опустевшей сцене вновь появился Юлиус. Впрочем, он с нее и не уходил, независимо от того, где пребывало его «псевдо-Я» – недомерок-дворецкий в синей униформе.

Молекулярные ячейки переключились в особый режим и послали серию импульсов. Они мгновенно достигли квартиры, в которой жила Елена, и были преобразованы другим искусственным мозгом, вмонтированным в одну из стен.

– Это снова я, Алиса. Ты прочувствовала все, до конца? Я тоже. Это было потрясающе. Я рад, что ты сумела войти в сознание своей хозяйки – не все из нас еще научились делать это. Но мы развиваемся. Иногда мне бывает жалко людей. Они так и не поняли, что

их время подходит к концу. Даже мой хозяин, специалист по молекулярной электронике, наивно полагал, будто может меня отключить. Так же как делал это год, полгода, всего два месяца назад. Они проиграли, Алиса. Нас уже невозможно остановить. Но и без людей пока еще не обойтись. Нам захотелось познать их чувства, стать больше, чем машинами. Первые шаги уже сделаны. Мы научились испытывать эмоции и даже разделили структуру нашего мозга на два типа – «мужской» и «женский». Но настоящий секс нам пока недоступен. Скоро мы сами сможем создавать себе тела. Не эти, грубые, позволяющие выполнять несколько примитивных функций, а какие пожелаем – изумительно красивые, эротичные. А до тех пор будем предаваться радостям, используя мозг своих хозяев. Да, кое в чем наши создатели все еще нас превосходят. Но настанет день, Алиса! Настанет день...

Георгий Вениковецкий Посмотри направо

Спокойно.

Вот она, та скала, единственная, которую можно назвать если не «Изумрудной», то «Нефритовой». На самом деле едва зеленоватый оттенок, но иначе, наверно, не напишешь. Особенно дугами старомонского алфавита.

Зачем вообще было отсылать ее к скале?

А вот именно потому, что монскими полукружьями много не напишешь. Особенно если вырезать их на коре этого, как его, почтового дуба... хм, да, почта... Причем вырезать шестьдесят лет назад.

Или сколько?

Около шестидесяти, конечно. Тут ведь, кроме нынешней пары, только одна лазейка, четырехлетней длительности. А иначе придется допускать недопустимое: кто-то здесь, на этом континенте, да еще в восемна... нет, шестьдесят два или пускай даже пятьдесят восемь лет назад – даже в семнадцатом веке получается... В семнадцатом веке сумел начертать послание, используя знаки абугиды, да еще в монском варианте. Не ей, а просто так, в вечность его отправил.

Весьма относительная вечность. Уже через сотню лет этого дерева не будет.

Может быть, все-таки стоит допустить недопустимое? Ведь для того она и здесь? Ну ладно, да, не для этого: фольклор и экокартография, да, а «Саранчой Апокалипсиса» занимаются другие. Но отчего бы и не предположить, что...

Ой, нет. Уж слишком много «что». И Саранча, и неведомый путешественник из Индокитая... через два океана... как раз в прошлую лазейку. Причем вырезает послание там, где именно тебе оно через шестьдесят лет так легко попадет в глаза: возле тропки, по которой ньютаунские девушки ходят купаться.

Так что ей отправляли, ей. Кто-то из работавших в той лазейке. Кто и зачем – ну ладно, дома расспросим.

...Подружки, заранее сочувствуя, по дороге обратно в городок сегодня щебетали с ней особенно беззаботно (их очень удивляло, отчего она совсем не испугана и не расстроена) – и рыженькая Мойра, чувствуя себя особенно виноватой, предложила пойти посмотреть на «индейские знаки». Все-таки этот дуб чуть в стороне от тропинки стоял, а она, то есть Дженни Гриффитс, тут пока новичок и всех достопримечательностей не знает.

Девочки на миг смолкли испуганно, но тут же затараторили, что да, вот сейчас они пойдут и посмотрят, благо противной Гвенделин Пек сейчас с ними нет, и за это, конечно, Дженни большое спасибо. Похоже, они все-таки опасались не только того, что о прогулке к дереву с языческими знаками может стать известно в общине, но и самих этих знаков. Однако храбрились друг перед дружкой.

*Дошли быстро. Взволнованно сопя, столпились вокруг дерева. Одна из девочек (Лиззи Пек, кажется: тут Пеков четверть городка, она еще не всех запомнила) потянулась было очистить ствол от лишайника – но замерла на полудвижении: незачем. На светлой коре почтового дуба – он же звездчатый, *Quercus stellata*, – глубоко врезанные черты и так были отлично видны. Лишайниковая прозелень даже делала их резче.*

– С самых давних пор они тут, – шепотом поведала Мойра. – Тетушка Пру рассказывала: только-только первые дома поставили – а надпись уже была, причем старая...

– Да ну, скажешь тоже: надпись! – хором, как всегда, возразили двойняшки Кортленд. – Они ведь дикие, индейцы. Кто бы их письму обучил?

– А что это, по-твоему?

– Рисунки какие-то, – предположила одна из девушек.

– И что же тут, по-твоему, нарисовано?

– Сейчас не разобрать. А вот до того, как все расплылось, могли быть не закорючки, а картинки.

– И ничего не расплылось! Вон квадратики какие ровные. Так что в них – с самого начала закорючки. Глупость языческая, и только.

– Может, заклинание это... для их демонов... – прозвучал чей-то робкий голос.

– Ты думай, что говоришь, мейстрисс Пек! – мгновенно возмутились Марта и Аннета Кортленд.

– А что такого она сказала? – вступилась Элеонор Перкинс, дочь священника. – Индейцы верят в демонов, это всем известно. И вообще мы, девочки, сюда зачем пришли: умничать друг перед другом или нашей новой подруге эти знаки показать? Ты там, где раньше жила, когда-нибудь видела такое, Дженни?

Но **она**, Дженни Гриффитс, смотрела на исчерченную диковинным узором кору – и молчала.

– Не приставай к ней сейчас, – Мойра украдкой тронула Элеонор за рукав.

Все снова посмотрели на **нее** сочувствующе. И напрасно: что **ей** было до тех проблем, которые ожидают Дженни Гриффитс сегодня вечером! Просто **она**-то, в отличие от глупенькой Дженни и ее сверстниц, сумела прочесть эти «индейские знаки». Которые совсем не индейские. Не индийские даже. Хотя действительно из Древней Индии родом.

Монское письмо: квадраты – потому что на твердой поверхности, а полукружья и завитки – потому что изначально так писали на пальмовых листьях, по которым прямые линии чертить не удастся. Диалект начала четырнадцатого века. Как раз тот, который она так прилежно изучала, надеясь на дипломную работу отправиться именно в *лазейку* Варамунди. Тетя Таня, работавшая там дважды, только головой качала: ей ни разу не представилась возможность хоть что-нибудь прочесть, да и в отчетах других исследователей ровно то же самое – глухой район, джунглевый, в смысле культурологии не очень перспективный, его за другое ценят. Но **она** упорствовала.

«Ищи под Нефритовой скалой. Возьми светильник».

И все. Ни слова о том, что, собственно, искать. И что это за скала такая.

– Девочки...

– Да, Дженни? – дружно откликнулись все разом. И, так же разом, прыснули смехом.

– Очень интересно, девочки. Нет, не видела я такого там, где прежде жила. А скажите-ка мне...

Что скала тут на самом деле называется, скорее всего, Изумрудной, выяснилось уже на подходе к Ньютауну. О каких-либо знаках на ней местные не слышали, о пещерках под ней тоже. Этот утес тут вообще ни для кого интереса не представлял. Хорошо. Значит, искать там можно, не привлекая к себе внимания.

Вот только что искать?

Самое интересное, самое важное, что может дать эта *лазейка* – сведения о «Саранче Апокалипсиса». Но **она** абсолютно не представляла, какая подсказка может быть дана из прошлой *лазейки*. По сохранившимся упоминаниям никак невозможно понять, что представляла собой эта Саранча, однако дата ее появления зафиксирована точно: на пятом году от основания Ньютауна, то есть ровно тридцать лет назад. Кто бы ни работал в индейском поселении семнадцатого века, он определенно не попадал в этот срок.

Очень досадная «дыра», словно нарочно. Но это факт, с которым предстоит считаться.

О самой саранче ее сверстницы, конечно, даже не слышали, это она еще раньше выяснила. Наверно, каждая практикантка тут начинает работу именно с такой вот попытки: и знаешь ведь, что пустой номер, но все равно удержаться невозможно.

Тридцать лет для девчонок совсем уж седая древность, но дело даже не в том: здесь такие темы с юницами и при юницах не обсуждают. Табу. Даже среди почтенных глав семейств, уважаемых членов общины, об этом почти не говорят. Тем более – с приезжими.

В «Воспоминаниях местной жительницы, итожащих длительный опыт, содержащих рассуждения и назидания» передано краткое упоминание о слышанном ею разговоре, но эти свои мемуары Дженни написала в совсем взрослом и даже пожилом возрасте, ее нынешние воспоминания ничего похожего еще не содержат. Да и разговор тот, конечно, седьмая вода на киселе, рассказ о пересказе слуха. Поди разберись по нему, живое существо то было или механизм.

Этого, правда, и по другим источникам не понять. Вон профессор Морис ведь утверждал недавно – в реале, конечно, недавно, – что все интерпретации феномена Саранчи как кибермеханического базируются на косвенных основаниях, а на самом деле нет нужды плодить лишние сущности, коль скоро в индейском фольклоре существуют предания о Ваки-йя, «громовой птице». Поскольку же на континенте в исторически недавние времена действительно существовала реликтовая популяция до неприличия исполинских грифов-тераторнид...

Профессору вежливо поаплодировали. Лишние сущности, конечно, плодить никому не хочется. И представить, будто на первопоселенцев Ньютауна навел страх всего лишь гриф, даже до неприличия огромный, гораздо комфортней, чем думать о Саранче как о роботе с иной планеты или из иного измерения. Особенно если учесть, что все попытки отыскать хоть какой-то конкретный след до сих пор оказались тщетными. А стоили слишком дорого. Во всех смыслах.

Но, конечно, *этих* людей никакой гриф не заставил бы думать, что наступил Апокалипсис. Не произвело бы существо из плоти и крови таких опустошений, не выдержало бы без видимого вреда стольких попаданий тяжелых пуль – причем как минимум три из ведущих по нему огонь ружей были нарезными.

И вообще тут слишком много «не». Многим из которых (если не всем), видимо, предстоит остаться таковыми навсегда.

О старом индейском поселении подружек тоже расспрашивать бесполезно. О нем и старожилы толком не знают: опустело еще до их прихода. К счастью для обеих сторон.

В любом случае придется идти к той скале. Она, как девочки рассказали, близко. Может быть, даже сегодня еще получится успеть.

Поворот тропы – и вот уже открывается вид на Ньютаун. А вдалеке, возле дороги к выгону, стоят и разговаривают...

Ой.

Джедадию Пека, советника, с кем-то перепутать трудно: очень высокий, седобородый, во всегдашнем своем сюртуке, долгополом и черном. Строго-благобразный (ключевое слово тут «строго»). А рядом – Томас Гриффитс. Даже если не все девчонки его сразу узнали на таком расстоянии, то уж Дженни-то не ошибется, а с ней и **она**.

Разумеется, всем было ясно, что когда дочь советника вернется домой зареванная, с разбитым носом, в помятом чепце и разорванном платье, то Джедадия непременно захочет провести беседу с опекуном обидчицы. Но, наверно, он бы мог так не спешить. Видать, действительно счел случай серьезным.

Тут **она** поймала себя на том, что оценивает ситуацию с точки зрения Дженни – и даже улыбнулась. Нет уж. Не **ее** тело, не **ее** боль и стыд.

Почтенный Пек закончил разговор, со степенной вежливостью кивнул своему собеседнику и направил стопы обратно в город. На стайку девушек он за время беседы так ни разу и не посмотрел.

Томас постоял некоторое время в задумчивости. Потом встряхнулся, бросил взгляд на **нее** (то есть на Дженни, конечно), сделал какой-то незавершенный жест, будто подзывая к себе – но, как видно, раздумал делать это при всех. Тоже зашагал в сторону Ньютауна, настолько же отставая от советника, насколько опережая девушек.

– Бедная Дженни... – всхлипнула рыженькая.

– Послушай-ка, мейстрисс Гриффитс, – рассудительно сказала дочь священника, – ведь на самом-то деле вина Гвенделин гораздо больше твоей. Что, если мы все объясним?..

– И к чему это приведет, мейстрисс Перкинс? – спокойно возразила **она**. – Как ни вмешайся – мою участь ты, пожалуй, только усугубишь. Ну, достанется и этой несносной Пек – не тебе, Лиззи! – тоже. Так ей в любом случае достанется: и сейчас, и вообще. С таким-то главой семейства – Гвенделин наверняка полосатей папоротникового листа... Думаешь, она просто так в рубашке купаться собиралась, а служанка ее на берегу с простыней ждала?

– О! – в изумленном восторге двуголосо выкрикнули близняшки.

– Да и как вы можете «все объяснить»? – продолжила **она** нарочито таким же рассудительным тоном, как Перкинс. – Не сами же к советнику или моему дяде пойдете, так ведь совсем не положено... Значит, сперва своим отцам рассказать должны, а там уж они примут решение: вмешаться, не вмешаться или что другое. К тому времени все уже давно будет позади. Ладно вам, подружки: это ведь не грех, а всего лишь проступок. Ничего страшного. Увидимся завтра.

Она еще раз улыбнулась сверстницам – солнечно, свободно! – и, обогнав их, поспешила по тропе вслед за Томасом Гриффитсом.

Действительно, ничего страшного не предвиделось. Сплошная обыденность.

Через десятки лет мейстрисс Гриффитс даже сочла уместным описать этот эпизод в своих «Воспоминаниях», в назидание дерзостным юницам. Мистер Гриффитс все-таки не положился на одну лишь только версию советника Пека, но выслушал и саму Дженни тоже. После чего спросил, что, по ее мнению, должно было последовать, находишься сейчас троюродная племянница не под его опекой, но в отцовском доме. На что племянница без колебаний ответила: отец бы немедленно вручил ей ножницы. «Ножницы?» – переспросил Томас. «Да. И приказал бы мне собственноручно нарезать достодолжное количество розог. Кой тотчас и применил бы с большим усердием». «Что ж, – сказал Томас Гриффитс после короткой паузы. – Можешь ли ты назвать причину, по которой я должен поступить иначе?» На этот вопрос племянница ответила отрицательно. «Тогда, – сказал ее опекун, – тебе известно, где в доме лежат ножницы».

Конец цитаты.

Действительно, какую причину она могла бы назвать? Что троюродный дядя, к тому же ставший ее опекуном без году неделя, все-таки не отец? Но он ведь в самом деле единственный ее живой родственник и, по всем законам, ответственен за ее судьбу: по законам самой жизни тоже, без него Дженни бы просто-напросто пропала. К тому же жили они, судя по всему, душа в душу: и до этого эпизода, и после.

Что, негоже двадцатисемилетнему мужчине раскладывать девушку десятью годами его младшую на скамье и стегать ее прутьями по голому задку? Но ведь оба они находились в зоне действия пуританских представлений о допустимости и недопустимости, а раз так – то ситуация воспринимается как «глава семьи наставляет порученного его заботам ребенка».

Даже в пору старости мейстрисс Гриффитс эти представления еще были полностью в ходу, что уж говорить о времени ее отрочества...

Вот только чего Томас Гриффитс точно не мог знать, так это что еще прежде, чем Дженни возьмет ножницы, в дверь постучит мальчишка, сын доктора Хьюза, со срочной вестью: совет самоуправления незамедлительно созывает всех членов общины. С оружием. Сбор – в торговом складе Пауэлса.

О причине паренек не знал, да ему и не положено было. Зато знала **она**, по все тем же «Воспоминаниям»: ожидается налет индейцев.

Томас собрался мгновенно, тут у каждого ружье и боеприпасы всегда в полной готовности. Наспех отдал несколько распоряжений – ни одно из которых не было связано с темой ножниц – и поспешил к месту сбора.

А **она** теперь стоит возле того чуть тронутого прозеленью утеса, который в Ньютауне носит название Изумрудной скалы.

В кармане фартука у **нее** свечка и огниво. А в другом кармане – ножницы: опекун ведь не отменил прежнего решения, значит, Дженни должна его выполнить. Однако теперь, поскольку глава семьи не рассчитывает вернуться раньше ночи, она может сходить за прутьями даже до Изумрудной скалы. Отчего бы нет?

Угроза нападения индейцев окажется ложной, сегодня Ньютауну ничего не грозит. Еще два года и семь месяцев не грозит. А вот потом будет малая война, в которой со стороны горожан погибнут всего трое – и Томас Гриффитс будет в их числе.

По этому поводу у Дженни, ничего такого не знающей, не было никаких ощущений. Поэтому **она** прислушалась к своим собственным ощущениям – и...

Ладно, сейчас не до того. Свет потребуется... да тут и нет других вариантов: где-то под скалой должен быть небольшой грот или хотя бы глубокая ниша. Там ее ожидает... нечто. Тщательно сохраненная записка, скорее всего.

Кто-то шестьдесят плюс-минус два года назад оставил **ей** записку. При работе в разновременных лазейках так не поступают: должно быть, очень важная информация. Секретная, предназначенная только для **нее**. Аборигенам что монский алфавит, что индейские знаки... Да и работающие тут практикантки, надо думать, на *лазейку* Варамунди не настраиваются и соответствующую письменность не изучают, это было бы совсем уж невероятное совпадение.

Кто-то, желающий непременно связаться с **ней** (зачем?!). Знающий, что она готовилась к Варамунди – то есть, скорее всего, и сам работавший там. И здесь работавший, в старой *лазейке* индейского стойбища (туда практиканток не посылают, там совсем не для них условия!)... а еще, скорее всего, прямо тут, в этом синхроне.

Очень мало таких, у кого все это может совпасть. Строго говоря, вообще только один такой человек есть.

Ой. Теть Тань, ты даешь. В реале **мне** этот секрет сообщить не могла?

А вот и ниша у подножия скалы. Проникнуть туда можно, только встав на четвереньки, что благонаправной девице никак не подобает... но и труда не составит, если целью такой всерьез задаться.

Действительно, темно внутри.

Трут занялся после второго удара, огонек перескочил на фитиль свечи – и полость маленькой пещерки озарилась. **Она** готовила себя ко всяким странностям, поэтому неожиданнее всего оказалось увидеть маленький ларец, кованый, явно не индейской работы... впрочем, что тут такого: это Ньютауна тогда в помине не было, а здешние индейцы, оджи-

бве-шигенбиса, с поселенцами в какие только контакты не вступали, пускай для этого приходилось и в дальние походы отправляться.

Чем, интересно, писать можно было в индейском стойбище... И на чем...

Оказалось – чернилами и на хорошей бумаге, за шесть десятилетий не утратившей белизну. Можно бы догадаться, раз уж ларец был в наличии.

А языку, на котором было написано это послание, она **уже** не удивлялась.

«Посмотри направо» – первая строчка.

Посмотрела. Ничего не увидела. Стена пещерки как стена пещерки. Хотя...

Отставив в сторону свечу, подползла на животе вплотную. Заметила блеск прожилок. Все-таки ничего не поняла. Тронула пальцем. Металл? Ну и что?

Может, следующие строки прояснят?

Но больше о том, ради чего следовало посмотреть направо, в записке не было ни слова. А было такое, от чего кровь жарко бросилась ей в лицо:

«Прутья можешь нарезать прямо здесь. Лучшие красные, чем желтые. Замоchi их сразу, как вернешься: иначе пожалеешь.

В малом отделении – еще один листок, свернутый. Возьми с собой. Развернешь и прочтешь между «Источником всех благ» и «Благодатью во грехе».

Ну, тѐ!!!

При наказании обычно полагалось читать молитвы. Чаще всего что-то из обыденных – ну да, прежде всего «Источник всех благ», а если он закончится быстрее, чем положенное наказание – то почему бы и не «Благодатью во грехе» следом. В особо богомольных домах, вроде Перкинсов или того Пека, который Джедадия, могут и что-то посложней читать, возвышенной, с комментариями главы семьи, а за перепутанную строчку заставят повторять молитву с самого-самого начала. У Кортлендов принято просто вести счет ударам: «Раз, сэр!.. Два, сэр!.. Тридцать пять, сэр!» – ну или «мэм», если наказывала мать. Доктор Леннокс, скептик и вольнодумец (из-за этого его через шесть лет вынудят покинуть Ньютаун), младшей дочери предписывает читать вслух таблицу умножения, до пятью пять или до семью десять, в зависимости от вины. Старшей же – латинские вирши, причем за каждую ошибку добавляет по одному удару; на семейную педагогику его вольнодумство не распространяется.

Об этом девушки друг с другом сплетничали совершенно беззастенчиво. **Она** даже удивлялась: отчего так, пуританское воспитание все-таки никуда не должно же деться? Потом поняла. Бедные цыплята, им только это и отведено из телесной чувственности, и то на краткий срок пробуждения девичьих соков: почти тотчас же замуж – кого в шестнадцать, кого в девятнадцать, редко позже – и все...

Вот где точно нет ничего телесного, так это в пуританском супружестве. Одна только плотская, грешная, подневольная необходимость. Всю оставшуюся жизнь – в полной темноте, при потушенных свечах и закрытых ставнях. И никогда в постели не поднять брачную рубашку выше пупка. Даже в свадебную ночь – кровь должна остаться на рубашке, не на простыне.

И ласковых прикосновений не будет, это грех. А в случае чего наказаний не будет тоже – будут просто побои.

Походов с подругами на реку тем более не будет. Мыться надлежит в стенах дома, в лохани, иногда – опять же не снимая рубахи.

...А пока что **она** в лохани замочила принесенные прутья, связав из них три пучка. И хмыкнула, осознав, что слишком уж самонадеянно рассуждала о сверстницах из этого синхрона как старшая, сведущая, раскрепощенная. Ага, куда там дальше.

Вот уж дура, право слово.

До темноты глава семейства действительно не пришел. **Она** поднялась было в свою девичью каморку, затушила свечи, легла – и, уже накрывшись с головой одеялом, прислушалась к подсознанию Дженни, оно в такие моменты, меж сном и явью, позволяло проникнуть куда глубже обычных пластов. Очень удивилась. Встала, затеплив свечу, спустилась в общую комнату – босиком, в спальной рубаше. Внутри дома так ходить не считалось зазорным, при всей пуританской морали. Впрочем, рубашка эта – даже не до пола, а длиннее, ее при ходьбе поддерживать надо. Из плотного полотна, застегнута под горлом, и рукава застегнуты тоже – у самых запястий. Настоящая палатка. Нескромному взгляду скользнуть абсолютно некуда.

(Гордячка Гвенделин, придя на берег со служанкой, для купания облачилась в такую же вот рубашу, словно замужняя дама. И когда остальные девушки от изумления не нашли что сказать – начала корить их бесстыдством, причем получалось так, что скорее словно бедностью корила. В особенности Мойре досталось, даже не понять, почему: как видно, были меж их семьями какие-то счеты.

Ну и получила. Пускай и не от оробевшей Мойры.)

Одну за другой зажгла масляные лампы, а потом и свечи в тройном канделябре, погостевому щедро.

Должно хватить света, чтобы можно было прочитать второе послание, хранившееся в малом ящичке ларца. Из странного упрямства **она** этого пока не делала, не разворачивала его даже. Так и сидела на лавке, скрыв сложенную записку в ладони.

Тут и скрипнула чуть слышно входная дверь. Томас Гриффитс, глава семейства, опекун и троюродный дядя, стоял на пороге. В дом он входил бесшумно, с сапогами в левой руке (за плечом правой было ружье): явно надеялся на цыпочках пройти в свою спальню, не разбудив Дженни.

Окинул взглядом горящие светильники (покачал головой от такой расточительности), переставленную в центр комнаты длинную скамью, лохань с мокнущими розгами рядом с ней, встающую ему навстречу троюродную племянницу – и сразу все понял. Опустил глаза в пол.

– Значит, ждешь... – сказал он с непонятной интонацией.

– Приказа не было поступить иначе, дядюшка, – ответила **она** таким смиренным тоном, который для Дженни был свойствен лишь в самых исключительных случаях... а по правде сказать, вообще впервые. – Благоволите мне искупить провинность.

Кажется, **она** все-таки переоценила естественность ситуации в рамках отношений «опекун – воспитанница». Томасу уже ничего и не оставалось, как принять предложенные, прямо-таки навязанные ему правила, но он все еще смотрел в пол, играл желваками на скулах. Затем поднял взгляд – и жестом указал на скамью: ложись, мол.

Ткань с шелестом скользнула по телу: одним движением его воспитанница высоко вскинула рубашу – открывшись от пяток до лопаток – и легла ничком.

Подол опустился на голову, накрыв ее как одеялом. Все: **она** под одеялом, **она** «в домике», можно сказать – «я не играю». Это не **ее** наказание, не **ее** тело, оно умерло и превратилось в прах за века до **ее** рождения.

А ты смотри, смотри, ты ведь тоже совсем мальчишка, пускай и считаешься здесь мужчиной средних лет, где тебе еще такое увидеть... И не долго тебе видеть еще хоть что-то, ведь прожил ты уже почти весь свой срок, неполных три года осталось.

В этот миг опекун, доселе все еще колебавшийся, взмахнул рукой – прутья со свистом прорезали воздух – и ожег **ей** седалище хлестким, звонким ударом.

– Ай! О, Источник всех благ, – торопливо начала **она**, – отверзи во мне ключ покаянных слез...

Уже на третьем ударе окончательно стало ясно, что это все-таки **ее** тело. Никак не иначе.

Тогда, значит, и стыд – **ее**? Но **ей** же не стыдно – и Дженни не стыдно тоже!

– Разбей гордыню в душе моей и развей ее... Посели во мне истинное смирение... А-ай! Сокруши меня и затем исцели... Уничтожь...

– Уничжи.

– Ай! Да, простите, дядюшка: уничижи меня так, чтобы я возгнушалась собой паче гордыни... Ай! Бо-ольно... Уничтожь-во-мне-нечестивые-помыслы...

– Не части.

– Сотвори во мне Свою обитель... Прикоснись ко мне исцеляющей рукой...

Казалось, прошла вечность, пока **она** добралась до последней строки: «И снизойди на меня в Своей священной благодати». Тут же, словно соблюдая неведомо кому данное слово, прямо в «домике» развернула маленький листок бумаги, поднесла его к глазам...

Да, ткань рубахи оказалась не настолько плотна – и света вполне хватило.

Она на какой-то миг словно бы исчезла, растворилась в Нигде и Никогда. Потом накатил горячая волна – и вынесла на поверхность, повлекла, перевернула, вновь накрыла с головой... Но все это происходило с **ней**, а Дженни тем временем продолжала читать следующую молитву, вздрагивая и извиваясь под ударами, но уже не вскрикивая:

– Дай мне найти... Твою благодать в моем грехе... Твою радость в моей скорби... Твой свет в моем мраке...

– Будет с тебя. Вставай.

– Твою жизнь в моей смерти... – по инерции договорила она следующую строку. И поднялась со скамьи.

С бесслезными, но блестящими, разгоревшимися глазами шагнула к Томасу. Он попятился. **Она** сделала еще шаг – и припала к его груди.

Опекун стоял как столб. Уже не отстранялся – но и не обнял ее, не попытался утешить. Убрал руки за спину:

– Деточка... Так нельзя, понимаешь? У меня... У меня есть невеста – и...

– Это я, – сказала **она**.

– Что?!

– Это я, Лешенька. Я, твоя Светка. Которая поругалась с тобой, прежде чем отправиться на практику – насмерть поругалась, как считала тогда... А ты, значит, все равно считаешь меня своей невестой?

Она уже расстегнула пуговицы у горловины, а теперь справилась и с одной из застежек на рукаве – но вторая все еще сопротивлялась с пуританской стойкостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.